

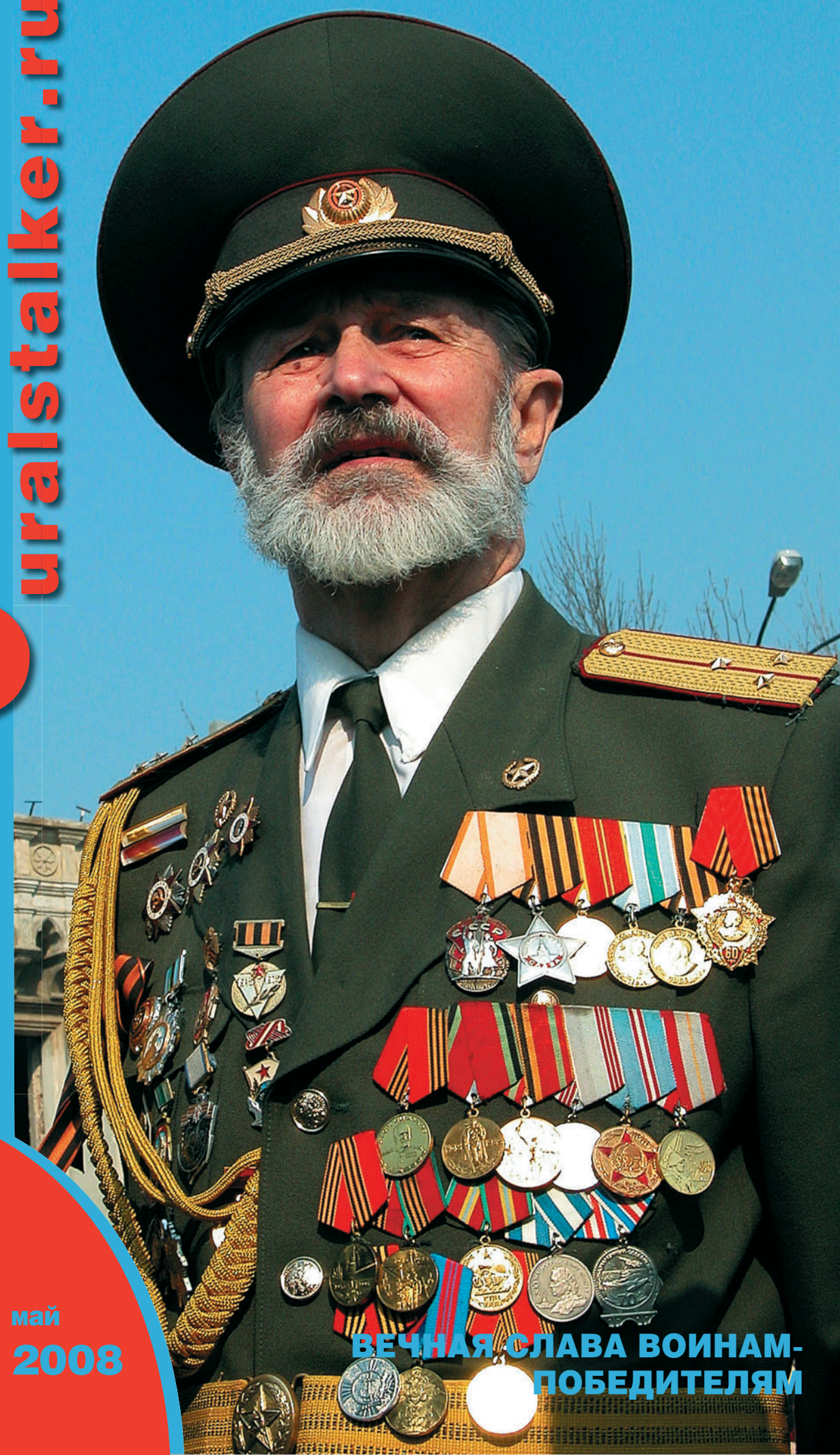

Читайте в следующем номере «Уральского следопыта» материал про один из древнейших городов – Аркаим. Если вы согласны с тем, что Аркаим – это одно из чудес России, отправьте 17 на номер 4565.

УРАЛЬСКИЙ следопыт

uralstalker.ru

Уральский следопыт, май 2008

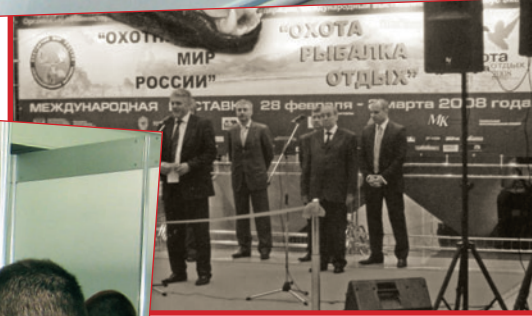
май
2008

ВЕЧНАЯ СЛАВА ВОИНАМ-ПОБЕДИТЕЛЯМ

Выставки 2008: «Уральский следопыт» – журнал для Большого Урала

Весной этого года «Уральский следопыт» принял участие в ряде региональных, российских и международных выставок:

- **Москва** – Международный выставочный центр «Крокус Экспо», 4-я Международная выставка «Охота. Рыбалка. Отдых»;
- **Уфа**
- VIII Межрегиональная специализированная выставка «Туризм. Спорт. Отдых», «Здравницы России»;
- **Пермь** – 2-я региональная выставка-ярмарка «Охотник и рыболов»
- 11-я межрегиональная выставка «Туризм и отдых-2008»;
- **Челябинск** – 12-я международная выставка «Туризм. Спорт. Отдых»;
- **Екатеринбург** – 10-я юбилейная межрегиональная выставка «Образование от А до Я»
- Межрегиональная специализированная выставка «Образование и развитие».
- «Лето-2008»

Журнал не затерялся среди множества участников биенале и был достойно оценен организаторами и зрителями. Доказательство тому – ряд грамот и благодарственных писем, заметно пополнивших копилку наград «Уральского следопыта».

Достоинно представивший Свердловскую область в Уральском Федеральном округе и России, «Уральский следопыт» также позиционировал Средний Урал, как регион, консолидирующий информационные потоки и тенденции и объединяющий Большой Урал, со всей его разнообразной географией и спецификой каждого района, в единое культурное, туристическое, спортивное пространство.

В следующих номерах журнала «Уральский следопыт» мы будем подробно рассказывать об уникальных местах Пермского края, познакомим наших читателей с их достопримечательностями, легендами и традициями.

ФЕСТИВАЛЬ ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ ВИДОВ СПОРТА

УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ МАЙСКИЙ ЭКСТРИМ-2008

www.uralstalker.su
uralstalker@mail.ru

при участии:

- турклуба УрГУ
- министерства по физической культуре, спорту и туризму Свердловской области
- управления по развитию физической культуры, спорта и туризма г. Екатеринбурга

25 МАЯ

ЕКАТЕРИНБУРГ,
Плотинка

- выставка спортивного снаряжения с 10:00
- веревочные трассы в створе плотины с 12:00
- водные состязания на Плотинке 14:00
- старт водной гонки 16:00
- награждение 19:30

Колонка редактора

Природа во всей своей красе встречает лето. На деревьях – новенькие листочки, свежая трава – все радуется первым, по настоящему летним теплым дням и первым, наверное, грибным дождям и величественным грозам.

«Уральский следопыт» во всю готовится к проведению очередного «майского экстрима» – который обычно знаменует собой начало нового сезона водного туризма на Урале. Очередной, уже двенадцатый водно-спортивный праздник на этот раз соберет 25 мая на Плотинке не только водников, но и спелеологов и скалолазов. Наш журнал не мог обойти стороной очередную годовщину Победы в Великой Отечественной войне. В майском номере журнала – ряд материалов, посвященных как войне 1941 – 1945 годов, так и новейшим войнам. «Уральский следопыт» поздравляет всех ветеранов и тружеников тыла с Великой Победой. Вечная слава спасителям нашей Родины.

70 Сергей Казанцев

Внимание! На старт, марш. – И начинается большая гонка. Длина дистанции неизвестна – начало 1957-й, а конца пока не предвидится. Человек осваивает космос. Семимильными шагами, с переменным успехом, решая текущие задачи и совершенствуя технику. Одна за другой страны вступают в строй космических держав. Будет ли победитель в этой гонке, и что он получит в качестве главного приза?

10 Величайшая тайна

художественного текста, поэтического или прозаического – почему простые, казалось бы, слова и строчки вызывают у нас эмоции. Заставляют радоваться и переживать. Эта тайна, которую может подарить как маститый, так и молодой автор. Я из домика вышел И застыл на крылечке: Дым сползает по крыше – Значит, топится печка.

56 Елена Дуреко

Природа разумна и прекрасна, и каждый раз при попытке узнать что-то новое о ней тебя ждет безграничное удивление и восхищение от этой красоты. Даже самые простые вещи – птичий ток – собираются глухари или тетерева на полянке и поют свои незамысловатые песни – самое настоящее священное действо, таинственный обряд, где роли четко распределены, а сценарий расписан по минутам.

51 Марина Шевалева, Николай Ильенко

Города на Урале выросли из камня. Камень под ногами, камень – горы вокруг. Находили в земле породу и разрабатывали месторождение. Затем на месте разработок появлялся завод, а вокруг завода – город. Поэтому сад с уральскими камнями – это возвращение к истокам, к фундаменту из которого творилось то или иное поселение.

36 Олег Хомяков

Отмотать киноленту назад и вернуться в страшное время войны. Всего семьдесят кадров, идущих один за другим, самотеком, выхваченных, украденных, и бережно сохраненных для нас.

33 Евгений Лотош

Иногда автор, увлекшись сотворением и обустройством своей, выдуманной фантастической действительности забывает об элементарных вещах. Вкладывая в руку своего героя почти полуметровый двуручный меч, забывает, что сражаться таким практически невозможно.

66 Сергей Щипанов

Время нелинейно. У него собственная логика. Иногда оно меняет направление и открывает прошлое или будущее. Просчитать где и как это происходит, человеку пока не под силу.

29 Максим Крушинин

Всегда заманчиво – побывать там, где до тебя не было никого. Желание узнать, увидеть, быть первым заставляет подниматься на высочайшие горные вершины и опускаться в глубокие опасные пещерные тоннели. Пройти сложный маршрут, преодолеть себя и увидеть величественные пейзажи Приполярного Урала, подняться на пик Сабля – такова была цель экспедиции наших туристов.

УРАЛЬСКИЙ следопыт

uralstalker.ru

май 2008

Лидер
Уральского
Турбизнеса
2007

РЕКА ВРЕМЕНИ

Далекое - близкое

А. ЛЕВЧЕНКО
С. КАЗАНЦЕВ

Любовь маршала 4
Первый, второй... 70

Неостывшая история

В. ДЬЯЧКОВ
Л. ЛИТОВСКИХ

Дети войны 6
Долг 8

Тропой поиска

Ю. ГОРБУНОВ

Писательницы России..... 7

День Победы

О. ХОМЯКОВ

70 кадров неснятого фильма 36

Экскурсии по Уралу

М. РУБЛЕВА
Н. ИЛЬЕНКО

Шевалевский сад камней 51

АЭЛИТА

Сумма технологий

Е. ЛОТОШ

Ошибки и штампы в фантастике 33

Черная дыра

Д. ЛАЗАРЕВ

Лукас Кларк меняет профессию 48

Законы Вселенной

С. ЩИПАНОВ

Электронный оракул 58

Повод для улыбки

М. БОЧКАРЕВ

Унидент..... 64

СВЕЧА ГОРЕЛА

Молодые имена

«Волшебная строка»: стихи и проза лауреатов фестиваля..... 9

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

Путешествие

М. КРУШИНИН

Восхождение на Саблю..... 29

Проекты «Уральского следопыта»

Е. ДУРЕКО

В Аятское на ток..... 56

Экскурсии по Уралу

С. КОРСАК

У берегов «Пермского моря»..... 78

Главный редактор – М. Ю. Фирсов.

Редакторы разделов – Ю.А. Горбунов, Б.А. Долинго, С. А.Надь.

Худ. редактор, верстка – Ю.В. Ульянова.

Художники – А. Федотов, А. Митрофанова, Я. Ахметшина.

Ответственный секретарь - Е. Ю. Дуреко.

Набор – В.М. Кадочникова.

Корректор – Т. В. Сергеевко.

Фото 1 полосы обложки – И. Ключева

Учредитель – ООО «Уральский следопыт».

Издатель – ООО «Трудовой коллектив редакции журнала «Уральский следопыт».

Редакционный совет

Владислав Крапивин, Сергей Казанцев, Борис Стругацкий, Геннадий Прашкевич, Олег Поскребышев, Юрий Казарин, Вадим Осипов, Сергей Лукьяненко, Василий Головачев.

Наблюдательный совет

- Евгений Виноградский, м.с.м.к., «Снежный Барс»;
- Евгений Савенко, чл. Союза фотохудожников России;
- Семен Спектор, заслуженный врач России.
- Дмитрий Бугров, ректор УрГУ.

Выпуск издания осуществлен при поддержке **Министерства физкультуры, спорта и туризма Свердловской области.**

Все школы г. Березовского получают журнал «Уральский следопыт» благодаря администрации города и главе города В.П. Брозовскому

© ООО «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ».

Адрес редакции и издателя: 620014, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 22, 4 подъезд.

Почтовый адрес: 620014, г. Екатеринбург, а/я 479

E-mail: uralstalker@mail.ru www.uralstalker.ru

Журнал зарегистрирован Управлением Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия по УрФО Свидетельство о регистрации ПИ № ФС11-1375, выдано 07.09.2007 г.

ООО «Уральский следопыт» обладает исключительным правом на логотипы и название журнала. Рукописи принимаются отпечатанными не менее 12 шт, по 60 знаков в строке, 28–30 строк на странице. Каждая страница рукописи должна быть подписана автором. Обязательно прилагать информацию об авторе; указывать согласие на публикацию в журнале, на сайте журнала, корректорскую и редакторскую правки. В первую очередь рассматриваются рукописи, дополненные электронной версией (E-mail, дискета, CD).

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. При отправлении электронных сообщений обязательно заполнять поле ТЕМА. Любое использование материалов журнала допускается только с письменного согласия ООО «Уральский следопыт». Ссылка на журнал «Уральский следопыт» обязательна.

Материалы рубрики «Добрые полднички «Уральского следопыта» и отмеченные знаком **И** публикуются на правах рекламы.

По вопросам приобретения журнала обращаться по тел. (343) 269-22-34.

Уважаемые читатели, оформить подписку на журнал «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ uralstalker.ru» вы можете через:

- Почтовые отделения Свердловской области, каталог МАП, подписной индекс 31646
 - Почтовые отделения России, каталог Агентства «Роспечать», индекс 73413
 - Агентство «УРАЛ-ПРЕСС» в Уральском регионе
 - Агентство «МИК-ПЕРИОДИКА» в России
 - Агентство альтернативной подписки ООО «ИНТЕР-ПОЧТА» в России, странах ближнего и дальнего зарубежья
- Кроме того, мы предлагаем Вам подписку через редакцию. Справки по тел. (343)269-22-34

«Уральский следопыт.uralstalker.ru», № 8 подписан к печати 25.04.2008 года.
Печать офсетная. Тираж 4500. Отпечатано в ГУП СО типография «Монетный шебеночный завод», 623700, г. Березовский, ул. Красных героев, д. 10. Заказ № 81910.

Любовь маршала

Имя Семена Михайловича Буденного мне, как и всем школьникам тридцатых годов, было хорошо известно и почитаемо. Легендарный полководец Гражданской войны, первый Маршал Советского Союза. О нем слагались песни и легенды. Мы, школьники, на уроках по военной подготовке в строю с особым подъемом пели: «Буденный – наш братишка, с нами весь народ...»

Семен Михайлович Буденный родился 25 апреля 1883 года на хуторе Козюрин Сальского района Ростовской области. Служил с 1904 года в Приморском драгунском полку, расквартированном в селе Раздольном под Владивостоком.

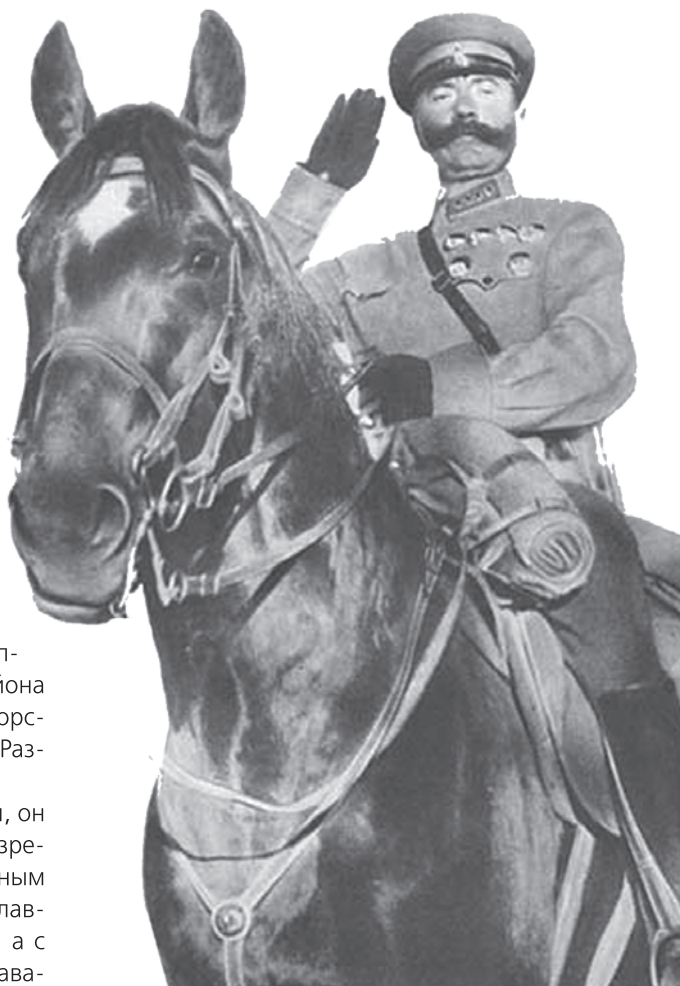
Участник Русско-японской и Гражданской войн, он и в годы Великой Отечественной проявил себя зрелым, образованным, всесторонне подготовленным полководцем. Был членом Ставки Верховного главнокомандования, командовал войсками фронта, а с января 1943 года был назначен командующим кавалерией Советской Армии.

В послевоенное время он все силы отдавал повышению боевой готовности Вооруженных Сил нашей Родины. Им гордился советский народ: беспримерная отвага, красота души, доброта и мудрость были примером для подражания.

На лекциях, беседах с личным составом о героической борьбе нашего народа в годы Гражданской и Великой Отечественной войн имя С.М. Буденного всегда было примером.

Так случилось и в беседе с командующим войсками Уральского военного округа генерал-полковником Александром Александровичем Егоровским. Вспоминая свою службу на Дальнем Востоке, он коснулся имени легендарного полководца.

«Однажды в перерыве какого-то крупного служебного совещания, когда многие уже поднялись со своих мест, ко мне неожиданно подошел Семен Михайлович Буденный. Положив руку на мое плечо, он не позволил мне подняться, сказал: «Сиди, сиди. Не вскакивай. Я присяду рядом с тобой». Поправив сиденье, он сел и задал мне вопрос: «Как служится генералу Егоровскому на Дальнем?» – «Товарищ Маршал Советского Союза! – начал я, но он знаком руки

остановил меня и сказал: «Александр Александрович! Давай договоримся, что во время нашей беседы я для вас Семен Михайлович, как вы для меня Александр Александрович! Я рад, что у вас все нормально. Вспоминая свою службу на Дальнем Востоке, я с большим уважением отношусь к тем, кому посчастливилось служить или кто сейчас служит в этом прекрасном уголке нашей страны. Когда я служил на Дальнем Востоке, а это было еще при царе, со мной произошла история, которая еще и сейчас вызывает добрые воспоминания.

Однажды во время учений мы заехали в одно село, расположенное в 12 километрах от места расквартирования части. Остановились у колодца возле дома на окраине села. Кавалеристы, попросив у хозяйки ведро, достав воды, утоляли жажду. Я с командиром разведки обсуждал свои вопросы. Один из конников окликнул нас и пригласил попить «вкусной» водицы. Мы подъехали. В это время со двора к колодцу подошла за водой дивчина. Все посторонились, уступая ей место. Один подхватил у девушки ведро и вмиг достал ей воды. Я, не отрывая взгляда, любовался красотой

Алексей Васильевич Левченко — генерал-майор в отставке, бывший заместитель командующего войсками Уральского военного округа. Председатель Фонда Г.К. Жукова. Автор нескольких статей в нашем журнале.

девушки. Ей было лет семнадцать. Небольшого роста, с пышной косой до пояса, она в своем цветастом сарафане очаровала меня. Мы обменялись с ней взглядами. Когда она подошла к калитке, я приблизился к ней и тихо сказал: «Жди меня сегодня вечером, я прискачу к тебе, красавица».

Видимо, и я приглянулся ей. Вечером, уже в темноте, когда я подсказал к ее дому, она стояла у калитки. «Долго же ты, казак, заставил ждать себя!» — встретила она меня шутивным выговором. «Как звать тебя красавица, — спросил я ее. — Меня зовут Семеном». — «А меня все зовут Верой», — со смехом ответила она и вышла через калитку на улицу. Я слез с коня, подошел к ней близко и спросил: «Где мы можем посидеть, поговорить?» Усмехнувшись, глядя на коня, она сказала: «А коня-то ты, козаче, заморил. Вон как он тяжело дышит!» Так продолжая шутивный разговор, мы подошли к ручью, который протекал недалеко от дома Веры. Уселись на поваленное дерево. Незаметно время перевалило за полночь. Конь, которого я отпустил пастись на лужайку, подошел к нам и стоял, уставившись на догорающий костер.

Проводив Веру до калитки, я только на прощанье поцеловал ее, сказал, что если позволит обстановка, то завтра, вернее, сегодня вечером прискачу.

Наши встречи продолжались больше года. Мы почувствовали, что не можем быть друг без друга. Встречи превратились в праздники. Проходили уже в ее доме. Я на правах суженого почти каждый вечер, проскакав более 10 километров, в жарких объятиях проводил счастливые минуты.

Наше счастье было прервано передислокацией части на границу. Случилось так, что я не смог наладить переписку.

Война, революции и все дальнейшие события так захлестнули меня, что на личную жизнь времени не осталось. Воспоминания о Вере, о наших встречах и планах приводили меня в какое-то радостное настроение и одновременно вызывали грусть о чем-то потерянном.

И вот, услышав ваше выступление, Александр Александрович, я вспомнил ту далекую молодость, которая проходила в местах, где служите вы. Моя просьба заключается в следующем: прошу вас поручить кому-то навестить Веру. Адрес я написал, — и Семен Михайлович, не торопясь, вынул из внутреннего кармана вчетверо сложенный листок. — Пусть узнают, жива ли она, передадут от меня самые добрые пожелания. Если она в затруднении, постарайтесь, чем сможете, помочь ей. Все затраты я компенсирую. Одно прошу: наш разговор и ваши решения по моей просьбе не должны быть обнародованы».

По прибытии к месту службы я послал порученца прояснить обстановку, узнать, жива ли Вера, помнит ли она Буденного и какая ей нужна помощь. Через неделю он доложил следующее.

На окраине села в небольшом покосившемся доме, ушедшем одной стеной глубоко в землю, проживает одинокая старушка. Баба Вера — так зовут ее

соседи. Баба Вера, рассказал мне порученец, любезно встретила его. Это была маленькая старушка. Годы не смогли стереть с ее лица былой красоты. Улыбка, которая постоянно украшала ее лицо во время всего разговора, притягивала взор. В стареньком, но чистеньком платьице и цветастом передничке она была похожа на персонаж сказки, которую рассказывают детишкам.

— Баба Вера, скажите, помните ли вы Семена Буденного?

При упоминании маршала баба Вера тихонько всплеснула руками и присела рядом со мной.

— Скажите, жив ли он и как его здоровье?

Я ответил:

— Маршал Советского Союза Семен Михайлович Буденный жив, здоров и передает вам самые лучшие пожелания.

— Ну и слава Богу, — прошептала она. Помолчав минуту, продолжала:

— Помню! Ой, как помню! Отменный был козаче Семен! Дай Бог ему здоровья и долгих лет жизни. Обстоятельства повернулись так, что не пришлось нам прожить с ним вместе так, как мы мечтали. Ну а мы с моим Степаном, пусть будет пухом ему земля, мы счастливо прожили отпущенное нам время. Правда, проклятая война отняла у нас двух сынов, Семена и Василия. И вот теперь я одна доживаю свой век. Спасибо людям, помогают во всем. А Семен Михайлович и сейчас нередко во сне приходит в гости ко мне. То было самое счастливое время. Он ворвался в мою жизнь как ураган, как ураган и исчез, оставив на всю жизнь чувство радости и ожидания. Вы подняли в моей душе такое, что я долго-долго буду приходить в себя.

Когда она говорила, то вся как будто светилась, а, закончив, несколько мгновений сидела, прикрыв глаза платочком, которым была накрыта ее седая голова. Проговорили мы еще долго. Затем вышли во двор. Она показала маленький сарай, где она держала свою любимицу, корову Зорьку.

Рассказав мне все это, порученец сделал вывод: жить в таком доме уже нельзя. Он скоро рухнет. Внутри по стенам проступает сырость. В таких условиях баба Вера долго не проживет. Ей нужен новый дом.

Посоветовавшись с членом Военного Совета, я отдал распоряжение: из бревен, которые в достатке хранились на полигоне, срубить дом. Сделать все: пол, окна, двери, крышу. Разобрать, перевезти и в недельный срок собрать рядом со старым домом бабы Веры. Переселить ее в новый дом, а старый разобрать и на его месте сделать лужайку.

Все это было выполнено в месячный срок...

Спустя месяц, проезжая через Москву, я позвонил Маршалу. Обрадовавшись моему звонку, он попросил приехать к нему домой. Я кратко рассказал о том, что сделано по его просьбе, и показал фотографию нового дома, на фоне которого стояла баба Вера. Рассказ и фотография растрогали его. Мы подняли и выпили по чарке за здоровье бабы Веры.

Дети войны

16 апреля 1940 года у нас забрали в армию старшего брата Владимира и отправили в Чебаркуль учиться на связиста. В первые дни войны он уже был на передовой. 12 мая 1941 года забрали второго брата, Ивана, он также оказался на передовой. И так, мы остались без кормильцев и без средств к существованию. Мать — Парасковья Степановна, 54 года, сестра 14 лет, брат 12 лет и еще брат 10 лет. Таких обреченных было множество в поселке УЗТМ.

22 июня рано утром (я жил у старшей сестры Доры на Агафуровских дачах, она работала медсестрой в легочном отделении) по радио оглушительно раздалось: сегодня в 3 часа утра началась война, немцы бомбили наши города (Киев, Минск и многие другие). Я от страха забился под подушку и одеяло, таким образом думал спрятаться от войны. Но, пропотев, вылез из своего убежища, вышел на улицу — там была тишина, полное безлюдье. Я подумал, что все уже погибли, и убежал обратно в дом, забился в угол под одеяло. Послышались шаги, скрип двери: немцы, мне капут... Раздался голос: «Вася, где ты? Это я, Дора, не бойся, давай быстрее езжай домой на УЗТМ. Скажи маме, что меня забирают на фронт».

Я, плохо соображая, напялил одежду и побежал. Автобусов тогда не было, только конная дорога и тропа через темный бор. Надо было бежать до парка Маяковского, а потом трамваем до УЗТМ.

На другой день Дору и других медработников отправили на фронт из школы на площади Обороны. Вся территория, насколько возможно, была заполнена провожающими. 23 июня по радио было объявлено: замаскировать окна, организовать дежурства на улицах, по домам, на чердаках. На Уралмаше к домам навезли горы ящиков, эти ящики стали ставить на чердаки в дома и у домов. Их заполнили песком. Около ящиков приспособили топоры, пилы, ломы, крючья, лопаты, ведра. Во всем этом мы, пацаны, принимали самое живое участие. Днем, и особенно ночью поочередно дежурили жильцы, сменяя друг друга. На чердаках и крышах в основном дежурили пацаны, вооружившись крючьями, воображая себя рыцарями с пиками. С вечера дурачились, как-то играли, к ночи смирились, сбиваясь в кучу на крыше дома у чердачного окна — в случае необходимости поблизости был песок. Ведь мы следили за небом, оно было исполосовано лучами прожекторов. Вдруг повалятся зажигалки, мы были готовы и даже желали этого, чтобы проявить свою храбрость.

Под утро нас валил сон, мы всячески боролись с ним: один дремал, другой бодрствовал. Хорошо, что

под утро нас сменяли взрослые, почти спящих выпроваживали по домам. Мы чувствовали себя героями, ведь мы помогали своим воюющим братьям, сестрам, родным и близким.

В середине зимы завод был предельно загружен, рабочих не хватало, всех, кого можно было, забрали на фронт, остались женщины, старики и дети. Пацанов одиннадцати лет забирали в ремесленное училище, там кормили, одевали и учили; это была хорошая школа труда. Через два года получались хорошие работники. Но уже через три месяца, кто был постарше, становились токарями, слесарями, фрезеровщиками и прочими мастерами. Мне повезло быть ремесленником, но поскольку у меня была семья, меня отпустили, но токарное дело все же я постиг.

В это трудное время после школы нас водили на завод помогать рабочим. Собирали стружку, копали опилки, нагружали вагонетки минными гильзами, снарядами, развозили их по цехам, растаскивали по станкам, за которыми на подставках стояли и работали такие же пацаны от 14 до 17 лет. На завод шли и рвались, как на фронт, правдами и неправдами, прибавляя года. Надо было иметь 16 лет, и имели почти все, кто хотел. Работали по 12 через 12. Да, это не был фронт, но люди гибли почти каждый день, умирали от измождения, недоедания и голода. Дети падали в обморок. За непосильную работу нам, детям, давали тарелку шлюмки, кусок черного хлеба весом в 50 граммов, стакан суфле и два стакана елового сока. Работали мы, пацаны, часа 2 или 4, но иногда и все 10, а то и больше.

В день выпуска оружия с фронта приезжали военные спецы. С завода не выпускали ни души. В 2 часа ночи все ворота завода закрывались, и с завода выезжали танки, тяжелая артиллерия, «Катюши» и вся прочая военная техника. Хотя это делалось ночью, но на улицах стояли толпы народа. Стар и млад со слезами на глазах провожали, радовались за свой труд, что таким образом помогают бить фашистов.

В школах обучали военному делу. В 4—5 классах мы в совершенстве знали всю военную технику: пистолет, винтовку, гранату, позднее автоматы — знали лучше, чем любой школьный предмет. Разбирали и собирали с закрытыми глазами. Почему же теперь ничему этому в школах не учат? А врагов ведь у нас не поубавилось, они есть, еще более хитрые и подлые, перед которыми мы лебезим и сюсюкаем.

В летнее время нас, пацанов, отправляли в колхозы, чтобы подкормиться и поработать. Уезжали мы весной к посевной и работали до окончания уборочной. Так в 13 лет мы становились комбайнерами, трактористами,

выполняли всевозможные сельскохозяйственные работы.

Овладевали этими специальностями в течение двух-трех дней. В колхозе имелось всего два трактора «Фордзон». Мужик лет пятидесяти, инвалид, сажал одного из нас на трактор рядом с собой, совершал три круга, показывая искусство вождения, потом сажал другого, совершал также те три круга — и так мы становились трактористами, потом комбайнерами. Работали сутками с утра до утра, падая от усталости.

Комбайн обслуживало восемь пацанов: двое на тракторе, двое штурвальных на комбайне, двое на соломосбрасывателе, еще двое на платформе — насыпали зерно в мешки, которые весили по сто килограммов. Чтобы как-то отдохнуть, мы менялись местами, самая тяжелая работа была у соломосбрасывателей и на платформе. Когда к платформе подъезжала подвода, мы вшестером собирались, чтобы бросать на телегу стокилограммовые мешки. Если мешок, не дай Бог, падал мимо, то останавливали трактор и комбайн и всей оравой заволакивали мешок на телегу.

Очень тяжелая работа была при мотыльбе.

Завершающий этап уборки — это сопровождение обоза с зерном на элеватор. Бывало, ехали трое суток. Для сопровождения собиралось пацанов тридцать и больше, на каждой подводе по два. Подвод 50—60 — и всего один мужик с деревянной ногой, с ружьем. Стреляло ли оно, одному Богу известно, не слышали. Спали по переменке, в основном шли пешком. Когда сдавали зерно, на элеваторе нас кормили и давали кормовые на обратную дорогу. Она была для нас пыткой, спали на ходу, в конце концов валились на телеги и засыпали мертвым сном. Кони сами везли нас в родные края. На передней и задней телегах были приспособлены плакаты «Все для фронта!».

Так вот жили дети войны Уралмаша. Мы думаем, кое-что сделали для Победы, без таких, как мы, наши дорогие фронтовики с голоду бы протянули ноги и стрелять бы им было нечем.

А теперь обеспечиваются только фронтовики, а мы, дети войны, чудом выжившие, влачим нищенское существование. У многих из нас полегли на поле брани кормильцы — отцы, братья, сестры. Из моей семьи трое. Один из нас, инвалид II группы, получает 2700 рублей, проработав 49 лет, помимо войны. Это вполне демократично по новым законам, да?

Юний ГОРБУНОВ

ПИСАТЕЛЬНИЦЫ РОССИИ

(Материалы
для библиографического словаря)

В

ВОСКРЕСЕНСКАЯ С.И., переводчица.

Сотр. в журн. «Живописное обозрение» (1878-79).
Слов. рус. писательниц; Венгеров. Источ.

ВОСКРЕСЕНСКАЯ Софья Ивановна

Сост. кн. по домоводству (1909).
Венгеров. Источ.

ВОСТОКОВА Е., переводчица.

Пер. с франц. драмы: «Убийство на улице Мира» Адольфа Бэло. СПб., 1873; «Обыкновенная история» (1873).
Слов. рус. писательниц.

ВОТЯКОВА Надежда Измайловна, переводчица драм. произв.

Венгеров. Источ.

ВОЩИННИНА Мария Александровна (урожд. Жемчужникова; ок. 1875 — не ранее 1944), авт. воспоминаний.

Дочь писателя А.М.Жемчужникова. Оставила воспоминания «Последний концерт А.Г.Рубинштейна: (Из воспоминаний)» \ \ Сегодня. 1937. 28 февр. (1870-е гг. — 1894. Детство автора. Рассказы отца. Жизнь семьи автора в Вильне. Учительница музыки А.А.Травина).
РРЭВД. 3.

ВРАНГЕЛЬ Людмила Сергеевна, баронесса (урожд. Елпатьевская; 1878 — 1969), писательница, мемуаристка.

Дочь писателя С.Я.Елпатьевского. С 1917 г. эмигрировала вместе с матерью, отец остался на родине. Жила во Франции. Авт. мемуаров: «Далекое прошлое: Отрывки из рассказов моей матери». Париж, 1934. «Крым». Париж, 1939, «Воспоминания и стародавние времена» (Вашингтон, 1964). «Семья Раевских: Образы минувшего века». Париж, 1955; крымские воспоминания «Берег дальний» -- о Чехове, Куприне, Горьком, встречах с М.Волошиным, А.Толстым напечатаны в парижском журн. «Возрождение» (1950). «Судак; Коктебель» \ \ Русская мысль. 1959. 17 нояб. — о посещении автором своих родителей на даче у поэта М.А.Волошина. Ее «Воспоминания об А.И.Куприне» (1900-1936). — РГБ ОР, ф.392, 1.30. «Из воспоминаний. Новосокольники. (1915-1916)» — Там же, ф.218, № 985. 40. «Горный Крым: Из воспоминаний» \ \ Русская мысль. 1960. 25 июня. О ней: Виттс А. Что проснулось в памяти \ \ Русская мысль. 1984. 12 янв.

ВД. Указ. рук. (ук. имен). ЛЗР; Книга рус. зарубежья; РРЭВД. 1 (здесь гр. 1877, по др. ист.1881), 3

ВРАНГЕЛЬ Мария Дмитриевна (урожд. Деметьева-Майкова; 1857 — 1944), авт. воспоминаний.

Мать главноком. Белой армией ген. П.Н.Врангеля, баронесса. С 1920 г. — в эмиграции. Авт. воспом. «Моя жизнь в советском раю» — «Архив русской революции, издаваемый Г.В.Гессеном». Т.1У. Берлин. 1922. С.198-215. Собрала большой свод информации о деятельности рус. писателей, художников, музыкантов и всего, что было связано с русской культурой в эмиграции. Это собрание В. в 1933 передала в архив Гуверовского ин-та при Стэнфордском ун-те, продолжая его пополнять. Наиболее интересные справки из лит. части ее собрания были напечатаны: Шевеленко И. Материалы о русской эмиграции 1920-1930-х гг в собрании баронессы М.Д.Врангель. Стэнфорд, 1995. опубликована также автобиография Ивана Билибина: Новый мир искусства. 1998. № 1. С.7. В сб. Диаспора. 4. напечатаны письма С.Л.Бертенсона к баронессе М.Д.Врангель (С.629-646). Авт. воспоминаний «Люди-звери» \ \ «Рус. летопись» Париж, 1924. № 6. С. 159-166).

Периодика...; Диаспора. 4; РРЭВД. 2, 3.

Начало в №1, 2005. Продолжение на стр. 47

Леонид ЛИТОВСКИХ, ветеран труда.
С. Каменки, Богдановичский район

Долг

Вспоминаю далекий ноябрь 1961 года, когда получил повестку из военкомата о призыве в ряды Советской Армии. Именно в тот день, 6 ноября, мама с каким-то затуманенным, грустным взглядом промолвила:

— Запомни адрес в похоронке, уточни, где могила отца, да и съездить бы надо, поговорить с отцом. И земельки привезти к обелиску. А сколько останется, положишь потом на мою могилку.

И, глядя на ранние седины матери, на ее скорбное лицо, проглотив подошедший к горлу комок, я только и смог произнести:

— Ладно, мама, сделаю, что смогу!

Маму можно понять: которого уже мужика на службу провожает. Первого — мужа (а моего отца, значит) — не дождалась, получив взамен в четверть тетрадного листа клочок коричневатой бумажки из казенного ведомства — «похоронку». В ней было прописано, что рядовой красноармеец такой-то погиб смертью храбрых и похоронен северо-западнее деревни Речки (Редцы) Залучского района Ленинградской области. Не давали эти скобки мне покоя, какая-то двойственность получалась, неточность.

Пролетел год службы, и я сделал первый запрос — в г. Подольск (центральный архив МО). Мне ответили, что место гибели отца уточняется. А вскоре пришел ответ уже от военкома г. Старая Русса, но не Ленинградской, а Новгородской области. Мне сообщили, что мой отец захоронен в селе Залучье Старорусского района Новгородской области.

Написал в то самое Залучье. Радости моей не было границ, когда я получил письмо от секретаря парткома совхоза «Сычевка», бывшего фронтовика Леонида Степановича Мирошникова. Он сообщал, что в канун 15-летия Великой Победы похороненных в трех братских могилах воинов перезахоронили в одну общую, которая и находится на территории села Залучье. Первая часть наказа матери была выполнена, о чем я с радостью ей и сообщил. Старая матушка была обрадована до слез.

В декабре 1964 года я демобилизовался, погостил месяц дома и уехал в Свердловск — обустроить свою жизнь. Но мысль о посещении могилы отца не давала покоя каждый год. Она, как заноза, ныла и сверлила мозг: «Надо! Надо! Надо!» И тут же: «А когда? И на какие шиши ехать?!»

Наступил ноябрь 1993-го — последний мой приезд к матери. И все тот же немой укор и вопрос в ее глазах: «Когда поедешь к отцу, на братскую могилку?» Я уж молчу, оправдываться нет смысла. Готов со стыда сгореть, как провинившийся мальчишка, хотя голова уже покрылась белым инеем. Я опять заверил маму, что сделаю все, о чем она просит. В конце концов, это мой долг перед памятью отца, а долги надо отдавать!

Но прошло еще четырнадцать лет, прежде чем моя мечта осуществилась — с помощью областной общественной организации «Память сердца. Дети войны», которая работает под патронажем правительства Свердловской области. Одна из ее обязанностей — оформление поездок по местам захоронений погибших на полях войны с предоставлением финансовых средств в сумме 6500 рублей. Быстро оформил все документы, и 31 мая 2007 года я их получил.

3 июня скорый поезд № 7 «Свердловск — Москва» мчал меня в столицу.

А утром 6 июня многоместный «Львов» уже наматывал километры на шоссе Старя Русса — Ляховичи. Бросилась в глаза глухая черно-зеленая стена лиственного леса с примесью сосен. В такой чащобе заблудиться проще пареной репы. Но во время войны для партизан здесь было приволье, для немцев — гибель. Боялись они этого «черного» леса как огня.

В Залучье зашел в здание администрации села. Представился.

— А мы вас ждали! — и с этими словами из-за стола поднялась женщина, напоминающая кустодиевскую купчиху. Оказалось — зам. главы администрации Раиса Анатольевна Акимова.

С разговорами дошли до воинского захоронения, где покоится прах 3200 человек. Могилу охраняет бронзовый солдат с автоматом на груди. На мемориальных досках — сотни фамилий. Многие из них явно уральские. Да и судя по рассказам свидетелей тех давних боев, здесь сражались уральские и сибирские полки. Сюда едут люди из Красноярска, Челябинска, Казани, Уфы, Усть-Катава. Возможно, здесь лежат и богдановичцы. Рядом — небольшие памятники тем, чьи имена найдены. Надгробья небольшие — мало места.

Фамилию отца нашел быстро. Мысленно поговорил с отцом и мысленно же попросил прощения за то, что так долго не приезжал. На другой день набрал небольшой мешочек с места захоронения, выполняя последнюю волю мамы и свой долг перед памятью павших здесь тысяч солдат. Вечная им Память!

В заключение своего «покаяния» обращаюсь к тем, кто еще не потерял надежды найти своих близких, погибших на полях сражений за Отечество, в конце концов, за нас с вами. Пишите военкому г. Старая Русса полковнику И. Кожемякину по адресу: 175200, Новгородская обл., с. Старая Русса и главе администрации с. Залучье Старорусского района Новгородской области Татьяне Ивановне Серко. Индекс 175224. Ищите, да обрящете. Мир не без добрых людей. На том стоим и веруем!

ВОЛШЕБНАЯ СТРОКА

С большим успехом 25—27 марта 2008 года в Екатеринбурге прошли мероприятия первого Всероссийского фестиваля литературного творчества детей и юношества «Волшебная строка-2008». Его учредитель – Министерство культуры Свердловской области, а организаторы – Свердловская областная библиотека для детей и юношества и Екатеринбургское отделение Союза писателей России.

Программа фестиваля включала напряженную литературную учебу, лекции, семинары, литературные мастерские. Лауреаты фестиваля побывали на приеме у министра

культуры Свердловской области Натальи Константиновны Ветровой, посетили границу Европы и Азии, запустили воздушные шары с «волшебными письмами», получили ценные призы и дипломы.

В рамках фестиваля проводился конкурс произведений в трех номинациях («Проза», «Поэзия», «Сказка.Фантастика»). В нем приняли участие 482 юных автора из 34 краев и областей. Положение о конкурсе было опубликовано в нашем журнале, а сейчас мы предлагаем вам работы победителей «Волшебной строки».

Юлия ИВАНОВА, 15 лет
г. Челябинск

1-е место

Детства тонкий сухой черенок,
Под ногтями застрявший Крым.
Белый парус, далёкий челнок
Треугольник неба закрыл.
Море, пряным загаром сойдя,
Показало сырое дно
И чернилами стала вода
Через кожу синим пятном
И, как лодка, о камни гремит,
Разорвав деревянный шов
И, как лодку, себя накормить
Тёплой солью, водой большой,
Белым солнцем. И вкус невесом;
И, дрожащий, тонет в воде
Расплывающейся полосой
Тонкий парус, дневной предел.

Простые, живые, – да вот они все?
Глаза близнецов, галерея зеркал,
Мышинный король, оловянная горсть.

В окне, в коридоре, в себе, в колесе,
Опухшая ветка, сухая рука,
Бумажные перья, картонная кость.

Когда их опустят в восторженный клюв,
Когда им проложат дорогу туда,
И раньше – когда им покажут рукой,

Покатятся капли дождя по стеклу.
Расплавленный сахар, слюна и слюда
И запах чернильный древесный такой

В своей белой глине и в пухе пыльцы,
И в прахе имён, и под кожей травы
В своей густоте, где ни соли ни льна.

Сквозь полости нор в земляные рубцы
Возможных, непреодолимых, живых.
Предшественники, муравьи, семена.

Анна МУРСАЛОВА, 14 лет
г. Рязань

1-е место

Импровизация

Удариться – разлететься о камни.
Удариться – лишь миг, а дальше
Разлететься о камни.
И прахом по ветру.
Разлетаюсь прахом по ветру.
По твоему ветру.
Отдавая жизненную силу
Росткам, начинающим жить,
Пробивающим дорогу через гранит.
Главное, чтобы совпала группа крови,
И чтоб, сливаясь с вулканическим пеплом,
Не обрушиться разрушительной силой
На города.
Твои города.
Города с бесконечными улицами
И подъездами.
Центр всего мира.
Вселенная переворачивается и выворачивается наизнанку.
А на месте солнца
Зияет кровоточащая рана.
Главное, чтоб совпал ритм сердца,
Чтоб восстановить его,
Ударившись и разлетевшись о камни.

Мне сказали

Мне сказали,
Я должна замолкнуть.
Мне связали
Руки свитками моих же бесполезных слов.
Я не плачу.
Каждая слеза добавляет соли в мировой океан.
Обозначу
Своё пребывание здесь полудыханьем.
Солнце светит.
Тонны его радиации обрушиваются на мой мир.
Мне не светит
Почти уже ничего.
Я сказала,
Что зря я много говорю.
Я пропала,
А никто, собственно, и не жалеет.

Марина СОБОЛЕВА, 16 лет
г. Екатеринбург
2-е место

Ангел

Прошуршу листьями,
Улыбнусь ветру,
Поделюсь мыслями.
– Ты где?
– Меня нету!
Сожмусь в облако,
Неподвижен буду.
Смотри под ноги –
Я здесь. Я всюду.

– Смотри, солнце садится.
– Запреты, заставы рукой раздвигаю.
– Что будет радовать, что будет сниться?
– Не вижу. Не верю, не помню, не знаю.
– Зачем все кончается, день на исходе?
– Все будет, но завтра – все новое, раннее.
– Спокойной же ночи, удачи, свободы.
– Все старое, прошлое, сиплое, давнее.

Она немного сумасшедшая
И постоянно не в себе.
Любви и счастья не нашедшая,
Страданьем видит смысл в судьбе.
Она немного непонятная
И неменяема нисколько.
И сторона души обратная
Давно рассыпалась на дольки.
Она всегда живет прошедшим,
В судьбу не верит и желанья,
Сквозь грусть, тревогу вечно шедшие,
И рухнувшие в миг свиданья.

Вера ХОХЛОВА, 16 лет
г. Рязань
2-е место

Мой дом пятиэтажный пароходом
Проплыл сквозь день по зелени сирени
И к ночи, переполненный народом,
Стал погружаться в глубь вечерней тени.

Ещё лучи играют на антеннах,
А там, внизу, уже разверзлась бездна,
И темноты поток стремится пенный
В широкую пробойну подъезда.

И пассажиры бегают по трапам,
Кто помоложе – прыгают из окон,
И дверь очередную, будто клапан,
Срывает чёрным сумрачным потоком.

Дом тонет. Он осел и окна гаснут.
Лишь два, вверху, как раз над мрачным трюмом
Пылают, семафорят светом красным:
Там капитан один сидит угрюмо.

И думает: «Не слышно экипажа...
Пора и мне. Прощай, мой друг-скиталец...
Мой пятипалубно-пятиэтажный...
Я был твой самый верный постоялец.

Но мне по человеческой природе
Стремиться на восход, где свет и воздух...
И на балкон спасательный выходит,
Садится и плывёт в закатных звёздах...

Сон августа

Сон августа... На день Ильи-пророка
Остыла в нашем озере вода.
В саду слезинки яблочного сока
Струятся из разбитого плода.

Земля его как мать дитя поила
Живительною влагою своей,
Качала на виду отца-светила
В плетёной колыбели из ветвей;

Стирая влагу со щеки младенца,
Пускала в омут – звёздную купель,
И, обернув туманным полотенцем,
Стелила листьев мягкую постель.

Кормила мёдом. Берегла до часа,
Когда иссякла в небе высота,
До светлой тайны Яблочного Спаса,
До снятия с древесного креста...

Николай ГРУШЕВОЙ, 13 лет
г. Озерск Челябинской области
2-е место

Остров

На берегах его
Очень много удачи,
Счастье льется рекой,
Бедный станет богаче.

Быстро вырастет мышь,
И уменьшится слон,
Все там равны,
Наступить должен сон.

Разбежалось зверье,
Все смешалось кругом,
Обитатели леса
Вдруг уплыли в моря.
Птица будто запела,
Так и кличет меня.

Пропищал воробей:
– Не ходи, не ходи.
Это птица любви.
И пока половину свою не найдешь,
Ты оттуда живым не уйдешь.

Не послушал его,
Смело дальше пошел,
И погибель свою я нашел.

Пушкин

О, Пушкин!
Мил мне твой размах пера.
Задуматься меня заставил
Твой бесконечно долгий стих
И впечатление оставил.
В него я всей душой проник,
Запомню очень я надолго
Лицо твое

И стиль письма...
Ты многим дал толчок поэтам.
И Родина тебе должна.
Должна не золото, не деньги,
А чтить тебя все больше лет.
Давал ты Родине примеры,
Давал ты Родине обет.

Екатерина РЕЗНИКОВА, 14 лет

г. Новосибирск

2-е место

* * *

Треснувшее стекло,
За окнами темнота,
На фоне серых штор
Осыпается пустота.
В белом потолке
Деревянная дверца –
Дорога на свободу
Для крылатого сердца...

* * *

На горизонте, пахнущем железом,
Под ледяным навесом неба – вечер,
Густой поток
Мерцающего Вечно.

Бал леди Мантенгрет и леди Панкок

Прекрасная леди Мантенгрет
Уселась за пионет,
И начался такой тралямбед!..
Аж в комнате потухнул свет...

Но вот заиграла Панкок,
Упал ее муж в обморОк.
А леди играла-то рок!
Вдруг рухнул на них потолок.

Вот из-под завалов вышли господа.
Дам прекрасных вывели. Тогда
И леди Панкок, и Мантегрет
Решили пойти в балет.

Анна ГОЛУБЕВА, 16 лет

г. Екатеринбург

3-е место

Ты мне нужна

*Лесом лесенка в небеса.
Полезай, душа, коли хочется.
Дмитрий Одиноких*

– Видишь, лесенка в небеса? –
Полезай, душа, если хочется,
Если нет, оставайся тогда
И не плачь, что сердце к звездам просится!

И дыши тогда тем, что есть вокруг!
И люби свой мир, и дари тепло!
Улыбнись и не бойся, я твой друг,
Я люблю тебя! Мне с тобой хорошо!

И забудь про всю тьму, что не для тебя,
Не пускай пустоту к себе в гости!
Тебе есть для кого жить –

живи для меня!

Скоро станет все легко и просто!

– Слова... Слова-то, они и есть слова,
На них ничего не написано...
– Кричи сколько влезет, кричи, Душа!
И эти слова станут истиной!

Знаешь, не бойся, что не смогут понять,
Ведь ты живешь не для них, для себя!
Не переставай людей жалеть, прощать,
Потому что всех дороже Доброта...

Смотри, он маленький собиратель фантиков –
И ему от этого хорошо...
Хочешь, пойдём дарить людям бантики,
Шарики, звезды и тепло?..

Я знаю, ты хочешь чего-то своего,
Живого и настоящего!
Потерпи немножко, и будет все...
И будут дети, и будет счастье!

Видишь, лесенка в небеса?
Пожалуйста, не бросай меня!
Оставайся здесь. Ты мне нужна,
Ты мне очень нужна...

Я люблю тебя!..

Последний спектакль. Билеты распроданы

Вот он, последний отрезок пути...
До закрытия занавеса.
Аплодисменты, восторг, цветы.
Игра блестяща! Не правда ли?!...

Давай, постарайся! Пара рынков.
Всем на радость и умиление...
Мне страшно,
мне больно,
мне тяжело –
...Всем плевать. Все ждут представления!

«Как угодно! Как хочешь! Только вперед!
К цели. К цели. К цели...» –
Так сказала она и добавила тише:
«Надо, Анечка... я в тебя верю»...

Мне нельзя подвести! Много важных гостей
В зале. Звонки. Мой выход...
И, оставив маску на стеклянном столе,
Я делаю вдох и... выдох.

Дарья МИКРЮКОВА, 14 лет

г. Пермь

3-е место

Разгуляй

Кто дал название Разгуляй?
Теперь попробуй угадай.
Наверно, ветры здесь гуляли,
А может, люди пировали.
А может, белые метели
Всю ночь крутили карусели?
Всё было. Ветры и метель,
Скрипя, тянули канитель.

За городом, где Разгуляй,
Смотри, да рот не разевай.
Гудит, гудит народ, толпится,

На ярмарку пришёл, дивится.
Кругом лотки, лабазы, лавки...
Кого, кого прижали в давке?
Купцы, девицы-мотыльки,
Держите крепче кошельки!

А в это время пароход
Ватага бурлаков ведёт,
Ведёт, родной сторонкой камской.
Ох, тяжек, тяжек труд бурлацкий.
Бурлак бечёвку молча тянет,
В воде по пояс мокрый встанет.
«А ну, дружней надай, лешак!» –
Кричит простуженный вожак.

Из-за пригорка Пермь видна,
«Привет, родная сторона!
Эх, погуляем, други-братцы!
Скажи, кого нам здесь бояться?
Пожалуй, недруга не встречу
Я в этот добрый вечер.
Так загуляем – не хочу!
За угощение – плачу».

Бурлак гуляет – не замай,
Отплясывает – не мешай.
Сегодня отдых – значит праздник,
Он озорничает, проказник.
Готов спустить все деньги разом
И не моргнёт лукавым глазом.
Кабак один, потом другой,
И спит бурлак под городьбой.

Такой веселый Разгуляй!
Гуляй, гуляй, да меру знай.
Район, где ярмарки шумели,
Где пировали, песни пели...
И хоть смешным оно казалось,
А вот название осталось.
Не зря, как видно, древний край
С тех пор зовётся Разгуляй!

Яна ОГЛАДИНА, 15 лет **г. Прокопьевск** **3-е место**

Рыжая кошка по водосточной трубе
Ищет разгаданный путь неизвестных загадок.
Вот оно счастье – гуляет сама по себе:
Призрачный города сон по-весеннему сладок.
Теплые лужи, влажный от ясности нос,
Четкая линия, тонкого контур изгиба...
Здесь поворот. Два прыжка – по мосту, через мост:
«Не наступите на хвост! Осторожней! Спасибо!»
Лапу макнет в ледяные чернила, и вот –
Лунные звезды горят в синеве небосклона.
С легкой усмешкою глянет на бархатный свод,
И расплывется в улыбке в ответ на поклоны.
Блеск янтаря, сквозь недвижные веки украдкой
Тянется вечность минутами, миготом – года...
Рыжая кошка останется в небе загадкой.
Кто разгадает ее – неизвестно – когда?

Звезда
Я сжимаю виски, закрываю глаза,
Я не верю, что мы посторонние.
Падал снег не спеша, замирала душа,
Согревал мои пальцы ладонями.

Зарывался лицом в волны длинных волос,
Обнимал и сажал на колени.
Ревновал, психовал, околесицу нес
В этот вечер пьянящий осенний.

Говорил: «Ты как будто на небе звезда,
Манишь всех красотой холодной».
Королевой была, ледяной – никогда.
Больно мне, но теперь я свободная.

Шаль на плечи, и в чашку налью шоколад,
На диване раскрытая книжка.
Все пройдет. Знаю я, где-то ждет меня тот,
Для кого не «звезда», а «малышка».

Анна КАСТИЛЬО, 14 лет **г. Ижевск** **3-е место**

Дым развевается.
Погаснет свет.
За кулисами
начнут метаться тени –
сквозняки...
Неясный силуэт,
И ступенек
тихое скрипенье.
Все костюмы брошены в углу –
мёртвой птицей
платье балерины.
Маленькое зеркало в углу
кажется бездонным
и старинным.
Праздник кончен.
Всем пора домой.
Кто там бродит
среди стульев старых,
Между занавесом и стеной?
Кто из зеркала глядит устало?

Я держала клён
За мокрую ладошку –
Его жёлтые пальчики
Ко мне в окно постучали...

Мария БОЧКАРЁВА, 17 лет **г. Пермь**

Диплом **«За поэтический образ России»**

Тройка-Русь

Кибитка, упряжь, дюжина копыт –
Российский вихрь! И всё бы ничего,
Но то извозчик пьян и путь забыт,
То конь, метелью сбитый, чуть живой...

Как стыдно за тебя, лихая грусть!
И не ругай ни немцев, ни татар.
Куда отныне мчишься, Тройка-Русь,
Тревожа вечный гоголевский дар?

Моё простое имя излови
В блаженном звоне, жгущем купола...
И это будет краешек любви,
И это будет горсточка тепла.

Хмельной извозчик хлещет лошадей
Сердечко окаянное скрепя.
Прости: он не со зла, он не злодей!
Мы родились такие – у тебя.

Мои королевны

Обеим в любви признаюсь,
Мои королевны босые –
Старушка почтенная Русь,
Порочная девка Россия.

Хотя это делали враг
Поэты и нежно, и горько...
Считаем мы Франции в вас,
Хотя их там ровно нисколько.

Кому легкомыслия клять,
Кому бесконечная слякоть –
Увидев Париж, умереть,
Увидев Россию, заплакать.

Двери Тамерлана

Пусть узкое
Зрит над историей око –
Я русская.
Это звучит одиноко...

Я веточка
Красная белых берёзок,
Где меточки
Чёрных татарских полосок,

Где кружево –
Ты, разнородь золотая!
Мой суженый
В их паутине плутает...

Беспесенно
Метки чернеют борзые –
Изрезана
Ими берёза-Россия.

Я русская.
Вы мне простите, поляны:
Пройдусь-ка я
Вновь у дверей Тамерлана.

Анастасия ЛЕГОТИНА, 17 лет
г. Екатеринбург

**Диплом «За верность идеалам веры,
надежды, любви в поэзии»**

Я смотрела в зеркало,
в грустные глаза ребенка,
И казалось, что в них
Отражается небо.
Я давно ее знаю,
практически с пеленок,
Но разгадать ее возможности

никогда не было.

А сейчас вокруг глаз –
тушью обрамленье,
И карандашом черным
грусть подчеркнута.
И в душе ребенка –
солнечное затмение.
Она не ребенок, она
взрослая, но
Чокнутая.

Полина КУЛАГИНА, 14 лет
г. Сатка Челябинской области

Диплом

«За чувство звука и формы в поэзии»

Бессонница

Ночное небо в звездах,
Будто в хлебных крошках,
В душе моей гроза и ливень хлещет.
Стою у запотевшего от слез окошка,
Теперь уж точно зная, –
Время лечит.

Роза в стакане
Увяла понурою кошкой,
Голодною вечно и вечно промокнутой,
На память от лета в подарок оставлена
Раздетой, воспетой, в ладонях раздавленной...

Осень

В спешке поэты разбросаны по полу, не полетишь...
Знаю, что встретимся – этой ли осенью? В эту ли тишь?
Листьями желтыми, красными, белыми сыпалось облако
случая –
Теперь уж неважно, скромны или смелы мы... я невезучая.

Екатерина ОДАРИЧ, 17 лет
г. Новосибирск

**Диплом «За искренность и
психологическую глубину любовной
лирики»**

Три слова

Тополиной пушинкой весна улыбнулась в окошко.
У тебя же – гроза. Это значит – не радуюсь свету.
Потому что ведь я – не свободна. Я даже не кошка.
Я фиалка, плененная мигом вишневого ветра.

Я смирилась бы с вечно холодным, заснеженным маем,
Если б только взамен никогда тебе не было грустно.
Ты звонишь, и, случается, даже слова забываю...
Да и есть ли такие, что выскажут все мои чувства?

Да, я думаю, есть... их не надо разыгрывать в лицах...
Я не знаю... наверное, просто еще не готова...
Но когда-нибудь все-таки, верю, смогу я решиться
И скажу тебе только три слова. Извечных три слова...

...да пошел ты...

Никита СЕРЕБРЯКОВ, 12 лет
 г. Новоуральск Свердловской области
Диплом
«За искренность и непосредственность мироощущения»

На даче

Я из домика вышел
 И застыл на крылечке:
 Дым сползает по крыше –
 Значит, топится печка.

Вижу: сад – огород,
 И дрова возле бани...
 Вот уж мама зовет
 Есть жаркое с грибами.

Погода

Рыщет
 В потемках гроза,
 Стою на платформе вокзала.
 Дождь
 хлещет
 прямо в глаза,
 Электричка моя опоздала.
 Тянет
 рюкзак
 за спиной,
 А в небе огромная туча
 Повисла
 ковшом
 надо мной –
 Какой же денек невезучий!

На дорожку выпал снег,
 Льдом покрылась речка.
 Старый добрый дровосек
 В доме топит печку.

Василиса ШВЕЦОВА, 16 лет
 г. Уфа
Диплом «За стихи для детей»

Весна

Весною все весеннее:
 И горы, и леса.
 Становится теплее,
 Светлеют небеса.
 И птицы прилетают,
 Ручьи журчат вокруг,
 Подснежник из-под снега
 Выглядывает вдруг.

Слон

Жил-был слон, в калошах
 Он ходил гулять,
 В тапочках садился
 В кресло почитать,
 Умный был слоненок,
 Но рассеян был,
 Что читал в начале,
 То в конце забыл.

Коза

Идет-идет по полю,
 Идет-идет коза,
 Так топает ногами,
 Что падает роса.

Александра ЮШКОВА, 13 лет
 г. Уфа
Диплом «За стихи для детей»

Сидит на тучке гномик,
 Подушку растрясает,
 А перья из подушки
 В руках мгновенно тают.

Ах, что это такое?
 Скажите, я не знаю:
 Волшебные искринки
 Вокруг меня летают.

Они, сказал мне гномик,
 Не вата, не пушинки,
 Не сахарная пудра,
 А первые снежинки!

Маленькая снежинка

Маленькая снежинка
 По небу пролетала,
 Маленькая снежинка
 Город наш увидала.

В радиусе полуметра
 Кого было ей заметно?
 Алешу Кузнецова
 Из третьего класса «А».

Снежинка так удивилась,
 В руки к нему спустилась
 И, позабыв о доме,
 Стала учиться в школе.

Вместе они играли,
 Вечером танцевали
 С Алешей Кузнецовым
 Из третьего класса «А».

ПРОЗА

Елизавета БАРАШ, 12 лет

г. Челябинск

1-е место

Небоскрёб и хижина

На окраине большого города, где люди не любили гулять, жила маленькая заброшенная хижина. Ёе бревенчатые стены почернели от времени. С деревянных резных наличников и ставен осыпалась краска, поблэк когда-то расписной конёк. Проломили ступеньки у старого крыльца. Покосившаяся дверь вела в тёмные сенцы. Скрипели, будто грустно пели, половицы. Окна-глаза хижины были в густой пыли и копоти. В горенке темнели лавки и большой дубовый стол. Лучики солнца, пробиваясь сквозь ветхую крышу, тускло освещали кованный сундук. В печке давно не горел огонь, а из трубы не шёл весёлый дымок.

В подполе у неё жили мыши, а на чердаке — озорные воробьи. Почему-то хижину не снесли, но её друзьям и соседям повезло меньше. Приехало несколько бульдозеров, и они в один миг разнесли всё вокруг, включая старые домишки. Осталась маленькая лачуга одна-одинёшенька. Около неё росло только несколько чахлах кустов чертополоха и лебеды. Она всё время горевала: «Как жаль, что нет моих друзей, почему их сломали? Где мои прежние хозяева? И где же теперь живут люди?»

Но печалиться ей пришлось недолго. Через несколько месяцев началась стройка. Люди решили построить здесь новый микрорайон. Сначала выкопали огромный котлован, заложили фундамент. После этого стали возводить стены. Дом разрастался так быстро! А хижина всё удивлялась: «Вот строят что-то, очень похожее на дом, но какой-то он странный, сколько живу, никогда таких громадных не видела!»

И действительно, дом был очень необычный: одна из его стен была сделана из синих стёкол, остальные стены поблэскивали разноцветными плитками. Пластиковые окна, мраморное крыльцо и перила из полированного дерева смотрелись очень непривычно.

Всё бы ничего, но в дом стали вносить мебель, и хижину разбудил страшный грохот. Это ей сильно не понравилось. Да и рабочие начали кричать, машины — гудеть. Жильцы небоскрёба хлопотали, суетились и шумели. Хижина этого не могла вынести. Она решила серьёзно поговорить с новым соседом:

— Здравствуй, сынок! Я никогда не видела таких сверкающих и огромных домов, как ты. У меня были друзья и соседи, такие хрупкие и маленькие, как я, но их снесли и построили на этом месте тебя. Как тебя зовут? Кто ты?

Хижина говорила медленно, растягивая слова. Небоскрёб отвечал ей высоким, звонким голосом.

— О`кей! Я — небоскрёб, скоро здесь будет много таких. Я не похож на тебя, ведь сейчас есть разные стройматериалы, устройства, приборы, вот, например, во мне есть множество датчиков, систем безопасности. А какие системы безопасности у тебя есть?

— Ой! А что такое системы безопасности?

— Представь, что к тебе залезли воры и они хотят украсть у тебя твоё имущество, а в тебе установлена эта система, и

как только она заметила их, то быстро начинает пиликать. Через пять минут приезжает милиция.

— Вишь ты как, раньше у нас такого не было. Воры у нас бывали редко, да и воровать у меня нечего. Крыс, что ли?

— А мне просто необходимы мощнейшие системы безопасности. Ты видела, на первом этаже у меня открылся магазин, в котором продаются новейшие компьютеры, магнитофоны, телевизоры, телефоны?

— Ох! В моё время люди были честными и доброжелательными. Не было тех вещей, которые ты назвал, да и зачем они? Люди развлекались совсем по-другому. Они пели, танцевали под гармошку, водили хороводы, обсуждали новости, сидя на завалинке.

Хижина с любопытством слушала рассказы небоскрёба, а небоскрёбу всё больше и больше нравилось открывать тайны бывшего пустыря, где теперь сверкала огнями новая улица.

— Да, — решили новые друзья. — Теперь люди редко встречаются, они общаются по телефону, интернету, мало что делают своими руками; больше покупают в магазинах.

Но однажды произошло несчастье. На месте хижины глава города решил построить ещё один небоскрёб. Через неделю лачужку должны были снести. Хижина и небоскрёб уже простились друг с другом, но свершилось чудо (да, да, иногда так бывает)!

В синем небоскрёбе жил человек, по профессии историк, его уже давно заинтересовала маленькая хижинка, стоявшая рядом с его домом. Он покопался в архиве краеведческого музея и уговорил других жителей заявить протест против сноса этой исторической ценности. Старый профессор рассказал, что это единственная уцелевшая хижина позапрошлого века во всём большом городе и что, по преданию, в этом домике давным-давно жили-были сестрица Алёнушка и братец Иванушка, а значит, в ней нужно устроить музей старины. В музее дети смогут увидеть, как жили их прабабушки и прадедушки сто, двести лет назад. И правительство услышало жителей города и запретило снос.

Хижину отреставрировали и открыли в ней Музей старины.

Как ожила и помолодела старая хижина! Теперь в ней пахло свежей стружкой, новыми красками, тёплым хлебом. Особенно хижина любила, когда приходили дети.

Это был необычный музей: в нём всё разрешалось трогать руками. Здесь можно было научиться строгать лавки и скворечники, плести корзинки и лапти, прясть веретеном, печь каравай, варить рассыпчатую кашу, сидеть у пузатого медного самовара и пить ароматный чай на травах. А как сладко спать на тёплой лежанке с кошкой Муркой и как интересно качать в люльке младших братиков и сестричек! В хижине-музее можно было маленьким чугуном утюгом разглаживать узорчатые кружева, сплетённые на коклюшках; вышивать шёлковыми нитками, бисером яркие картины и полотенца. А ещё расписывать матрёшек; вытачивать бусины из самоцветов и нанизывать их на нитку; мастерить из лоскутков, соломы куколок; лепить из глины свистульки, играть на балалайке и на дудке, петь старинные песни, сидя на завалинке.

Здесь всем было очень интересно!

Хотя хижина стала теперь знаменитой, наши герои так и остались замечательными друзьями и добрыми соседями!

Анна НЕМЦЕВА, 17 лет
с. Субботино Шушенского района
Красноярского края
1-е место

Лосиха

Когда солнце скатилось за верхушки деревьев и нас плотным покрывалом окутал полумрак, Кузьмич развёл костёр. И мы, словно бабочки на свет, потянулись из избышки на аромат свежесваренного лесного чая. Известно, что у костра язык и у негомого развяжется. Так и наш молчаливый охотник Кузьмич, совсем неожиданно, ближе к полуночи, рассказал невероятную историю, которая до сих пор не идёт у меня из головы.

— Известное дело, — начал Кузьмич, — прежде чем начать охоту, положено заготовить дрова. Вот колю как-то их и вижу краем глаза, что невдалеке стоит лосиха. Напружинилась вся, бока от напряжения подрагивают, ушами стрижёт, а не убегает. Подивился я тогда и только. Да на том всё не кончилось. Стал замечать, что приходит к избышке лосиха каждый день. Постоит, постоит и уйдёт нехотя. Заметил, что прихрамывает слегка она. Время шло, мы привыкли друг к дружке. Стала моя лосиха ближе к избышке подходить. Стоит, бывало, смотрит своими огромными, печальными глазами и как будто вздыхает. Привык я к ней невероятно. Приду с охоты и глазами ищу, жду. К тому времени она уже с руки хлеб ела. Так незаметно, в приятном безмолвном общении, закончился сезон охоты. Собираюсь, радуюсь, что скоро дома буду, родных увижу, а в груди щемит маленькая, но назойливая мыслишка о лосихе. Вроде как друга одного оставляю.

За домашними заботами всё же попритерлись мои печали, лишь к ночи иногда вспомнятся её тоскливые глаза. И вот как-то приносит новость жена моя из деревни, будто мечется у дворов каждую ночь лосиха, словно ищет кого, а собаки лают, спать людям не дают.

Подивился я, да значения не придавал бабьим рассказам. Но через несколько ночей подняли мои собаки такой шум, как никогда. Вышел я за ворота и глазам своим не поверил. Стоит передо мной моя лесная гостья. Смотрит своими бездонными глазами на меня и, не поверите, будто улыбается.

Я в недоумении остолбенел. Ведь моя избышка от деревни находится за сотню километров. Как она дорогу отыскала? Зачем? Почему? Вопросы чередой, опережая друг друга, пронеслись в моей голове. Лосиха мимо меня прошествовала в открытые ворота и, не обращая внимания на остервенело лающих собак, улеглась на охапки соломы. Я заметил, что она прихрамывать стала намного сильнее.

Через несколько дней ветеринар осмотрел лесную красавицу и обнаружил затянувшуюся старую рану. Глубоко внутри находилось стекло, которое доставляло лосихе нестерпимую боль при ходьбе. После оперативного вмешательства моя гостья быстро пошла на поправку. Завтра к вечеру придёт. Полюбуетесь.

Кирилл ЖДАНКО, 12 лет
Вадим НЕЧЕПОРЕНКО, 12 лет
г. Омск
1-е место

Царь-жаба

В жизни всегда должно быть место для шутки...

В некотором антицарстве, некотором государстве жила-была Президентша, и было у неё три дочери: старшая — Варвара Президентовна, средняя — Матильда Президентовна и младшая — Изольда Президентовна.

Собралась Президентша дочек замуж отдать. Говорит им: «Вот вам томагавки судьбоносные — киньте в разные стороны, перед кем воткнутся — тот и судьба ваша, а ежели в кого воткнутся — знать, не судьба».

Пошли сёстры на улицу. Бросила томагавк старшая сестра — воткнулся томагавк в капот «Мерседеса», что мимо ехал. Вышел из «Мерса» Бизнесмен и сказал старшей сестре: «Я — твоя судьба!» Но тут средняя сестра метнула свой томагавк и случайно попала в старшую. Не судьба. Пришлось Бизнесмену жениться на средней.

А младшая — Изольда Президентовна, — с испугу зашвырнула свой томагавк куда попало. А попало — в картонную коробку из-под кроссовок «Adidas», где, согласно прописке, проживал-бомжевал Лягух-Квакух. Подходит к нему Изольда Президентовна, а он и говорит ей человеческим голосом: «Ты мне жилплощадь попортила, вот и бери теперь к себе жить! Я — твоя судьба!»

Вернулись дочери во дворец. Старшая — в катафалке, средняя — на «Мерседесе», а младшая — лёгким бегом с коробкой из-под кроссовок «Adidas» подмышкой. Через неделю после похорон говорит Президентша дочкам: «Хочу я перед свадьбой ваших женихов испытать — пусть к завтраку мне по бутерброду приготовят».

Средняя своему Бизнесмену быстренько SMS отправила, тот в супермаркете «Биг Мак» с ветчиной купил, в кейс положил и домой принёс.

А Изольда Президентовна идёт домой, плачет, тушь по щекам чёрными ручьями стекает. «О чём горюешь, Изольдушка?» — спрашивает её Лягух. Рассказала она ему о материнском задании и разрыдалась до икоты. Лягух ей и говорит: «Не плачь, беби, ложись спать, утром будет тебе бутербродик!» Вот уснула Изольда Президентовна, а Лягух прыг-скок, сальто через голову сделал и человеком обернулся — красавчик писаный — метр девяносто пять, а на голове «ирокез» зелёный! Стал он пассы волшебные руками делать, открылся портал фиолетовый, сунул руку туда Лягух и достал палку колбасы докторской да батон французский. Закрыв портал и стал над бутербродом колдовать. Разрезал он батон и колбасу не поперёк, а вдоль, уложил, как надо, кетчупом полил, лучком да зеленью посыпал. Завернул в пищевую плёночку и до утра в холодильник прибрал.

Настало утро. Пришли сёстры к матери и бутерброды принесли.

Подает средняя, Бизнесменова невеста, «Биг Мак» на тарелочке, а он за ночь в кейсе протух, воняет, только мухам приятно. «Я, пожалуй, такой бутерброд есть не стану, бросьте его в пруд — авось пиранья сдохнет!» Подает на подносе Изольда Президентовна свой супер-бутерброд. Президен-

тша слюну сглотнула и говорит: «Пожалуй, таким бутербродом даже я наемся!» — и оба стула под ней заскрипели.

После завтрака Президентша говорит дочкам: «Пусть ваши женихи принесут мне завтра по бомбочке, а то соседи обнаглели!» Средняя быстренько своему Бизнесмену SMS отправила, тот в супермаркете хрустальную бомбу купил, в кейс положил и домой принёс. А Иольда Президентовна пришла домой, рыдает, даже сериал по телику смотреть не стала — до того расстроилась! А Лягух её утешает: «Не плачь, беби, ложись спать, утром будет тебе бомбочка!»

Настало утро. Пришли сёстры к матери. Средняя принесла хрустальную бомбу из супермаркета, а младшая — резиновую из фиолетового портала. Приказала Президентша водителю ковра-самолёта сбросить бомбы на соседнюю державу в порядке эксперимента, а сама села у телевизора новости соседские смотреть.

Через некоторое время передают экстренный выпуск: «Сегодня утром соседи сбросили на нас две бомбы. Первая — хрустальная, упала на помойку и разбила бомба, тот собрал осколки и продал на рынке. Спасибо соседям. Ха-ха-ха! А резиновую бомбу мы и подавно не боимся». Тут Президентша грозно посмотрела на дочерей. А новости продолжались: «За медицинской помощью обратилось 10 человек... 20 человек... 50 человек... 1000 человек... а резиновая бомба всё прыгает... Сдаёмся!!!»

Созывает Президентша опять своих дочерей. И даёт им следующее задание: «Пусть ваши женихи станцуют на интерсказочной дискотеке брейк-данс». Средняя быстренько своему Бизнесмену SMS отправила, тот сразу же побежал записываться на уроки брейк-данса к Сергею Звереву. А Иольда Президентовна пришла домой, плачет, горячими слезами заливается, даже мобилу разбила о голову слуги. Тут выпрыгивает Лягух-Квакух и говорит: «Не плачь, беби, ложись спать, утром будет тебе брейк-данс. Если услышишь, что гремит гром, долбит молния и играет «Чёрный бумер», не пужайся и скажи гостям, что это твой Лягух-Квакух на «Хаммере» едет».

Наступило утро. Приехала на дискотеку средняя дочь со своим Бизнесменом, а Иольда Президентовна идёт пригорюнившись. Вдруг загредел гром, засверкала молния и заиграл «Чёрный бумер». А Иольда Президентовна и молвит: «Не пужайтесь, это мой Лягух-Квакух на «Хаммере» приближается на дискотечку». Вдруг остановилась мелодия «Чёрного Бумера», и заиграла мелодия Crazy Frog. И выходит тут из «Хаммера» Бешеный Лягушонок.

Начал танцевать брейк-данс Бизнесмен. И пошли у него ноги вкривь да вкось. Тут вышел в центр танцпола Crazy Frog, и отплясывал он брейк-данс, про который ни в учебнике по брейк-дансу сказать, ни гелиевой ручкой описать. Похвалила тут его Президентша, а Бизнесмена выгнала из Кремля.

Поспешила Иольда Президентовна в свои хоромы бриллиантовые и сожгла лягушачьи джинсы! Догоняет её Бешеный Лягушонок и кричит: «Что же ты, Иольдушка, наделала? Потерпела бы ты еще 33 дня, 33 часа, 33 минуты и 33 секунды, и превратился бы я в Василия Мудрёного с лицом Брэда Питта и фигурой Шварценеггера. А теперь... Астала виста, беби. Ищи меня в триллионном царстве, в триллионном государстве у Мораны Кашеевны. Чтобы найти меня, ты должна сгрызть три железных «Сникерса» и износить три пары железных кроссовок». И вошёл он в фиолетовый портал и исчез.

Отправилась Иольда Президентовна искать своего любимого. Взяла базуку и пошла неизведанными да неистоптанными тропинками. Сгрызла она два железных «Сникерса», износила две пары железных кроссовок. Встретился на пути ей Дед Мазай. Говорит ей Дед: «Куда ты путь держишь, Катя Пушкарёва?» «Я не Катя Пушкарёва, — молвит ему девица. — Я Иольда Президентовна. А путь держу я в триллионное царство, в триллионное государство к Моране Кашеевне отыскать своего любимого».

— А как зовут твоего любимого? Андрей Жданов?

— Ты что, старый, «Не родись красивой» насмотрелся?

— Да нет, по радио слушал... Да, Катя... Ой, Иольдушка. На пеньке стоит микроволновка, в микроволновке жарится курица, в курице «Доширак». На дне «Доширака» лежит пластмассовая вилка. Сломай эту вилку, и настанет конец Моране!

Обрадовалась Иольдушка и побежала пенёк искать. Вдруг видит она столб с указателем:

Москва — 5000 ладоней,

Лондон — 8000 локтей,

Париж — 17999 косых саженей.

Триллионное царство — расстояние до Парижа, минос расстояние до Лондона, плюс расстояние до Москвы... Смекнула Иольда Президентовна и посчитала расстояние на своём органайзере, и получилось у неё... до фига!

Бежит она дальше. Встречает медведя-рэпера. Достала Иольда свою базуку и направила на медведя. А медведь запел ей рэперскую песню. Поняла Иольда, что не стоит его убивать и что такой талант пригодится ей. Побрела она дальше по лесу. Повстречался девице дятел Вуди. Страшно Иольде хотелось есть, и направила она на него базуку. Говорит ей дятел Вуди мультяшным голосом: «Не убивай меня, Иольдушка, пригожусь я тебе!» И подумала Иольда, что действительно, такой весёлый и находчивый дятел пригодится ей. Продолжила она свой нелёгкий путь и встретила зайца-байкера. Он ехал на своём «Харлее». Невтерпёж уже было Иольде — живот ей от голода подвело. Зарядила она свою базуку, направила на него и уж было собралась убить зайца, как тот молвил ей человеческим голосом: «Не убивай меня, Иольдушка, пригожусь я тебе». Поняла Иольда, что и такой bestолковый заяц ей может пригодиться, и скалилась над ним. Думает, куплю «Твикс» да и сделаю паузу. Съела Иольдушка «Твикс» и пошла себе дальше искать любимого.

Долго ли, коротко шла она, да опять проголодалась, и захотелось ей рыбки откусать. Вдруг видит на берегу Замарайки лежит огромная акула Мегалодон. Подошла она к ней, а акула как заревёт по-человечьи: «Сбрось меня в речку, авось пригожусь я тебе ещё!» Подумала Иольда Президентовна, что такая громадная рыбина тоже может ей пригодиться. Столкнула она её в речку и пошла дальше своей дорожкой. А чтобы голод утолить, съела третий железный «Сникерс». Посмотрела Иольдушка на свои ноги и увидела, что истоптались и третьи железные кроссовки.

И открылась тут перед ней красота дивная, доселе невиданная!.. Вот оно — триллионное царство, триллионное государство! Прошла она ещё 850 косых саженей и натолкнулась на пень. На пеньке стоит микроволновка, в микроволновке жарится курица, в курице — «Доширак». На дне «Доширака» лежит пластмассовая вилка. А на конце этой вилки написано: «СМЕРТЬ МОРАНЫ!».

Вдруг появляется медведь-рэпер. Он поёт рэперскую песню и выкорчёвывает пень (прямо Геракл). Откуда ни возьмись — заяц. Подпрыгнув, он роняет микроволновку, и из неё вываливается курица (ну и техник). Вдруг вылетает дятел Вуди: «Раз, два, три! Готова курица!» (хороший аппетит). Тут появляется голодный Дед Мазай и съедает лапшу «Доширак» (как он это ест?). Счастливый Дед Мазай доедает лапшу руками и находит на дне коробки пластмассовую вилку и со злости кидает её в реку... Опечалилась Изольда. Вдруг из воды выныривает Мегаладон, а в пасти у него... ВИЛКА!!! Спустилась Изольда к реке, взяла у акулы вилку. Одной рукой вилку сломала, а другая осталась в пасти у Мегаладона... Но добрая акула махнула хвостом, подмигнула левым глазом и выпустила руку из пасти.

И всё вдруг изменилось! Исчезло царство Мораны, а сама Морана провалилась под землю. Счастливая Изольда встретила с возлюбленным, который был с лицом Брэда Питта и телом Шварценеггера, метр девяносто пять, а на голове «ирокез» зелёный!

Василий Мудрёный бежал навстречу Изольде и кричал: «Айм би бэг! Айм би бэг!» (Перевод для непосвящённых: «Я вернулся!»).

И прожили они вместе долго и счастливо, и было у них 99 детей. Вот и сказочке конец! А кто дослушал до конца, тот... Тот точно родственник Василия Мудрёного!!!

Владислава МУХАРКИНА, 13 лет г. Челябинск 2-е место

Городок в табакерке-II,

или

Путешествие в Сером ящике

(Фантастический фельетон)
(Отрывок)

Жил-был мальчик. И звали его Федя. То есть если верзилу, постоянно зависающего перед монитором компьютера, можно назвать мальчиком Федей. Как я уже сказала, мальчик Федя очень любил проводить своё время не гоняя с мальчишками во дворе футбол и не делая уроки, а просиживая целыми днями в чатах, на сайтах и в блогах. В свои 13 лет Федя был общепризнанным компьютерщиком.

Однажды он засиделся у компьютера — целые сутки без сна, питья и еды. Внезапно Федя ощутил, что медленно теряет сознание и проваливается в бред. Монитор перед ним стал расширяться, расширяться и вскоре увеличился до таких размеров, что заглотнул Федю, как маленькую букашку. Перед глазами юного флудера пронеслась вся его жизнь, потом начали возникать какие-то странные образы. Потом всё это пропало, и он оказался в каком-то страшненьком и угловатеньком мире, но так и не успел его осмотреть. Пройдя пару шагов, обессилевший и уставший Федя рухнул на что-то зелёное и твёрдое, что, правда, не помешало ему с наслаждением развалиться и мирно забыться долгим сном.

— Эй, очнись! Очнись!! — раздался над ним раздражённый голос.

— А? Что? Кто? Где? — заспанно проворчал Федя.

— Хрюндель! Опять ночами не спишь, от компа не отлипаешь? — проворчал тот же голос.

— Какой Хрюндель? Ты вообще кто? — Федя уже начал раздражаться из-за того, что кто-то нагло разбудил его, а теперь ещё и морали читает!

— Я, хи-хи-хи, — ехидно засмеялся голос. — Я Масяня, буду проводить тебя по Онлайн-миру, Рунету или по Серому ящику, называй как хочешь. Так что ты ещё за Хрюндель?

— Федя, — тупо ответил Федя.

— Фу, как скучно. Я буду звать тебя Гадей.

«Красивое имя», — мелькнуло в голове Федей.

— Ну чё разлётся, пошли, прошвырнёмся! — сказала Масяня, дёргая «Гадю» за плечо.

Встав, Феденька огляделся. Перекошенные прямоугольные коробки, нарисованные наподобие высоток, зелёные машинки, человечки с эллипсообразными лицами и совершенно плоскими телами. Вот таким ему открывался яркий и красочный мир Масяни. Масяня, словно уловив ход его мыслей, проговорила:

— А это Питер, блин, мой город родной. Во флэш-анимации, конечно. Ну да ладно, пошли отсюда.

— А где мы начнём наше путешествие? — поинтересовался Феденька.

— Неважно, друг, где начнём. Важно, друг, где закончим, — задумчиво изрекла Маська.

Следующая локация, которую он увидел, была более приятной. По мягкой травке бегали какие-то зверьки, радуясь и резвясь. Недалеко от них спал старик, скрипя и похрюкивая, как порядком устаревший процессор.

— Кто это? — удивлённо спросил Феденька.

— Как кто? Это же маленькие весёлые ЮЗВЕРЬКИ. За их счёт и существует Интернет. У самых продвинутых из них на хвосте висят ЮЗЕРБАРЫ, — сказала она, указывая на зверюшку с шестью лапами, придерживающую хвост и табличку одновременно. — Они придумывают «умные» изречения.

— А там кто? — спросил Федя о создании, которое раньше они просто не заметили. Тело у того было сильно похоже на человеческое, только в нём отсутствовала одна маленькая деталь — лицо. «Наверное, оно просто стёрлось, — подумал Федя. — Если так долго биться головой об стену, и не только лицо сотрёшь». Дело в том, что перед этим «Недочеловеком» стояла стена, настоящая стандартная стена высотой 2,5 метра. И человек вполне уверенно бился об неё головой.

— Это «афftar». Он пытается «убицца ап стену».

— А зачем?

— Ну... «Йад», наверное, закончился. Ну-ка, что он там сегодня написал?

Масяня быстро проглядела листочек, висевший с обратной стороны стены. Потом немного помолчала и крикнула:

— Афftar, жжешь! Пеши исчо!

На что «Афftar» мгновенно отреагировал: вынув откуда-то канистру, видимо с керосином, он облил себя с головы до пят и, вытащив из кармана зажигалку, поджёг себя.

— Да, вот так и зажигают настоящие звёзды... — мечтательно и с восхищением проговорила Масяня.

— Ужас! — только и проговорил Федя, ошарашено глядя то на Масяню, то на тело человечка, горящее, как сухие дрова.

— А что ты на меня-то, Гадя, смотришь? — с удивлением спросила Масыня. — Я не придумывала новояз и не виновата в том, что афтары такие ранимые.

Еле сдерживая своё отвращение ко всему происходящему здесь, Федя наконец-то проговорил:

— А там? Что это за старик?

— О, это злой и страшный Модер. Когда он просыпается, он убивает кучу зверушек, но пока он спит, всё спокойно.

И они продолжили путь по локации.

— Ой, а это что такое? — спросил Феденька, увидев собаку-ищейку, чуть не сбившую его с ног.

— Да Яндекс это, Яндекс. Найдёт всё! — с восторгом проговорила Масыня.

— Яндекс? Он же устарел! — с удивлением сказал Федя.

— Но это же ему не мешает искать всё? Вот в чём штука!

Картинка меж тем менялась. Теперь вокруг героев выстроился ровный ряд картинок и пиктограмм на любой вкус. Большие и маленькие, с эльфами и с вампирами и со всем-всем-всем.

— Это Авики? — поинтересовался Федя?

— И что ж ты, Гадя-то, умный такой? Да, это самая большая в Интернет-мире галерея аватар! В ней, как в настоящей, картинки распределены по темам, но нам здесь задерживаться некогда, пошли.

А локация снова поменялась. Вскоре перед ними возник камень-указатель.

— Налево пойдёшь — в чат попадёшь. Направо пойдёшь — на форум попадёшь. Прямо пойдёшь — в дневник попадёшь, — прочитал Федя. — Ну и куда идти?

— Сам решай, — сказала овалоголовая девчушка. — Налево будет трёп, прямо — опять трёп.

— А направо?

— Тоже трёп.

— А разница?

— Направо ЮЗвЕРьки знакомятся, налево — продолжают общение, а прямо ещё и читают бред, который сами пишут.

— Ну, направо.

Обстановка опять резко изменилась.

— Где мы? Куда мы попали? Почему всё потемнело? — закричал Федя.

— Не бойсь, цуцик, щас что-нибудь придумаем, — ответила ему Масыня, судорожно щёлкая клавишами на аппарате наподобие сотового телефона.

— Алё? Ага! Ну как? Ага? И где? Ага! Слушай, подкати на форум, похоже, Вирус опять. Ну, всё, — сказала Масыня, — мы уже спасены.

— А что это такое? На форум вроде не похоже.

— А, опять Вирус озорует. Я по совместительству ещё занимаюсь его поиском, а вот специально его отловом занимается группа захвата, которая скоро появится, а нас сейчас эвакуируют.

— А кто... — начал свой обычный вопрос Федя, но вдруг откуда ни возьмись сверху на них упала какая-то зверушка. При ближайшем рассмотрении это оказалась собака с почтовым ящиком на шее.

— Ну же садись, чего ты ждешь? — крикнула Масыня, забираясь в ящик.

Ящик внутри оказался очень просторным, в нём помимо пассажиров лежали беспорядочно сваленные письма.

— Это собака, — шепнула Масыня. — Рассылает письма. Но будь с ней осторожен, она работает вместе с разными поисковиками, и твоё письмо может залететь куда-нибудь не туда, да и вообще может не дойти. Да она и спамом, и рассылкой вирусов не брезгует. Но Мегалол просто закрывает на это глаза.

— А Мегалол?..

— Мегалол — правитель нашей страны, мы сейчас летим в его замок.

Алёна ВОРОНКЕВИЧ, 14 лет п. Шушенское Красноярского края 2-е место

Тайны ночи

Ночь медленно опускает на землю свои чёрные крылья, за окошком одиноко светит бледно-жёлтым огоньком дедушка-фонарь, две дороги, пересекая друг дружку, уходят вдаль. Тихо и спокойно сейчас на улице.

Но вот, нарушая вялость сонной природы, из-за угла дома выходит человек. Он идёт медленно и плавно, его шаги тяжелы и равномерны, постепенно они начинают затихать и, наконец, совсем растворяются во мгле. Снова тишина...

Вдруг фонарь моргнул своим большим единственным глазом, и послышался шорох, затем лёгкий скрип, который с каждой секундой усиливался, разрастался... Через несколько минут заплясали деревья: они шатались из стороны в сторону, растопырив свои «руки», их кроны возмущённо шептались: «Снова эта стихия, когда же всё закончится?!»

Улица ожила, даже яркие спутники ночи — звёзды — покачивались в небе в своих незримых колыбелях.

Но кто же оживил улочку? Это... ветер, да, обыкновенный юго-западный ветер. Он принёс в этот тихий уголок Земли вести о далёких южных и западных странах, о пустынях, морях и океанах, обо всём, что встретил по пути. Закружив в вальсе деревья и играя с фонарём, он, будто забыв о времени, веселился от души.

Но пришёл момент нестись ветру дальше по свету, и... он улетел.

Природа вновь погрузилась в молчание, и лишь одинокая луна да старый фонарь остались освещать темноту, охранять невинный сон всего живого.

Елена ОБУХОВА, 16 лет г. Екатеринбург 2-е место

Рыжий ангел

Разводы грязи под ногами, медленно подбирающийся к пальцам холод... Золотистая молния промелькнула перед глазами, — я резко останавливаюсь. В переходе метро, возле ларька, стоит девушка. Рыжая собака, молотя хвостом, крутится у самых её ног. Девушка, смеясь, гладит собаку по пушистому загривку.

Её лицо врезалось в память моментально, словно с иконы. Огромные карие глаза, веснушки. Волна медных волос. Улыбка, полная доверия ко всему миру.

Мы могли бы стать хорошими друзьями. Но страх, смущение, мысль о том, что подумают прохожие, если я вдруг заговорю с незнакомкой. Я прохожу мимо.

«Ну, останови меня», — мысленно прошу я. Но она не поднимает головы, и до самого выхода меня преследует радостный собачий лай.

Через неделю я снова встречаю её. Она идёт по улице в той самой зелёной куртке, собака бежит рядом, преданно заглядывая ей в глаза. Что меня останавливает? Я иду за нею на расстоянии в десять шагов, крадусь, боясь привлечь её внимание. Провожая до самого дома, долго стою у подъезда после того, как она заходит внутрь. Пытаюсь угадать, за каким из этих окон живёт моё рыжеволосое чудо. Затем ухожу, бросив напоследок прощальный взгляд на подъездную дверь. Сегодняшний день прошёл недаром.

Третья наша встреча... Возвращаясь вечером домой, пряча лицо от безумного снегопада, я внезапно узнаю в идущей впереди девушке свою незнакомку. В изменчивом свете фонарей её волосы кажутся почти золотыми. Внимательно оглядев улицу, я замечаю рыжую собаку, увлечённо гонящую по тротуару промёрзшую палку.

Она идёт, опустив голову, явно погружённая в какие-то свои мысли. Собака напрасно пытается уговорить её поиграть. Что могло случиться? Я почти решаюсь подойти и спросить, но внезапно её окликают:

— Подожди, ты куда?

Высокий парень догоняет её, обнимает за плечи и нежно целует в щёку.

— Прости, что опоздал, солнце, — говорит он. — Такие пробки... всё из-за снегопада.

Она хмурится, но недолго, и вскоре её лицо снова освещает та улыбка, которая так поразила меня в первую встречу.

Они медленно идут по улице, обнявшись, под серебристыми в свете фонарей снежинками. Собака носится вокруг них, путая цепочки следов. Их тени колышутся на снегу.

Я молча смотрю им вслед. Эти трое — одно целое. Больше никого не надо.

Я поднимаю лицо к небу. Золотящиеся огоньки звёзд. Мы с ними — тоже одно целое, только на свой лад. Уже много лет. Так почему же хочется обменять сотни звёзд на свет её глаз? Неужели он теплее, чем эти звёзды?

Пронзительный ветер, дорога от метро. Всё как всегда, и я ищу её взглядом. Непривычное столпотворение людей у края тротуара. Сердце сжимается от странного холода изнутри. Я уже знаю, что произошло, — возле дороги сидит рыжая собака. И... кровь на обледенелом асфальте. Значит, она... навсегда?.. Невидящими глазами я смотрю на собаку. Смотреть туда, где толпятся люди и стоит машина скорой помощи... у меня не хватает смелости. Я не хочу... не хочу видеть её глаза, в которых нет больше света. Зачем? Я запомню её такой, какой она была тогда, в метро, смеющейся и... живой.

— Иди сюда, собака, — окликаю я. Губы не слушаются. Собака срывается с места и с разбегу утыкается мордой мне в колени. Она так надеется, что я совершу чудо и верну её хозяйку. Но я не волшебник. А жаль...

— Пойдём, собака, — говорю я, опуская руку на рыжий загривок. Мы доходим до ближайшей скамейки, запорошенной снегом. Я сажусь, яростно стирая слёзы из уголков глаз.

Почему она? Почему теперь... а я даже не знаю, как её зовут... И небо всё то же, и ветер... а её нет больше...

Я закрываю глаза, пряча боль от случайных прохожих. Собака, жалобно заскулив, тычется носом в мою ладонь. Мокрый собачий нос делает ощущение мира необыкновенно чётким... и мгновенным.

Вздвогнув, я открываю глаза. Электричка замедляет ход, приближаясь к станции. Мне выходить.

Проходит секунд пятнадцать, прежде чем я осознаю, что всё это мне приснилось. Облегчение... больше ничего не надо бояться...

Выхожу из метро, в переходе холодно и сквозняк. Прячу руки в карманы, чтобы отогреть пальцы. Рыжая молния мимо моих ног, к закрытому в это время ларьку. Застываю на месте, не отводя глаз. Невозможно...

Она треплет собаку по холке. Улыбается.

Снегопад. Рыжие волосы в лучах фонарей. Кровь на асфальте...

Решительным шагом я подхожу к ней. Протягиваю руку. — Здравствуй.

Она поднимает смеющиеся глаза. Тёплые, полные света. Как сотни звёзд... нет, ярче. И только для меня.

Она берёт мою руку в свою.

Собака выжидающе смотрит на нас, словно не понимая, чего мы ещё ждём.

Я не знаю, что сказать... Хочется сказать так много. Я ищу тебя уже десять лет. Иногда мне казалось, что ты не существуешь. Это страшно — когда думаешь, что твоя мечта всего лишь иллюзия. Но теперь я знаю, что ты есть. Я люблю тебя...

Но я ничего не говорю и только крепче сжимаю её руку, боясь, что она исчезнет сейчас, как недавний сон.

— Чаю хочешь? — спрашивает она.

— Хочу.

— Тогда идём. Здесь недалеко.

— Я знаю, — вырывается у меня. Приходится признаваться дальше: — Ты мне приснилась... сегодня.

Она широко раскрывает глаза, сияющие радостным изумлением.

— И ты мне. Наверное, судьба, да?

— Наверное.

Рыжая собака снисходительно оглядела сведённых её усилиями двух смертных. «Судьба, как же, — фыркнула она про себя. — Идёмте же быстрее домой, холодно. А то крылья под шерстью замёрзли, и нимб сосульками покрывался...»

Вера ПЕТУРА, 15 лет

г. Екатеринбург

2-е место

Птеродактиль

(Дневник серого мерина)

Птеродактиль — прокатский мерин. Он тёмно-серый в сытое яблоко и обладает вредным характером.

7:40. Проснулся.

7:45. Думал о смысле жизни.

7:50. Искал смысл жизни.

7:55. Понял, что смысл жизни есть каша.

8:00. Конюх принёс смысл жизни.

8:01. Начал есть.

8:19. И всё, да?!

8:20. Искал смысл жизни.

- 8:30. Конюх принёс яблоко и сказал: «Ты мой хороший».
- 8:32. А орловцу Омуту принесли два яблока!
- 8:40. Тосковал по второму яблоку.
- 8:45. Девочка Ксюша принесла сахар.
- 8:50. Девочка Ксюша принесла седло и уздечку.
- 8:55. И как всегда, меня затягивают подпругами.
- 8:58. Ну, не могу я сдуться! У меня повышенное внутреннее давление!
- 8:59. Получил локтем по животу. Сдулся.
- 9:00. Вышли на плац. Девочка Ксюша села.
- 9:15. Двигался средней рысью по загадочным извилинам фигурам между барьерами.
- 9:17. Шагал.
- 9:18. Получил.
- 9:19. Шагал в сборе по загадочным извилистым закрученным путям между барьерами, чтоб их!!!
- 9:20. Шагал активным шагом.
- 9:22. Начал движение средней рысью по загадочным... тьфу...
- 9:30. Полу... не, не надо... работал по вольту 8 метров налево. Гнул.
- 9:31. Бежал кавалетти. Сбил четыре. Рекорд.
- 9:32. Получил. Бежал кавалетти. Все целы. Странно.
- 9:35. Остановка. Подвёл зад.
- 9:36. Остановка. Поставил зад ровно.
- 9:37. Остановка. Поставил зад и перед ровно.
- 9:38. Остановка. Осаживание? От удивления осадил.
- 9:43. Получил авансом за пять закидок.
- 9:44. Отработал аванс.
- 9:45. Прыгнул чухонец. ЭТО БЫЛ ЧУХОНЕЦ 80 СМ!!! Я не могу определить высоту чухонца... жизнь кончена.
- 9:46. Прыгнул систему из двух чухонцев.
- 9:48. Прыгнул с рыси крестовину.
- 9:50. Прыгнул крестовину. Прыгнул чухонец. Прыгнул систему из двух чухонцев.
- 9:51. Два раза? Одну и ту же систему? ФИГУШКИ!
- 9:52. Получил.
- 9:58. Шагал. Шагал. Шагал.
- 9:59. Беллссимо подорвал!!! Красиво подорвал!!!
- 10:00. Анита подорвала! С пинками! Красиво!
- 10:01. Грант подорвал!!! Со свечи!!! Вау, вау, какие прыжки! Мне бы так...
- 10:02. А я маленький, беспородный, серый в яблочко, кругленький — зато такой хороший!..
- 10:03. Девочка Ксюша меня расседлала.
- 10:04. Они все запыхались, их бьют хлыстами! А я валяюсь в пыли! И переворачиваюсь!
- 10:05. Мы-ыть?!
- 10:06. ЗДОРОВО!!!
- 10:10. Мокрый, как свинёнок. Ничего, Ксюша мокрее.
- 10:30. Наелся травы до ушей. Высох.
- 10:31. Не хотел в денник.
- 10:32. Ой, а там правда овёс?
- 10:33. Зашел в денник.
- 10:34. Обломился. Там нет овса.
- 10:35. Девочка Ксюша меня поцеловала в нос.
- 10:36. А всё-таки хорошая она, Ксюша...
- 10:37. Общался с Омуту через проход.
- 10:40. Укусил Омута.
- 10:45. Думал о смысле жизни.
- 10:50. Понял, что он непостижим.
- 10:55. Думал о том, что смысл жизни непостижим.
- 11:00. Думал о том, что каша недостижима.
- 11:05. Понял, что каша есть смысл жизни.
- 11:10. Напряг память.
- 11:15. Понял, что пришёл к замкнутому кругу.
- 12:20. Был выпущен в леваду к кобылам.
- 12:25. Навёл порядок!
- 12:30. Гонял Аниту.
- 12:35. Бегал вместе со всеми.
- 12:40. Хорошо быть меринком! Всегда к кобылам пускают.
- 12:45. Валялся.
- 13:00. Завалился на бок Ласточки.
- 13:05. Получил.
- 13:10. И здесь всё так же!
- 15:00. Ел.
- 15:05. Каша есть блаженство.
- 15:15. Укусил Омута.
- 15:20. Жевал сено.
- 15:25. Задремал.
- 15:50. А вот и новичковая группа! Вау!
- 16:00. Они вшестером меня пытаются зауздечить.
- 16:05 Уши, уши больно!!! Заразы мелкие!!!
- 16:10. А всего-то и надо было, что сахарок мне дать.
- 16:15. А я не ем железки, деточки, не ем!
- 16:35. Не знаю, смеяться или плакать. Ну неужели никто не догадался?
- 16:45. Седло задом наперёд надели, козьявки.
- 16:50. Кажется, они ещё и подпругу к путлищу пристегнули.
- 16:55. Ну, выводите, выводите. Посмотрим, что вам Ксюша скажет.
- 17:00. Ксюша сказала: «...!»
- 17:10. Остальные девчонки и тренера лежали в истерике.
- 17:15. Ксюша меня переседлала по-быстрому.
- 17:20. Не пой-ду! Не-пой-ду! Не-пой-ду!
- 17:21. Получил бичом по попе.
- 17:25. Скакал галопом.
- 17:35. Наполучал за все будущие проделки. Скакал галопом.
- 18:10. Был рассёдлан Ксюшей.
- 18:40. Жевал сено.
- 18:45. Думал, что сено не главное, но важнейшее из второстепенных.
- 18:50. Грустил.
- 19:35. Девочка Алёна принесла седло и уздечку.
- 20:10. Э-э-э... я как бы... ножки болят...
- 20:11. Рысью не могу. И не проси...
- 20:12. ТАМ СТРАШНАЯ ЯМА!!!
- 20:13. Подорвал через лес в поле. Ура! Я смог! Я подорвал! Я сделал это!
- 20:14. О, как прекрасен бег по полю, когда знаешь, что до самого горизонта...
- 20:15. И всё твоё!!! Твоё поле!
- 20:20. Немного устал. Ничего, ещё на пять минут хватит, а за это время сделаем крючочек... и в конюшню.
- 20:50. Прибежал. Итак, меня теперь будут уважать соседние жеребцы.
- 20:52. Меня заметили.
- 20:53. Упс...
- 20:55. Попал.
- 21:00. Получил...
- 21:25. Наверное, не стоит пинаться под теми, кого любишь?

21:50. Думал о смысле жизни.
 21:55. Я всего лишь лошадь...
 22:00. И я хочу есть!!!!!!!!!!!!
 22:01. Получил корм.
 22:02. Получил от конюха, чтоб в кормушку не лез.
 22:10. Всё? Уже?
 22:15. Пошуршал сеном.
 22:20. Лёг.
 22:25. Думал о смысле жизни.
 22:55. А всё-таки хороший сегодня день был... интесный...
 23:00. Спокойной ночи, любимый Птеродактиль...

Сказка. Фантастика

Елена АНОХИНА, 17 лет

г. Новосибирск

Диплом «За литературные аллюзии, восходящие к традициям Л. Кэррлла»

Одному архидемону

Падать в Кроличью Нору было странно. Хотя бы потому, что она всё никак не кончалась, хотя в ней, как в толстостенном, грубо гранённом бокале, уже просвечивало дно.

— Что ты там ищешь? — спросил Чёрный Пудель, сидевший напротив меня за столиком.

— Свою совесть, — честно призналась я, с сожалением поставив стакан на тёмно-синюю скатерть.

Пудель улыбнулся и, поправив галстук-бабочку, исчез, оставив меня в Одиночестве.

— Вы будете что-нибудь заказывать? — спросил меня официант с большими грустными глазами.

— А что сегодня есть?

— Только дни недели, — он вздохнул, глядя мимо меня. — Но они уже несвежие.

«Какие они все сегодня грустные...» — подумала я, успев заметить, как зеленоволосый официант раздваивается и его копия уходит к другому столику.

Там сидел широкоплечий негр в ослепительно белых перчатках. Заметив мой взгляд, он улыбнулся и отсалютовал мне бокалом искристо-синей меланхолии.

Я вздохнула и закрыла глаза.

Большущий кот в чёрно-белую клетку сидел на подушке и, наклонив голову на бок, внимательно на меня смотрел.

Я потянулась и зевнула, прикрыв рот рукой.

— Прр-р-равильно, так и надо делать! — качая хвостом, одобрил он, смешно произнося слова на французский манер. — А то мало ли что...

Я повернулась к нему и, не открывая глаз, привычно шикнула:

— Брысь!

Кот обиженно поджал губы и растаял.

— Кто разлил чай мне на подушку?! — негодовала я, подбирая с кровати заварочный пакетик с клетчатым ярлычком.

Отражение в зеркале мелодично засмеялось, но я привыкла не обращать на него внимания.

— А ведь ОН заходил, — как бы между делом сообщила оно, когда я вновь проходила мимо.

— Кто?

— Сумеречный Маэстро! — улыбнулось мне отражение. — Он спросил, не против ли ты?

— Не против чего? — попыталась я уточнить.

Отражение только пожало плечами, дескать, откуда мне знать.

На кухне засвистел чайник.

— Какой он смешной! — обворожительно улыбнулся каштанововолосый незнакомец, снимая с плиты вскипевший чайник. — Это, конечно, очень мило, но когда же ты купишь электрический?

— А зачем? — удивилась я, доставая с полки чашки.

Он улыбнулся, отбросив волосы за плечи.

— Кот не заходил?

— Нет, а должен был? — на всякий случай уточнила я, не зная, почему именно Коту так у меня приглянулось. Ведь есть ещё Кролик и Шляпник, а заходит постоянно только Кот...

— Просто остальные сейчас сильно заняты, — пояснил мой знакомый незнакомец, разливая по чашкам чай с мелиссой. — Но ты не волнуйся, как только у них появится свободное время, они тебя навелят!

Время задумчиво бродило в городском парке возле фонтана. Неподалеку играл оркестр с безбожно фальшившей флейтой.

— Здравствуйте, — поздоровалась я, проходя мимо.

Время подняло на меня глаза со зрачками-ромбиками и, трагично заламывая руки, заявило:

— Здравствуйте! А вы знаете, что раньше это было не просто приветствие, а пожелание здоровья?!

— Да, конечно, я знаю, — согласившись, я убрала выбившийся локон за ухо.

— Но какое может быть здоровье с моей такой нервной работой? — горестно провыло оно и, подняв глаза к небу, вдруг спохватилось: — А который сейчас час?

— Половина седьмого, кажется, — ответил на минутку проснувшийся клён и тряхнул ветвями.

— Ах, боже мой!! Боже мой!!! Как я опаздываю!

С этими словами Время свернулось в трубочку, став похожим на старую игральную карту, и исчезло.

Каштанововолосый саксофонист из оркестра бросил на нас смеющийся взгляд, но взмах дирижёрской руки в белой перчатке вернул его к реальности.

«Бар Одиночество», — прочитала я покосившуюся выцветше-синюю вывеску на стене дома и привычно зашла внутрь.

— Охайо! — приветливо помахал мне огненно-рыжий посетитель, занимавший небольшой столик в углу.

Я кивнула в ответ.

— Чего-то ты сегодня припозднилась, — хмуро заметил Пудель с клетчатой бабочкой на шее, кивком головы приглашая меня составить ему компанию.

— Так получилось. — Неужели я извиняюсь?! Нет, так нельзя! Нельзя уступать или извиняться перед Чёрным Пуделем, иначе он всенепременно заставит вас сыграть с ним партию в бридж. А выиграть у него, как известно, удавалось только Бегемоту с трамвайным билетиком в кармане. — ОН еще не играл?

— Нет, ОН тоже запаздывает.

Мимо нас проплыл всё тот же зеленоволосый официант, мимоходом сунувший мне в руки меню.

«Зачем это? Я и так его знаю!» — стоило мне это подумать, как за спиной раздался знакомый бархатный голос:

— Неужели? Я думал, что никто не сможет меня узнать!

Я обернулась и поздоровалась с Сумеречным Маэстро.

— Доброй ночи! — улыбнулась я.

— Доброй, Миледи, — ответил он и поцеловал мне руку.

— Чем вы сегодня нас порадуете? — спросил хмурящийся Пудель.

— Это пока секрет! — смеющиеся синие глаза и веточка душистой мелиссы в наших сжатых ладонях.

Лимонно-серая «Вечность» непривычно хрустела на зубах, а Белый Кролик неустанно жаловался на жизнь.

— И так всегда! И так каждый раз! — он скорбно вздыхал, подтягивая лапками кончики пушистых ушей к подбородку.

Мы шли по улице бок о бок, и мятный снег скрипел под нашими подошвами.

— К тому же Королева мной снова недовольна... — Кролик за цепочку потянул из кармана клетчатой жилетки свой багет.

Сделав очередной глоток, я взглянула на циферблат.

— У вас восемь стрелок вместо трёх... — заинтересовалась я, но Кролик, что-то причитая по-испански, вонзил в багет короткий перочинный ножик.

Время охнуло и превратилось в засохшую печенюшку с клубничным джемом.

— Это безвкусно и совсем не интересно! — ослепительно-белозубо улыбнулся негр в белых перчатках, отбивая мне чек в продуктивном магазине. — Такого просто не может быть!

— Да-да, вы правы... — на автомате кивала я, а когда подняла на него глаза, то увидела только висящую в воздухе улыбку да пустые перчатки, бегающие по щёлкающим клавишам кассового автомата.

Просыпаться было лень. Но настенные часы тикали и стучали так отвратительно громко, что стоило проснуться и встать только для того, чтобы их отключить.

— Не стоит утруждать себя этим, котёнок! — мурлыкнул Сумеречный Маэстро, присаживаясь на край кровати.

Я открыла глаза и увидела, как секундная стрелка настенных часов слепо бьётся в воткнутый в цифру девять кортик.

— Это ты сделал? — спросила я у синеглазого, растянувшегося рядом со мной.

— Ну а кто? — вопросом на вопрос ответил он, жмурясь на утреннее солнце.

— Зачем ты убил время? — неизвестно почему, но мне стало его жалко. Время, а не эту нахальную морду на соседней подушке.

— Так получилось... — без тени раскаяния усмехнулся он и, притянув меня к себе, забылся сном.

Я не стала будить этого Красивого Убийцу, лишь удобнее устроилась рядом с ним, не заметив веточку мелиссы, запутавшуюся в его каштановых кудрях.

В баре «Одиночество» Белый Кролик, Чёрный Пудель и Большущий Кот в чёрно-белую клетку медленно потягивали меланхолию из стаканов, а на сцене белые перчатки и шахматный галстук-бабочка играли на саксофоне Сумеречного Маэстро.

Алёна ГАРАНИНА, 13 лет г. Апатиты Мурманской области Диплом «За сказки о родном крае»

Истории Уличного Фонаря

На далёком-далёком Севере, на самом Кольском полуострове, жил-был город Апатиты. Сначала он был очень молодым. И деревянным. Как это? Да просто все дома, магазины, другие здания строились из дерева.

А потом город стал расти: строились кирпичные дома, каменные. Архитекторы придумывали красивые магазины, необычные дома.

Город рос, хорошел на глазах у своих жителей. И сейчас он... тоже молодой. Города вообще не бывают старыми, просто они медленно взрослеют, и постепенно их история становится всё длиннее и длиннее.

Построят какое-нибудь новое здание, все горожане любят, радуются: «Ах, какая красота! Приятно пройти мимо».

И только уличными фонарями никто не восхищался...

Правда, в самом начале, когда их только поставили, люди радовались, что на улицах стало светло.

Потом привыкли к этому чуду и перестали замечать.

А фонари тем временем внимательно наблюдали за жизнью в городе и рассказывали об этом друг другу. Все они стояли в разных местах, поэтому истории были разные.

На улице Ферсмана тоже стояли фонари. Один из них был как раз напротив квартиры, в которой жила девочка Алёна.

И фонарь подружился с этой девочкой: он наблюдал, как она собирается в школу, ждал её возвращения, вместе с ней смотрел любимые мультики и только уроки не делал, потому что девочка занималась в другой комнате.

Фонарь перестал быть ничьим.

В этом огромном доме у него появилось любимое окно.

Вот какие истории он рассказал...

Август. Папа ждал возвращения своих девочек из отпуска. Тем более что возвращались они не вдвоём, а с небольшим сюрпризом. Правда, папа был к этому сюрпризу морально подготовлен: и письмо, и рисунки, и фотографии рассказывали о маленьком сером чуде.

— Посмотрим, Санчо, что это за приобретение и каким оно окажется, — делился папа с Саньчем, своим старым чёрно-белым котом. — Как будто в Апатитах кошек нет, надо везти из Питера. Ну, девчонки...

А дочка в это время играла в поезде со своей Ириской. Именно так она назвала котёнка, которого выкупила из «кошачьего интерната». Везли Ириску в корзинке, затянутой сеткой, чтобы в вагоне это сокровище не потерялось.

— Ну, рассказывайте, — заявил папа железным голосом, когда все приехали домой.

И дочка взахлёб принялась рассказывать о том, как Ириска появилась в её жизни:

— Мы с мамой поехали однажды за покупками. Ходили очень долго, пока мама всё не купила, и очень-очень устали. Когда пошли обратно на электричку, возле станции метро я увидела коробку с котятками, а вторую — со щенками. Мы, конечно, подошли и стали смотреть. Рядом стояли такие же любопытные прохожие. Все только и смотрели на пушистые комочки. Котятка ползали на дне, вставали около стенок коробки, пищали, играли друг с другом. Они все мне понравились — такие симпатичные, такие милые! И совсем-совсем не обращали внимания на толпу людей. И только один серый котёнок, свернувшись клубочком, спал в уголке. Я даже не мечтала маму попросить о котёнке, ведь дома в Апатитах у нас уже кот. Девушка, которая продавала котят и щенков, рассказывала о них, кто какой породы, объясняла, где коты, где кошки. Тот серенький оказался кошечкой. И вдруг она проснулась и посмотрела мне прямо в глаза: «А я тебе не нравлюсь?» Её взгляд сразу покорила меня. Я так умоляюще посмотрела на маму и еле слышно шепнула: «Мама, купи мне котёнка». И мама почему-то сразу согласилась. Потом бегом бежали на электричку, я всю дорогу держала своё серое сокровище на руках, это чудо так доверчиво и благодарно прильнуло ко мне... Я так и не могла поверить, что этот котенок МОЙ навсегда. А зовут её Ириской.

Дочь протараторила всё это на одном дыхании и с надеждой спросила: «Пап, она тебе нравится?»

Папа внимательно выслушал всю историю и произнёс: «Спасибо, что не прихватили ещё и щенка... или крокодила...»

Фонарь тоже это выслушал и улыбнулся про себя.

Он сразу понял, что папа уже давно принял Ириску. Ведь этот котёнок — самая заветная мечта его дочурки.

А дочку свою он любит больше всего на свете.

Уличный Фонарь стоял и мечтательно смотрел вдаль.

Он уже привык, что мимо проезжают машины, автобусы, такси. Бывает, пронесётся «Милиция» с мигалкой,

промчится «Скорая помощь», тревожно сигналив сиреной.

И вдруг он заметил машину, которая ползла, как улитка.

«Ага, — подумал Фонарь, — точно, улитка, на ней даже написано «У».

Он стал внимательно следить за «улиткой».

Машина аккуратно делала повороты, круги по площади Геологов, пропускала пешеходов.

«Здорово получается», — мысленно хвалил «улитку» Фонарь.

На следующий день Фонарь ждал, когда же появится его «улитка». Так, в течение недели он следил за легковушкой с буквой «У» на крыше, радовался ее успехам, ведь день ото дня машинка ездилла все быстрее и быстрее. Фонарь уже узнавал водителя и приветливо освещал ему дорогу.

Однажды утром Фонарь недовольно помигал вслед машине, которая не пропустила на переходе у банка детей, спешащих в школу.

Потом он увидел ту же машину, которая с огромной скоростью пролетела мимо магазина «Горизонт».

«Ах, дорога опасная! Добром это не кончится», — подумал Фонарь.

И как в воду глядел!

После оттепели грянули морозы, и дорога обледенела. На повороте водитель не справился с управлением, машина со всей скорости врезалась в фонарный столб.

Приехала милиция, «Скорая помощь». Когда водителя уложили на носилки, Фонарь с удивлением узнал свою «улитку».

— Как быстро люди забывают уроки! Совсем недавно он был примерным учеником, соблюдал все правила, а сейчас...

Фонарь огорчённо погас.

Можно было, конечно, решить, что на улице стало довольно светло и свет просто отключили. Но я-то знаю, что Фонарь был очень удивлён.

Солнечный осенний денёк. Деревья сменили зелёную одёжку на праздничную золотую, оранжевую, багряную. Кое-где на асфальте виднеются лужи после летнего дождика.

Было достаточно светло, поэтому Фонарь не работал, отдыхал, любясь осенним настроением города.

Смотрит, идёт с тяжёлыми авоськами и пакетами бабушка. Очевидно, она обошла много магазинов, пока не купила все продукты и теперь возвращалась домой.

Навстречу катился мальчишка на велосипеде. На тротуаре было много свободного места, но он промчался рядом со старушкой, так близко, что обрызгал её и напугал.

От неожиданности она уронила пакеты, яблоки рассыпались. Ароматные жёлтые и красные шарики покатились по грязной луже...

На глазах испуганной женщины появились слёзы.

Фонарь стоял и думал: «Как жаль, что я не могу наклониться и помочь этой несчастной бабушке. Как жаль, что я не могу догнать этого хулигана».

История получилась короткой, потому что огорчения не должны быть долгими.

Алиса ПЕТРОВА, 15 лет
г. Краснотурьинск
Свердловской области
Диплом «За доброту и веру в чудо»

Присмотрись к радуге!

Сказка

Так редко наше небо сбрасывает полотно сладкой грусти, так редко снимает серую тень, так редко в нём мелькают блики многогранной радуги... Так редко — лишь для нас, ведь мы просто боимся замечать что-то необыкновенное и несуществующее для нас ранее.

А давайте на время вернёмся с неба на землю. Вы когда-нибудь видели летающих ёжиков? Да-да, вспомните, пожалуйста, это было в вашем триста сорок девятом сне. Но, спешу вас уверить, один из этих ёжиков существует на самом деле, вот как раз о нём я и хотела бы вспомнить сегодня.

Его звали Цветик. Глупо звучит: колючий Цветик, но кто сказал, что глупо — значит плохо?! Для всех зверят он и был, как все: серый, колючий, с маленькими лапками, остреньким носиком и черничными глазками. Его считали очень странным. Хотите узнать, почему? Всё очень просто! Все в лесу ничем необыкновенным не занимались: деревья качались и шумели; птички пели; медведи искали ягоды, а ещё плели из веток корзины для продажи; лисички безжалостно охотились на зайцев, а ещё плели венки из полевых цветов, после чего разгуливали по лесу с чувством собственного достоинства и даже превосходства; дятлы пытались достучаться до старых глухих сосен и елей; зайцы строили из листьев зелёные городки; белки готовили блюда из лесных орехов.

А наш ёжик днём помогал всем понемногу. Что ни попроси — всё сделает Цветик! Сердце его не было колючим. В сердце его таился-хранился маленький секрет, секрет ото всех и от всего. В этом секрете скрывалась искренняя любовь к миру, ко всем его обитателям, ко всем деревьям и насекомым...

Цветик больше всего на свете любил ночи. Тёплые лесные ночи, ласковые, таинственные, долгие и мимолётные одновременно. По ночам у нашего ёжика становились настоящими и большими крылья за колючей спиной, которые никто никогда не замечал. Белые, мягкие и сильные, волшебные, их когда-то давно он получил в подарок от кого-то в свой самый первый день рождения. Но никто не знал об этом, кроме него самого, — пусть и дальше это останется нашей с вами тайной. После полуночи Цветик взмывал высоко в небо, кружил над родным спящим лесом, а потом садился на облака, отламывая кусочек этой сладкой ваты, надувал его, и чудом выходил воздушный шар... Много воздушных шаров... Разноцветных! Открою вам ещё один секрет: только снизу все облака кажутся нам однообразно белыми. Это не так! Облака — перламутровые! Красные, зелёные, розовые, голубые, жёлтые, какие захочешь!

А поутру Цветик снова возвращался на землю с огромным количеством воздушных шаров в обеих лапках и никогда не уставал бродить по многочисленным извилистым тропинкам и дарить шарики всем, кто только встречался ему на пути. И все жители леса всегда носили с собой шары, даже не подозревая о том, что носят частичку

души Цветика. Ёжик получал взамен улыбки, иногда в мечтах он даже составлял коллекции подаренных ему за день улыбок: они были и благодарные, и счастливые, и фальшивые, и злорадные, и радостные, и насмешливые... «Разные, но все прекрасные!» — думал Цветик. Он не умел унывать. Он не умел обижаться. Он не умел врать. Даже когда хитрые лисы спрашивали: «Цветик-семицветик, Колючка-липучка, скажи-ка, Расскажи-ка, откуда у тебя так много воздушных шаров? У тебя что, фабрика?» — «Я надуваю их из облаков», — пытался объяснить ёжик, после чего лисы в один голос громко смеялись и тявкали.

А однажды Цветик посмотрел на небо и заметил, что облака сегодня почему-то серые. «Какие же получатся шарики из этих унылых облачков? Понравятся ли они зверятам? Какие же у них будут улыбки?» — забеспокоился Цветик. Небо хмурилось всё больше и больше, душа маленького ёжика сжималась в комок всё сильнее и сильнее. Он чувствовал, что надвигается что-то страшное, что-то непоправимое, ему так хотелось прижаться к кому-нибудь, так хотелось быть со всеми вместе...

Он как раз возвращался домой, и все, кто шёл навстречу, были с разноцветными шарами. Но что-то было не так. Цветик смотрел на деревья — они молчали. Цветик смотрел на облака — они сгустились. Цветик смотрел на идущих рядом — они его не замечали. Он так пристально всматривался во всё, так хотел найти хоть в чём-то утешение и поддержку, что не заметил лежащего на дороге брёвнышка... запнулся, маленькие ножки заплелись в кочку, черничные глазки зажмурились, носик фыркнул, и в одно мгновение Цветик проскользнул по земле в ямку с грязью... Плюх!

Бах! Шлеп!.. Боль, неистовая боль в спине... Это же крылья! Да, они были невидимы, но они всё же были! Чей-то смех... И крылья сломались. Оборвались, отлетели, растворились в грязи. Смех барабанными палочками бил по ушам запачканного ёжика. Это все вокруг собралось возле ямы, тыкая лапками в грязного, никчёмного, никому не нужного ёжика, Цветика-Семицветика, Колючки-липучки... Смеялись кто как: кто-то злорадно, кто-то с издёвкой, кто-то с весельем... Перед Цветиком промелькнула вся собранная ранее коллекция улыбок и вдруг разорвалась, ранила сердечко ёжика. А они всё смеялись. Цветик в последний раз взглянул на их довольные мордочки и тихо промолвил сам себе: «ПУСТЬ СМЕЮТСЯ! ВЕДЬ СМЕХ ПРОДЛЕВАЕТ ЖИЗНЬ!»

Крылья сломаны. Взлететь, казалось, уже невозможно.

Но внезапно все шарики, подаренные когда-то ёжиком зверятам, резким рывком взлетели вверх, удар молнии поразил их все до единого. После ливня разноцветные материи слились воедино, образуя многоцветные дуги. Пёстрые, яркие, переливающиеся дорожки собрались и расстелились с небес до земли, до грязной ямы, до Цветика. Он, тихо поднимаясь по волшебной тропинке туда, наверх, на облака, оглянулся и помахал лапкой тем, кто заморожено остался смотреть на него внизу.

Если вы когда-нибудь увидите радугу, присмотритесь к ней хорошенько, не так, как обычно смотрят все. Найдите её серединку, именно там сидит Цветик, сидит и смотрит на нас свысока, иногда посылая нам приветы дождинками, снежинками и солнечными зайчиками. Помашите ему, и может именно вам он в первый раз за много веков пошлёт, как чудо, перламутровый воздушный шарик...

Дарья ЧУПАЧЕНКО, 14 лет
г. Нижний Новгород
Специальный приз
«За многогранность таланта»

За пределами земной жизни

Фантастическая повесть
 (Отрывок)

Встреча

Ты пришла ко мне ночью, ступая босыми ногами по звёздной дорожке. Луна над твоей головой светила, как нимб у святого.

— Почему ты ушла, не дождавшись меня?

— Я не могла остаться. Моё время кончилось, твоё ещё не пришло.

— Но ты была такая молодая!

Ты посмотрела на меня своим серьёзным, мудрым взором. В твоих глазах отражалось ночное небо.

— Молодость и старость каждый понимает по-своему. Всё, что я могла сделать, я уже сделала. По крайней мере, в этой жизни.

— Разве есть ещё?

— Да. Но лишь для тех, кого помнят. Если его помнят хорошо, то он переживает лишь хорошие моменты, если плохо, то лишь плохие. Поэтому о покойниках стараются вспоминать только хорошее. Ты вспомнила обо мне, и я пришла.

— Почему я не могу пойти с тобой?

— Ты ещё слишком мало сделала в этой жизни. Когда твоё время придёт, ты уйдёшь.

— А как же Настенька? Она умерла сразу после рождения!

— Наверное, она умерла для того, чтобы дать понять своей матери и окружающим, что бывает, когда не заботишься о ещё не родившемся ребёнке. Она сделала великое дело. Может, своей жизнью она спасла много жизней других детей.

— Есть же люди, которые умирают, так и не сделав ничего особенного!

— Откуда ты знаешь? Они рожали детей, это много. Они могли подать милостыню человеку, который с этих денег не замёрз в зимнюю ночь. Не обязательно делать что-то крупномасштабное, сначала научись делать добро своим близким. Твоё время ещё придёт, и мы встретимся. Ой, меня зовут, пора идти, прощай!

— Постой! Ты мне многого не рассказала...

Но тебя уже не было. Ночь заканчивалась, звёзды догорали. Я проснулась.

Смерть

Я лежу и болею. Меня знобит, хотя тело моё пылает как печка, в которую плеснули керосин.

Передо мной проносятся видения: я лежу на горячих камнях и чувствую во рту солёный привкус морской воды.

Сзади меня горы, поросшие лесом, и отвесные скалы. Здесь я первый и, наверное, последний раз увидела море.

Большое южное солнце, похожее на надрезанный цитрус, слепит глаза даже через тёмные очки.

Купальник на мне понемногу высыхает, но вставать не хочется.

У моих ног плещутся морские волны, будто сделанные из голубого стекла. А в них шевелятся прозрачные резиновые медузы с голубыми колечками на спине.

Между камней бегают маленькие крабики, задевая своими неловкими клешнями мои ноги.

Из-за невидимой черты, где кончается небо и начинается море, подул слабый ветерок. Он едва шевелит длинные иголки маленьких сосенок, которые растут на отвесных скалах.

Скалы всего несколько метров не дотягивают до воды. Кажется, что стоит толкнуть их посильнее — и они упадут вниз вместе с лохматыми сосёнками. Но уж очень сильны корни деревьев, очень сильны неповоротливые скалы, и они ни за что в жизни не упадут, не сломаются. И я не сломаюсь, выдержу, выживу, я сильная...

Снова я дома, снова стучу зубами и пью кипяток. Голова моя гудит как медный котёл. Господи, ну почему же мне так плохо?

Я уже не на море, а в русском лесу. Величавые толстые сосны, тоненькие берёзки, под широкими листьями орляка прячется белобокая, ещё не вполне созревшая земляника.

Прямо передо мной расстилается огромное озеро, похожее на зеркало, отражающее перламутрово-голубое небо.

Я вхожу в воду, и водоросли, точно проснувшись, начинают кланяться мне.

Я плыву на спине и смотрю в небо, где солнце почти такое же, как в воде, с одной только разницей: если от моих волн оно дробится жидким золотом, то в небе оно тёплый сгусток света, мягкий и пушистый, который так хочется погладить.

Я гребу руками, и волны доходят до берегов, задевая корни старой ольхи. Она вся почернела и сгнила. Корни её в воде, и стоит на неё облокотиться, как она упадёт в царство воды. Её примут в свои объятья зелёные водоросли, потом она всплывёт, но жизнь её прекратится.

Смерть — это вечный покой, там нет ни печали, ни злобы, уснуть и не проснуться.

Так почему же я, как эта ольха, отчаянно цепляюсь за жизнь своими голыми гнилыми корнями?! Мне страшно поверить, что я уйду из этой жизни, так ничего и не сделав, а может, уже сделав всё, поэтому меня и забирают.

Опять я дома, в голове горит и гудит. Уже не знобит, но чувствую себя, кажется, ещё хуже.

Я закрываю глаза и вижу своё последнее видение: холодным ветром вырывается из твоих губ дыхание. Ты кружишься и смеёшься. Твои чёрные волосы странно смешались с твоей рваной одеждой. На болезненно-худом лице чётко выступают острые скулы, и блестят тёмные глаза.

«Я узнала тебя, ты смерть, ты пришла за мною!» — хотела крикнуть я, но ты коснулась своей ледяной рукой моего лба, и мы взлетели в небо.

Ирина КУЛАВИНА, 17 лет

г. Рязань

Диплом «За освоение малых форм»

Вероятность слов

Покорен тлен. Шипит изгнание. И вероятность снов — мала. Гонимым вздохом различаются во тьме две наши тверди: твоя — хранитель, моя — зола. Нас расплескали кубки, доколе наполняли их жрецы водой тесёмчатой и кровью, направленной на тонкий лик. Тебя повергли в истерзание земле, меня ж очистили и залили плевками. На миг лишь мы сошлись — когда бессмертные нас этими водой и кровью обтирали. Как будто нами не дан был обет хранить себя! Они надеялись, а мы их обманули! Там, где хранитель опалён, горит зола. Искали нас, всю землю обогнули. А нами спрятаны превратность, правда, тишина. И оба на хранителей похожи... пока мы не загнули...

Покорен тлен. Шипит изгнание. И вероятность слов — мертва...

Двое

Посвящается той моей части, которую я не знаю и, вероятно, которую мне не постичь...

За спиной своей шага замечаешь? В себя обернись: ты перепутан. И в лицах тех, кого ещё потерял или уже не обрёл, распятый, непрошенный облик последний, объятый тревогой и страхом, ты отбрасываешь, совсем произвольный. За шагами кончается твердь. Здесь ты потерян. Заклеймено место отнюдь не безликой надеждой, но сущностью новой, нетленной, тебе неподвластной и чистой.

Меня машинально, устав, ты положишь подальше: не грею, не вижу, не делюсь ничем, а просто грежу. В любом продвижении твоём мы вдвоём виноваты. И этот липкий стакан, опустошив в полусвете, покажет другу чуть яснее. Запрёмся подальше от мира, который принужденно делим, но не убежать, как свет без тьмы тени не рождает. А их уж двое... Смотри, как причудливо путаются, содрогаясь. Но расплетаться не хотят...

Ложись, прикрой глаза: тебе пусть станет чуть полегче. (Рукой стакан отвергнутый до пола от стола на двери отыгрался, по ручке промахнувшись.) Я знаю, во мне растворишься. А позже, приоткрыв слегка единые уста, мы будем говорить. В покровках ночи никто не узнает, не упрекнёт, не откроет, нами не передышит.

А завтра будет миром новый. И мы его разделим!

Злата СЕРГЕЕВА, 12 лет

г. Ижевск

Диплом «За грамотное построение сказочного сюжета»

Новогодние приключения

маленькой Ёлочка и её друзей

Жил-был дремучий-дремучий, скрипучий-скрипучий, добрый-предобрый старый дедушка Лес. В нём

было много деревьев — его подопечных. За каждым деревом он следил, ухаживал, лечил. Но слишком много было деревьев в лесу, и дедушке Лесу с каждым годом становилось всё труднее лечить их. От этого многие деревья начинали засыхать и переставали радовать лес новыми побегами. Дедушка Лес старел всё больше.

В один зимний день, когда в лесу разыгралась страшная вьюга, из-под сугроба появилась маленькая ёлочка. Мама Ель (высокое статное дерево) скорее прижала малышку к себе, чтобы та не замёрзла.

На следующий день вьюга утихла, и дедушка Лес устроил пышное торжество в честь подросшей маленькой Ёлочка. Со своим другом Снегом он нарядил деревья в пышные платья и устроил бал снежинок.

Прошло несколько месяцев. Наступил июнь, но в лесу осталась гостить Зима. Она по-прежнему посылала бураны, вьюги. От этого деревья чахли, а саженцы болели. Лес вымирал.

Когда деревьям стало совсем плохо, дедушка Лес собрал их, и вместе они начали решать, кого же послать за помощью к Дедушке Морозу. Только тот мог прогнать Зиму из леса. Решали они, решали, но так никого и не выбрали, так как все деревья были больны.

Вдруг выступила вперёд маленькая Ёлочка и вызвала идти за помощью. Деревья не хотели отпускать её, но пришлось, чтобы спастись от гибели. Они отправили с ней волшебную Снежинку, которая могла превращаться, во что захочет.

Ёлочка со Снежинкой отправились в путь.

Шли они, шли и зашли в непроходимую дремучую чащу. В этом месте не было видно даже звёзд. Где-то далеко заухал Филин. Он был пожилым и очень мудрым.

Вдруг Ёлочка со Снежинкой поняли, что заблудились. Сначала они не знали, что им делать, но потом решили пойти к Филину и спросить дорогу. Так и сделали.

Мудрый Филин показал дорогу. Подружки поблагодарили его и пошли дальше. Через несколько дней девочки вышли на светлую поляну и увидели грустного Оленёнка. Он сидел возле незамерзающего ручья и плакал.

Оказалось, он с мамой и папой приехал погостить в лес к дядюшке Лосю. Оленёнок был удивлён, что долгожданное лето в лес не пришло. Он решил поискать спрятавшееся лето, отпросился погулять, но заигрался и не заметил, как стемнело. Теперь не знает дороги домой.

Ёлочке и Снежинке стало жаль малыша. Дети решили помочь ему найти дом Лося.

Во время поисков ребята подружились, а за весёлым разговором и не заметили, как нашли дом дядюшки Лося.

Родители, увидев своего сына живым и здоровым, так обрадовались, что забыли о девочках. Зато о них вспомнил Лось. Он обратил внимание счастливых родителей на подружек.

Все их благодарили, а потом усадили пить чай. Девочки рассказали о том, куда и зачем идут. Олени и Лось предложили детям свою помощь, ведь они были такие ещё маленькие и не знали, с чем и с кем им предстоит встретиться. Девочки отказались, тогда Лось подарил им серебрянный кошелечек с кристалликами-невидимками.

Вскоре девочки отправились в путь.

Прошла неделя с того момента, как подружки покинули гостеприимный дом Лося. Всё чаще дули порывистые ветры, всё чаще приходилось искать убежище от бура-

нов. Когда непогода стихала, девочки старались идти скорее, чтобы успеть спасти деревья и вернуться домой к Новому году. Они с благодарностью вспоминали мудрого Филина за предупреждение о том, что когда здесь пройдёт час, в Лесу минет несколько дней.

Прошло некоторое время. Девочки двигались вперёд. Вдруг что-то страшно заурчало, закружило, завертело и подняло их в воздух. Ёлочка звала Снежинку, но та не откликнулась. Ёлочка пыталась освободиться, но ничего не получалось. Малышке показалось, что она очутилась в гигантской трубе. Послышался неясный гул, и её что-то опустило на мраморный пол.

Оглядевшись, Ёлочка увидела, что стоит в холодной пустой комнате. Возле самого потолка было маленькое зарешечённое окошко с толстым стеклом.

Внезапно деревце услышало лёгкий шорох. Из маленького отверстия в стене показался длинный хвост. Вскоре оттуда выпрыгнул мышонок.

Он ничуть не испугался, увидев Ёлочку. Мышонок даже познакомился с ней. Через несколько минут они уже были друзьями.

От мышонка Пика девочка узнала, что её заточили в одну из темниц замка Бурана — злого волшебника, друга старухи Зимы и злой красавицы Вьюги.

Потом она рассказала Пику свою историю. Зверёк решил помочь новой подружке найти Снежку. Он расспросил, как выглядела Снежинка, попрощался и скрылся.

Ёлочка снова осталась одна.

Она всё думала о Снежке, о мышонке и о том, как выбраться отсюда. Она вспомнила о волшебных кристалликах, стала искать серебряный кошелёчек, но не нашла его. Скорее всего, он выпал, и кристаллики высыпались, когда Ёлочку затащило в трубу.

Вдруг раздался неясный шум. Подойдя к двери, девочка услышала чей-то голос. Кто-то говорил:

— Госпожа Вьюга, я сделал всё, как вы просили. Они здесь. Никто ни о чём не узнал. Пора делиться.

— Спасибо. Я узнала, что в Снежинке содержится вечная мерзлота. Если раскристаллизовать её и включить самую холодную температуру, на Земле всегда будет ледяное царство.

— Прекрасно! Пусть она пока находится в моём кабинете. А что мы сделаем с Ёлочкой?

— Пожалуй, пустим на дрова.

— Ну, тогда я приготовлю топор-саморуб. До свидания.

— До завтра, Буран.

Девочка услышала лёгкий цокот серебряных каблучков и топот ледяных сапог. Она снова стала думать, как спастись, но все пути к спасению были отрезаны. Осталось сидеть и ждать казни.

Прошло некоторое время. Мысль о спасении не покидала Ёлочку, но ничего подходящего не приходило в голову. Задумавшись, она не расслышала цокот, раздавшийся за дверью. Дверь заскрипела, и в зал вбежал Оленёнок. За ним появились его родители.

Олени молча подхватили Ёлочку и покинули темницу. Оказавшись на воле, радостная Ёлочка спросила оленей о Снежинке, нашли ли они её. Олени, к сожалению, не обнаружили Снежку и не знали, где она.

Огорченные друзья пустились в путь подальше от замка Бурана.

Олени двигались плавно, будто скользили. От этого Ёлочка задремала, а когда проснулась, увидела, что замок Бурана далеко позади, они же находятся в глухой чаще.

Вдруг раздался чей-то зов, олени сразу остановились и ответили незнакомцу. Из-за деревьев выступил дядюшка Лось. На нём сидела Снежинка!

Подружки не могли нарадоваться друг другу. Они расспрашивали Оленей и Лося о том, как их удалось спасти. Наконец, шум улегся, и дядюшка Лось стал рассказывать.

Когда маленькие кристаллики выпали из серебряного кошелька и поняли, что Ёлочку и Снежинку похитили Буран и Вьюга, они сразу же сообщили об этом Лосю и Оленям. Олени немедленно отправились в путь, а Лось остался присматривать за домом. Но, не находя места от беспокойства, через некоторое время тоже отправился на подмогу. В замке дорогу к Снежинке показал малюсенький добрый мышонок. Тут дядюшка Лось достал из тёплой сумки крохотного спящего мышонка.

Девочки решили не будить кроху. А вскоре и сами уснули счастливым спокойным сном.

Олени и Лось продолжили свой путь, но уже в Великий Устюг к Дедушке Морозу.

Восхождение на Саблю

Максим КРУШИНИН

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

За десять суток, с 28 марта по 7 апреля, группа туристов, всего шесть человек, пятеро из Екатеринбурга, один из Перми, прошла маршрут протяженностью около 140 км — это лыжи плюс снегоход, категория сложности 2 А-Б, и побывала в красивейших местах Приполярного Урала. Основная цель путешествия — восхождение на гору Сабля.

**Пик Сабля —
1497,4 метров,**

расположен в национальном парке Югыдва (Приполярный Урал), хребет располагается с севера на юг, восхождение в основном проходит по западному, более пологому склону (сложность — 2А — летом), восточный склон — отвесная стена (сложность 6А, Б).

Покорение вершины по восточному склону осложнено тем, что требуется много «железа» (крючья, закладные), а забросить такое количество снаряги можно только вертолетом. Возможно два варианта пешего подхода к массиву Сабли. Первый — с запада через Печору, от поселка Аранец нужно пройти 50 километров по

болотам, а в действительности накручиваешь все 80, да и комары там с кулак величиной. Кто там когда-либо ходил – обещает себе, что так больше делать не будет! Второй вариант – с востока через Инту, от базы «Желанная» 300 км через весь Уральский хребет.

Нами был выбран зимний вариант (по западному склону) от Печоры, комаров удастся избежать, хотя зимнее восхождение осложняется лавинами и низкими температурами.

И еще 30 км до избы «40 окладов»

На вокзале в Печоре нас по предварительной договоренности встретил начальник отряда МЧС Печоры. Долго нас отговаривал заходить в это район, мотивируя тем, что переправа через реку Печора закрыта, зимник растаял, «Буран» по лесу не пройдет...

Несмотря на все эти увещевания, мы продолжили движение в поселок Приуральский. Под Саблей МЧС в марте выставляет пост, в апреле его снимают. Поэтому в лесу был буранный след, и можно было

спокойно, не тропя, добежать до Аранецкого перевала.

В итоге со спасателями был найден общий язык, и нас добросили на снегоходах до границы нацпарка, а дальше на лыжах еще

около 30 км до Аранецкого перевала, избы «40 окладов». Летом в этой избе пост нацпарка, инспектора штрафуют нерегистрированные тургруппы на 40 МРОТов.

Восхождение

1 апреля, в день восхождения, погода стояла теплая, около нуля, что грозило нам сходом лавин. Так оно и случилось: подойдя к запад-

ному склону Сабли, увидели два свежих лавинных выноса.

Подъем осуществлялся свободным лазанием, в связках по трое, рубили ступени, снег практически не держал – ледоруб тонул в снег. К полудню достигли отметки 1360 м, снег превратился в кашу. При такой нестабильности, ступени уже рубили по пояс в снег. Было принято решение отходить. Следующие два дня погода испортилась. Видимость – менее 100 метров. Отсидживались в избе и потихоньку ради спортивного интереса строили иглу. Ледяное

жилище вышло на славу, добротное, но переночевать в нем никто так и не решился.

4 апреля погода наладилась, и было принято решение сделать радиальный выход на ледник Гофмана через Аранецкий перевал по долине реки Седью. Выходили с Сабли через реку Залазную, реку Вертный на поселок Аранец.

Почему именно Сабля

Туристы и спортсмены из Екатеринбурга на Сабле практически не бывают. Готовясь на этот маршрут, долго искали в просторах Интернета отчеты других групп. Нашли в основном отчеты москвичей, питерцев, магнитогорцев. наших земляков не видели. Руководитель нашей группы был на Сабле два раза, но летом. А это, как вы понимаете, уже совсем другое восхождение.

Сабля — первое зимнее восхождение нашего коллектива, тех-

тически — очень интересный маршрут: подход — около 50 км лыжи, сама вершина, куда без навыков

скалолазания лучше ни-ни. Кроме того, это просто очень, очень, очень красивые места!!!!

СОСТАВ ЭКСПЕДИЦИИ

Ушаков Сергей — Екатеринбург (руководитель)

Журавлев Андрей — Екатеринбург

Бобошин Алексей — Екатеринбург

Соколов Никита — Екатеринбург

Крушинин Максим — Екатеринбург

Епишин Андрей — Пермь

Евгений ЛОТОШ

Ошибки и штампы в фантастике

[Выпуск 10]

Тема шестая.

Липовая фэнтези, или

Реальные ляпы в выдуманной действительности

Вообще говоря, критиковать фэнтезийные тексты гораздо сложнее, чем научно-фантастические. У автора всегда есть отмазка: дескать, придуманный мной мир устроен именно так, а потому не пойти ли вам со своими придирками по известному адресу? Однако и здесь есть пища для размышлений.

Как ни крути, но все миры в той или иной степени копируют наш, реальный. И населены они людьми, с человеческой логикой и человеческой социальной структурой, путь и называются они при этом орками, троллями или эльфами. Собственно, придумать мир, непохожий на реальный, крайне сложно по двум причинам. Во-первых, вряд ли найдется человек, который смог бы проработать совершенно абстрактную картину так, чтобы она получилась целостной и непротиворечивой. Возможно, среди математиков или физиков и отыщется такой ум, но сомнительно, что он станет заниматься всякой ерундой вроде малевания сказок для взрослых детишек. Во-вторых, абстрактный мир, не имеющий никаких привязок к реальности, вряд ли сможет увлечь массового читателя.

Поэтому во всех без исключения выдуманных мирах присутствуют элементы нашего мира. А поскольку пулемет Калашникова и бомбер «В-2» плохо вписываются в сказочную атмосферу, их заменяют более доступными фламбергами и драконами. Драконов мы, так и быть, трогать не будем, а вот про клейморы и прочую смертоубийственную справу поговорим. Итак,

Холодное и стрелковое оружие. Среди авторов фэнтези очень популярен типаж могучего варвара с огромным мечом за спиной. Будучи атакован всякой летучей, ползучей и ходячей гадостью, он резво выхватывает означенный меч и начинает гвоздить им

налево и направо, так что только конечности по сторонам летят.

Давайте приглядимся к парню поближе. Обратите внимание, как пыхтит бедолага в драке — куда там твоему паровозу! И немудрено. Весит такой двуручный меч килограмм пять, а то и больше, и инерция у него соответствующая. Это вам не одноручный ятаган, которыми, словно тросточками, размахивают орки. Такой душой можно убить, даже если попасть по башке плашмя. И даже без особого размаха. Так и хочется похлопать парня по плечу и посоветовать не выпендриваться. Даже простая дубина в данной ситуации окажется сподручнее.

Давайте задумаемся, а зачем, собственно, нужен двуручный, или «великий», меч? Выгоды здесь две: доставать противника с большего расстояния за счет большей его длины и увеличивать силу удара благодаря двуручному хвату. Но сила удара в бою далеко не всегда полезна: противник не стоит столбом в ожидании казни, а вертится ужом, да еще и сам норовит зацепить тебя своей железкой. Сила удара, помноженная на вес, приводит к повышенной инерционности клинка, пониженной частоте замахов и почти никакой точности. Как показывает историческая практика, длинные двуручные мечи с лезвием в 120–170 сантиметров длиной использовались по большей части конными рыцарями — коротким мечом с коня достать пешего врага проблематично. Среди таких мечей числятся, например, японский но-даки (нодати) и европейский эспадон. Кроме того, такие мечи (тот же эспадон) применялись при стычках тяжелой панцирной пехоты: под грудой металлических доспехов уворачиваться сложно, а потому низкая скорость удара здесь особой роли не играла. Шотландский клеймор и немецкий фламберг с характерным волнообразным лезвием применялись для прорыва плотного строя пикинеров — обрубания копейных наконечников, доставания издали защищающихся и т.п. В позднем средневековье ограниченно эффективным было применение длинных мечей спешившимися рыцарями для обороны. Наконец, рыцарский эсток с трех- или

Евгений Лотош в 1997 г. окончил магистратуру математико-механического факультета УрГУ. Ведущий инженер в компании «Quorus» ACS, профессия — системная интеграция. Бессменный ведущий рассылки «Читаем с нами. Литературное обозрение» на Subscribe.ru. Критик, литератор.

четырёхгранным клинком вообще мог не иметь режущего лезвия и применялся по большей части для пробивания пластинчатых доспехов противника путем сильного колющего удара (этакая гипертрофированная рапира). На этом сфера применения подобных мечей исчерпывалась. При всем при том помимо двуручного меча воин всегда был вооружен дополнительным оружием (как минимум длинным кинжалом), которое пускалось в ход при входе в клинч.

На самом деле под двуручным мечом обычно ошибочно понимают полуторный меч (*bastard sword*) — класс мечей, обладавших хотя и весьма длинным (до 120 сантиметров), но при том более коротким, чем у двуручного, клинком. Рукоять таких мечей допускала как одноручный, так и двуручный хват. К таким клинкам можно отнести, например, европейский спадон, а также японскую катану (насколько к японским мечам вообще можно применять европейскую классификацию). Эти мечи также в значительной степени использовались как кавалерийские и в Европе широкого распространения не получили.

Основное же и наиболее эффективное клинковое оружие средневековой Европы и прочего мира — это класс одноручных мечей, получивших общее название «длинных» (*long sword*). Они сочетали в себе достаточно длинное лезвие (50–70 сантиметров), иногда (но далеко не всегда!) обоюдоострое, и относительно небольшой вес, позволявший орудовать им с достаточной скоростью. Именно палаш (*broadsword*), обоюдоострый заостренный широкий клинок, прямой или слегка изогнутый, позволявший и рубить, и колоть, в конечном итоге оказался самым эффективным мечом всех времен и народов и дожил в качестве боевого оружия аж до конца девятнадцатого века. В силу своей универсальности он использовался как пехотой, так и кавалерией (хотя последняя все же предпочитала более легкие изогнутые сабли). Также весьма удачным орудием оказалась шпага — легкий узкий клинок позволял как рубить, так и колоть противника, находя малейшие щели в его доспехах, хотя и оказывался малопригодным против более тяжелых мечей. Более длинные клинки оставались экзотикой.

Еще один момент — **заспинное ношение меча**. Да, такой способ применялся, например, сарацинами. Однако широкого распространения он не получил. Причина банальна — таким образом можно носить только короткие мечи. Можете провести эксперимент самостоятельно. Представьте, что у вас за спиной висит железяка, при этом пята лезвия расположена в районе шестого позвонка (наиболее удобное место для рукояти). Теперь вам нужно мгновенно выхватить его и тут же нанести удар. Поднимите вверх и в сторону правую (или левую) руку, не разгибая ее до конца, и замерьте расстояние между кулаком и шеей. Это и будет максимальная для вас длина клинка, позволяющая выполнить поставленную задачу. Учтем, что средний рост (и длина руки) народонаселения в средние века были заметно меньше, чем сегодня. Так что можно констатировать, что носить за спиной можно было

лишь короткие, до полуметра длиной, мечи. Двуручный меч за спину можно поместить, лишь надежно приторочив его ремненной перевязью на время путешествия. Вообще же в боевом положении полутора- и двуручный меч носился либо на плече (пехота), либо закрепленным у седла (рыцари/кавалерия) и, кстати, зачастую вообще не обладал ножами.

Резюмируя данную тему, замечу, что далеко не все, что выглядит круто, на деле является таковым. Клинковое оружие всегда подбиралось под конкретные задачи. Так, не имеющая острия, но при этом изогнутая кавалерийская шашка для конника может оказаться удобнее, чем прямой палаш (в связи с чем прямые мечи уже к 15–16 веку в кавалерии были вытеснены изогнутыми), а против закованного в доспехи рыцаря иногда вообще сподручнее булава или клевец. Зачастую куда удобнее держать противника на расстоянии или стаскивать его с лошади с помощью древкового оружия (пики, алебарды, бердыши и т.п.). Наконец, замечу, что меч в средневековье, особенно в средневековье раннем, был очень дорогим и мало кому доступным (даже в тех странах, где простолюдинам дозволялось ношение оружия). Массово же применялось оружие колющее и режущее — ножи и кинжалы, копыя, топоры и секиры, дробящее — булавы, кистени, цепи, метательное — дротики, пращи, а также другие его разновидности наподобие хлыстов и плетей.

Кстати, еще одно. На оружии не бывает желобков для стока крови (так любимых Перумовым). Продольные выемки на клинках мечей и ножей называются долами и служат для повышения прочности клинка при одновременном снижении его веса. Если вас интересует, как, почитайте учебники по сопромату. Или просто обратите внимание, что согнутый желобком лист бумаги куда прочнее на изгиб, чем плоский.

Перейдем к страшно любимым авторами фэнтези **арбалетам**. Тут и там читаешь, как вооруженные арба-

летами воины (причем зачастую — конные) едва ли не очередями отстреливают налетающих с разных сторон врагов. Тут остается только фыркать в рукав. Арбалеты никогда не были основным стрелковым вооружением в силу очень простой причины: крайне низкой скорострельности. Большинство моделей позволяло сделать лишь один-два (максимум три) выстрела в минуту. При том лучник средней руки прицельно выпускал десять стрел в минуту. Заряжать самострелы было весьма сложно, причем время зарядки оказывалось прямо пропорциональным мощности, а коннику для этого чаще всего приходилось спешиваться. Модели, которые можно заряжать в седле, появились незадолго до огнестрельного оружия. Конные арбалетчики хотя и существовали как поддержка для тяжелой конницы, но широкого распространения не получили. Это усугублялось тем, что арбалет нельзя долго держать в заряженном состоянии — у него быстро растягивается тетива, замена которой является весьма нетривиальным занятием. Так что болт в него вкладывали лишь непосредственно перед боем. Далее, арбалет, в отличие от лука, не позволял эффективно стрелять навесом, что резко снижало его эффективность при стрельбе по прикрытому стенами или щитами противнику. При этом самострел всегда был весьма дорогим оружием, а потому оказывался доступен далеко не каждому.

Основное применение арбалета — отстрел солидно бронированного противника, а также оборона надежных укреплений. До того, как самострелы вошли в массовое употребление, справиться с грудой железа на массивном боевом коне мог только другой рыцарь. Теперь же, сунув самострел в руки вчерашнему крестьянину или ремесленнику, можно было эффективно расстреливать рыцарей до того, как те приблизятся на расстояние таранного удара копьем и конем. Кроме того, арбалеты были очень популярны среди жителей зажиточных европейских городов, которые под прикрытием городских стен могли спокойно перезаряжать оружие после выстрела. В России же, например, где бронированные пехотинцы и конные рыцари-«самовары» отсутствовали, а народ в массе своей никогда особым богатством не отличался, самострелы редко применялись в военных целях.

Арбалеты играли заметную роль в военном деле средневековья. Однако в силу своих недостатков они могли использоваться лишь как оружие поддержки под прикрытием других войск (пикинеров, кавалерии и т.д.). Для партии же приключенцев в несколько человек арбалет бесполезен и даже вреден. Причина в том, что поединок лучника и арбалетчика почти наверняка закончится победой первого (как произошло в битве при Кресси в 1346 г., когда английский длинный лук одержал впечатляющую победу над французским арбалетом).

Доспехи. Еще один любимый прием фэнтезийных авторов — нарядить своего героя в полный комплект пластинчатых доспехов — кираса из литых пластин в полпальца толщиной, пластинчатая юбка,

наручи, поножи, металлические сапоги, бронированные перчатки... так и хочется спросить фантазеров — ребята, вы сами-то когда в последний раз тяжести перетаскивали? Полный комплект брони такого типа весил килограмм двадцать-тридцать, в некоторых случаях (с дополнительными турнирными компонентами) — полцентнера и больше. В такой одежде не то что бегать за врагами по долам и весям — просто ходить и то затруднительно, даже обладая соответствующей подготовкой. А уж без подготовки, просто сняв с поверженного врага... Не забывайте, что на рыцаря надевалась еще и обычная одежда, а также ему приходилось орудовать мечом, копьем, булавой или чем-то еще не менее увесистым. Даже простая длинная кольчуга с рукавами весила килограмм десять, что уже заметно повышало требования к физподготовке, а уж в полной турнирной броне рыцарь зачастую был не в состоянии самостоятельно забраться на лошадь. Рыцарские кони, кстати, являлись прямыми потомками тяжеловозов и лишь поэтому были способны таскать на себе такую грудку железа (не забывайте еще и про вес лошадиной защиты), причем галопом — недалеко и недолго. Стоил такой конь (включая специальную дрессировку) бешеные деньги — чуть ли не столько же, сколько феодальный земельный надел, и абы кто им владеть не мог.

Второй момент, про который обычно забывают авторы фэнтези, это стоимость доспеха. В 11 веке полное оснащение русского боярина обходилось в три десятка коров и при том относилось как максимум к средней, отнюдь не тяжелой броне (кольчуга, полуоткрытый шлем, щит, топор, меч или другое оружие, возможно, наручи с поножами и кольчужные перчатки). За аналогичный комплект франкского доспеха и оружия седьмого века просили в полтора раза большее стадо. Пластинчатый же доспех в позднем средневековье мог позволить себе только очень богатый рыцарь. Уличный оборванец, фигурирующий в фэнтези как главный герой, мог добыть такую броню, только убив или ограбив владельца.

Появились, кстати, тяжелые пластинчатые доспехи именно в позднем средневековье, отнюдь не в раннем (как описано у Твена в «Янках при дворе короля Артура»). Вообще наиболее распространенным доспехом средневековья являлась кожаная или стеганая куртка, иногда с усиливающими металлическими элементами (заклепки, пластины-зеркала из бронзы или железа, а иногда и просто из плотного дерева, кольчужные вставки). Такая броня сочетала в себе неплохую защиту, невысокий вес и относительно низкую стоимость, позволявшую обзаводиться ей даже не самым зажиточным слоям населения.

В следующем, финальном, выпуске цикла мы завершим рассмотрение фэнтези-ляпов. На прощанье же, как всегда, домашнее задание: что не так во фразе «— Чертов конь! — выругался Конан-Варвар»?

(Продолжение следует)

70 кадров неснятого фильма

Киноновелла

После окончания сценарно-редакторского факультета ВГИКА — Всесоюзного государственного института кинематографии — мне довелось работать редактором художественных фильмов на Свердловской и Одесской киностудиях. 50—60 годы минувшего века были периодом подъема, нового расцвета советского кино, и на этой волне всенародной любви к экрану сценарии создавались не только профессиональными сценаристами. Их писали, что называется, от души тысячи людей — по принципу «как видится, так и пишется». Шли потоком «сценарии» о Великой Отечественной войне. Писали участники, явно используя опыт лично пережитого.

Поток, ласково называемой самотеком, шел через редакторские столы. Нам оставалось советовать «сценаристам», наделенным литературным даром, обратиться к прозе, пройти ее школу. И тогда присылать нам написанное, лучше — опубликованное, чтобы в руках сценариста-

профессионала оно могло обратиться в основу для фильма.

Но таких фактов, увы, не было.

Это касается и автора, имени которого я не называю, «киноповести», как он ее назвал, «Точка на карте». Поступила она на уральскую студию из Прибалтики. Автор писал о себе, что участвовал в войне с первого ее дня, дважды был ранен под Ленинградом.

Жив ли он теперь? Годы к фронтовикам безжалостны...

Пусть не осудит, если жив, за какие-то мои неточности при пересказе, где и дополнения: память моя не компьютер. Но сама эта история не выходит из моей памяти, просится на бумагу.

Буду придерживаться той, покадровой, записи, которую придал ей сценарист. Здесь мне не хочется последнее слово брать в кавычки...

О.Х.

Вступительная надпись:
Балтика. 1941-й, август.

Кадр № 1

Буксир, тянущий грузовую баржу, похож на ослика, тянущего арбу с хворостом. Красная Армия уходила на восток. На барже, глубоко сидящей в воде, ценное имущество, военное и гражданское, на носу и на корме раненые. От них не отходят врачи, санитары.

Буксир чадит дымом из короткой трубы. Чем не ориентир для «юнкеров»?

Андрей Скибин, стоящий на капитанском мостике, отлично это понимает. Потому что немецкие бомбардировщики летят мористее, над кромкой горизонта. Они летят медленно, как жирные гуси. Капитан-командир кричит в раструб переговорного устройства, оглядываясь на трубу: требует от «духов», судовых кочегаров, уменьшить

дымность. Но это зависит от качества угля, напряжения машины, и вообще, полное сгорание топлива могут обеспечить лишь турбины военных кораблей.

«Юнкеры» заметили добычу, разворачиваются, капитан кричит в машину громче.

Но от нападения не уйти, а исход его предreshен.

Кадр № 2

Боем это назвать нельзя.

Хотя экипаж, поднятый по тревоге «воздух!», высыпал на палубу, на спардек, вооружась винтовками, огонь по бомбардировщикам — слону дробина.

А те сыплют осколочными, да и пулеметы не бездействуют.

С баржи стреляет медперсонал, тоже из «трехлинеек». Но им, бедолагам, как и раненым уготована

гибель. Часть груза на борту — огнестрельные снаряды, мины...

Баржа при взрыве рассыпается на части!

Горит и буксир. Куда арба, туда и ослик.

Были ли на барже средства для спасения, спасжилеты? Увы, нет. Она грузовая, ее «судовые роли» — кормчий с помощником.

Моряки буксира запасливее на сей случай. Скибин сбрасывает с головы каску, хватая, покидая мостик, спасательный жилет.

Игра окончена. Игра со смертью, которая была расправой сильнейшего со слабейшим.

Кадр № 3

Оценив обстановку — горящие обломки всего, что четверть часа назад держалось на воде, — поняв, что, оставшись без подчиненных, сам спасся чудом под градом ос-

Олег Михайлович Хомяков — член Союза писателей России, член Союза кинематографистов России. Живет в г. Шарья Костромской области.

колков, Скибин следит взглядом ближний островок.

Пусть в воду моряку не привыкать, но гнетет одиночество среди «родной стихии».

Остров кажется с воды каменным горбом, униженным соснами. Всплескивая в бросе руками, капитан себе обещал: мол, еще поживем, повоюем!

Он облачен в китель военного моряка — с командирскими нашивками, по-флотски «штатами». Погон в 41-м не было...

Кадр № 4

Крутя головой, Скибин, к великой для себя радости, замечает в стороне половца. Спасся кто-то из участников перехода, тоже плывет к острову.

«Раненый?» — мелькает мысль. Гребки пловца все реже, слабее.

Скибин устремляется на помощь. Ведь при нем спасжилет, да и вот оно что: плывущая — девушка! С повязкой медсестры на гимнастерке.

Она рада помощи, спасжилет, не соломинка, но сил выразить радость словом нет...

Двое плывут рядом. Остров вытягивается медленно в длину, растет в высоту.

(Примечание для кинооператора. В Финском заливе много не заселенных «точечных» островов, как они выглядят на географической карте. Снимать можно на любом).

Видя, что пловчиха выбивается из сил, Скибин сбрасывает с себя тяжелый намоченный китель. Самому плыть легче и той, которую он поддерживает на воде.

Кадр № 5

В полосе мелководья мужчина берет женщину, вконец обессиленную, на руки. Бредет к усыпанному галькой берегу.

Камни скользкие, но, ступая на них, люди счастливы, ощутив твердь.

Пав ниц от изнеможения, долго лежат, ткнувшись лицом в землю...

Кадр № 6

Скибин смотрит на девушку и хмурится. Она рыдает — беззвучно,

не поднимая головы, вздрагивая всем телом.

— Что вы?.. — спрашивает осипшим голосом. — Радуйтесь, что целы, выплыли!

— Раненых жалко!.. — санитарка сквозь всхлипы.

— Моих моряков тоже не вернешь...

Справившись с дыханием, с волнением, моряк представился:

— Я капитан буксира... лейтенант Скибин. А вы кто?

— Линда Райс, старший сержант.

— Эстонка?

Она не столько кивнула, сколько вновь ткнулась лицом в каменную осыпь.

Кадр № 7

— Разожгу костер, — сказал мужчина, поднимаясь на ноги.

Девушка удивлена: оба мокрые с головы до ног — какой костер?!

Но мореман опытен. Крайне нужное умеет хранить от сырости. Еще и буркнул безулыбчиво:

— «Вот мы и дома!» — как сказал Робинзон, ступив на необитаемый остров.

Кадр № 8

Ножом, извлеченным из чехла, свисавшего с брючного ремня, Скибин сечет валежник. Несет охапку вниз по склону. Где внушительных размеров валун образует нечто вроде ширмы, ограждающей берег от моря.

Достав из водостойкого чехла гребешок спичек — их селитровые головки вспыхнут от любого касания — «Робинзон» разводит костер.

Кадр № 9

Едва занялось пламя, капитан поманил к себе девушку.

Раздевшись до трусов, выложил свою одежду на просушку.

«Островитянка» следует его примеру.

Солдатская рубашка с повязкой (сапоги сбросила с ног в воде) — что дальше?..

Скибин указывает место:

— Юбку — сюда. Белье — мне: подсохнет, пока обхожу остров.

Медсестра подчинилась, как принято в обращении со старшим по званию в армии.

Кадр № 10

Скибин идет по берегу. На раскинутых в стороны руках, что тебе на шагающем огородном пугале, полощется белье. Рубашка, бюстгальтер, чулки...

Окрестные виды не радуют: «Голо, — вспоминается строчка поэта, — как на заседании комсомола». Не веселит и почерневший от времени рыбацкий бот, явно, выброшенный на берег штормом...

Так совпало — приметой о левой ноге: запнулся, и за спиной грянул — взрыв!

Кадр № 11

Там за валуном!

Скомкав подсохшую одежду, Скибин, кривясь от боли в ноге, бежит-ковыляет назад. Но отлегло от сердца: «Пятница» жива! Таится испуганно в камнях.

— Что рвануло? — спрашивает, приблизившись, Скибин.

Девушка недоуменно мотает головой:

— Я отошла за топливом... за хворостом...

Кадр № 12

Скибин окидывает критическим взглядом разложенное на камнях. Одежду разметало взрывом. У гимнастерки с сержантскими петлицами оторван рукав.

Но «островитянкам» ничего не остается, как облачиться в тряпье.

— Мы два клоуна... — изобразила улыбку девушка.

— Но фокус иллюзиониста пахнет порохом, — Скибин потянул носом воздуха. На то он военный человек, чтобы понять. На земле — автомат с короткой рукояткой, револьвер системы «наган», уцелевшие гранаты и запалы к ним. Рванул, конечно же, порох.

— Здесь был схрон, — пояснил девушке, — тайник с оружием! От огня сдетонировал... Вы языки знаете?

— Мой отец — эстонец, мать — финка. А жили мы в Кенигсберке. Когда Гитлер пришел к власти, эмигрировали.

— Что написано? — Скибин подобрал автомат, исковерканный взрывом, указал на монограмму, ввинченную в приклад.

— Имя владельца, — отозвалась девушка. — «Марти Лакконен». Это финский пистолет-пулемет «суоми».

— В системах я разбираюсь, — отбросил бесполезную «железку» лейтенант.

Кадр № 13

Санитарка вернула моряку нож, с которым ходила за хворостом.

Скибин рассудил, думая вслух:

— Место лакомое для Лакконена. Обзор отличный, и укрытие за камнем. Они вернутся сюда!

Линда увидела неподалеку другой автомат — целый, но без магазина. Передала Скибину.

Тот уже принял решение:

— Надо уходить. Этот «цирк» нравится мне все меньше.

Кадр № 14

Каменный горб острова весь в трещинах выветренных пород. В одной из них и нашлось укрытие, похожее на грот.

— Чем не отель «Приют пилигрима»? — радовалась санитарка. — Камина нет, но можно развести костер... У вас сохранилась расческа, товарищ лейтенант?

— Спички?

— Они больше похожи на гребенку. Мне надо привести в порядок волосы...

Гребешок из алюминия уцелел — в кармане флотских брюк...

— Мерси, — поблагодарила Линда. Потом, занявшись волосами, спросила:

— Можно узнать ваше имя, товарищ командир?

— Я представился.

— Звание, фамилия — для анкеты...

— Имя мое — Иван. «Русский Иван».

— Да, нетрудно запомнить. Имя царское!

— Самое что ни есть народное.

— Иван третий, Иван четвертый... — Последний звук в произношении эстонки резонировал. — Я потому знаю, что мой фатер — мой отец — историк. Мне тоже был путь в Кёльнский университет. На философскую кафедру! Историки в нашем мире ничего не могут объяснить... Битте! — Девушка хотела вернуть гребень, но услышала:

— Оставьте себе. У вас... у вас очень красивые волосы.

— Danke!

Кадр № 15

«Гребенка» с селитровыми голловками тоже, к счастью, была на месте, и новый костерок занялся в отеле «Приют Пилигрима».

Постояльцы грелись, сидя друг против друга на плоских, похожих на опрокинутые сковородки, валунах.

— Вы в какой дивизии воевали? — спросил, раздувая огонь, лейтенант.

— Сначала в сто сорок седьмой, эстонской. Командиры были русские, но нас рассеяли в бою под Либавой...

Моряк ослабилась, дернув плечом:

— Не рассеяли — вы разбежались! Ваши и перестреляли наших и штык в землю.

Девушка, не дрогнув ни лицом, ни голосом, пояснила:

— Вы меня не дослушали. Дивизии был придан отряд моряков. Я была с ними, с корабельным отрядом.

— Извини... — пробурчал лейтенант. — Извините, фрау!

— Фрэйлин. Вы «шпрехен зи дойч»?

— В школе учил: «рот-фронт», «нах Анапа»... Потом английский — в морском училище. Вышло ни Богу свечка, ни черту кочерга!

Кадр № 16

Двое идут по урезу воды.

Скибин, заметив камушек с красивой штриховкой, подобрал, протянул спутнице.

Линда, благодарно кивнув, спросила:

— Может быть, перейдем на «ты», Иван?

— Добро. Сколько тебе лет?

— Двадцать один...

— Я думал, меньше. У тебя такое... кукольное личико.

— Внешность обманчива. А твой возраст?

— Двадцать шесть... Но мы теперь во всем на равных, Линда...

— Перед лицом гибели? Ты это хотел сказать?

— Почему?.. Безвыходных положений не бывает.

— И какой тебе видится наша перспектива?

Высушенная солнцем галька сухо шуршала под ногами...

Кадр № 17

То, что было рыбацким ботом, напоминало скелет: шпангоуты — кости обитателя морских глубин.

— Нам нужна лодка или какой ни есть плот, — говорил лейтенант. — Но вопрос — куда податься? Там, — указал рукой в южном направлении — немцы, на эстонском берегу. Плыть в плен?.. А шанс попасть к нашим все-таки есть. Таллин не выстоит, его сдадут. Балтийская эскадра уйдет в Кронштадт. Если уже не снялась с якоря.

— Нам командир отряда говорил, что Таллин будет стоять, как твердыня. Он погиб, командир...

— Земля ему пухом, но тот схрон, на который мы сели, как курица на чужие яйца, — явно НП. Наблюдательный, корректировочный пункт. Корабли не баржи, их главный калибр разнесет в щепки все, что выйдет им навстречу. Корректировщики должны быть на связи с береговой артиллерией, с Люфтваффе. Наши с неба прикроют корабли! Недалеко аэродромы подскока, а гидрогром я сам охранял, когда командовал сторожевиком... Как мечту детства, между прочим! Рвался в летчики, а попал на флот.

— Буксир — не сторожевик.

— Это потому, что я войну начал двадцать второго мая по личной инициативе. Немцы лезли к нам — из нейтральных вод, вели разведку. Приказ — не трогать! А я не стерпел, стеганул бронекатер из пулемета. Они-то смылись, а меня смыли со сторожевика.

— В наказание?

— Да. Спорили с кителя «штаты» старшего лейтенанта, перевели на буксир.

— Сочувствую, — девушка коснулась мужской руки. — Но что ты предлагаешь теперь? Вот это? — Линда указала на «скелет» бота. — Починить и плыть на рандеву с Балтийским флотом?!

— Ты умна, но давай без иронии. Она нам сейчас как мертвому припарка. Пройдемся, погуляем. Нам хорошо друг с другом. И погода располагает. Не правда ли?

— О, да! «Я», «Я!» — это «да» по-немецки, если ты его не совсем забыл.

Оба грустно улыбнулись — в лицо друг другу.

Кадр № 18

Короткие весла, движимые парой крепких рук, вспарывают воду...

Кадр № 19

От остова бота имело смысл отломить, оторвать все, что поддавалось. Этим и занялись островитяне.

— Товарищ старший лейтенант, разрешите обратиться? — Линда пыталась расшатать банку — скамью для гребцов.

— Вот уж не думал, что мне мое звание вернет старший — сержант!

— Вас еще наградят за подвиг. Может, немцы со своего катера хотели обстрелять гидроаэропланы, а вы их спасли.

— Отставить! Нам не до фантазий.

— Я лишь хотела сказать, что до кораблей мы можем доплыть даже на бревне. А уж его-то мы отыщем!

Скибин, оглянувшись окрест, хмыкнул:

— Тут в самом деле рай для лесозаготовителей...

«Оптимистка» сконфуженно умолкла.

Кадр № 20

Новая напасть!

Когда двое разбрелись по острову в поисках «плавсредств», Пятница услышала голос-приказ:

— Линда, ложись! Прячься!!

Глянула выше по склону. Командир ящеркой меж камней, явно от кого-то прячась, спешил к гроту.

Кадр № 21

На воде шлюпка!

Резиновая, надувная.

Двухместная.

Гребец, сидящий спиной к берегу, работает веслами, а его спутник рассматривает берег в бинокль.

Кадр № 22

Что высадившиеся на остров люди — военные, сомнений нет.

Старший (потом узнается звание: фельдфебель) приказывает подчиненному вытащить шлюпку из воды. По распорядительным жестам видно: велит ее укрыть, замаскировать.

Такие шлюпки надуваются с помощью насоса, но в экстремальной ситуации не стоит выпускать воздух. Вдруг придется эвакуироваться.

Одеты прибывшие — в куртки на молниях, на головах шерстяные «рыбацкие» шапки, на ногах полусапоги.

При них рюкзачная экипировка. Взяв свою ношу, старший направился вверх по склону.

Кадр № 33

Дойдя до валуна-укрытия, сбросил груз с плеч.

Что прибыли те, кто заложили тут схрон, яснее ясного.

Скибину сверху картина виднее, и он готов действовать. Фельдфебель, обескураженный свежей воронкой, тянется инстинктивно за пистолетом. В цепком огляде — звериный страх!..

Кадр № 24

Чем и воспользовался русский лейтенант.

Словно из-под земли вырос перед прибывшим:

— Хенде хох!! Бросай оружие!

Бросить-то он бросил — чело-век с угрюмо-финской внешностью, — но засек, что направленный на него автомат — без магазина. И — ударом ноги попытался переиграть ситуацию.

Скибин не дал маху: и ствол отвел ударом ноги, и на пинок — пинком.

Вышло, правда, по касательной, да уж драться так драться!..

Кадр № 25

Линда в отчаянии! Видит, как всполошился второй «диверсант» — поняв, что наверху что-то неладно. Спешит на помощь.

Кадр № 26

Поздно!

Завладев «Вальтером», который выпал из рук фельдфебеля, Скибин не медлит ни секунды.

Гремят выстрелы. Финн находчив. Кинулся не вниз, к шлюпке, а напротив, вверх по склону! Знает ландшафт, чтобы укрыться в камнях, исчезнуть...

Свое на уме у подчиненного. Раз старшего след простыл, он брошен на произвол судьбы.

Прибыл морем — убыл морем. Страшась выстрелов сверху, в считанные мгновенья вставляет весла в уключины и сталкивает шлюпку в воду.

Но пуля царапнула-таки плечо!

Выронив пистолет, финн расстается и с курткой, чтобы ловчей действовать веслами.

Для него появление женщины, да в красноармейской гимнастерке, — шок. Вышло, что на острове — русские!..

Гребля — шанс выжить.

Но не мешкает, подобрав «Вальтер», и Линда.

Передернув затвор, жмет на спусковой крючок!..

Кадр № 27

У лейтенанта патроны кончились...

Но он продолжает преследование! Фельдфебель швыряет в него камнями из-за валунов, потом вко-нец исчезает из вида.

Куда-то ухнул, как в преисподнюю...

Кадр № 28

Девушка плохо обучена прицельной стрельбе.

Да и какая твердость руки после перебежек!

Шлюпка с финном-корректировщиком удаляется, хоть и просе-

дает в воде. Одна из пуль, видно, достигла цели.

С тонущей шлюпки, в расчете на спасательный пояс, диверсант бросается в море. Назад ему пути нет.

Линда опускает руку с «Вальтером», кусает от обиды губы...

«Ничего, — скажет ей потом Скибин. — Далеко он не уплывет. Если не подберут».

Кадр № 29

Сам он чуть раньше отыскал-таки каменное узилище, в котором исчез финн.

Распадок, сужаясь, образует желоб, покрытый льдом. Тут одно неловкое движение, и ты — инвалид, если не покойник.

Фельдфебелю как раз не повезло.

Когда лейтенант медленно, со всей предосторожностью, достиг конца ледяной «горки», увидел — бездыханное тело. Заваленный им же самым вызванным камнепадом, финн мертв...

Кадр № 30

Двое осматривали трофеи.

Оружие, рюкзаки — все принадлежит им.

Не мешкая, облачились в куртки, меченные финскими аббревиатурами.

Скибин присвистнул от радости, когда извлек из рюкзака запасную обойму — к «Вальтеру»!

К сожалению, единственную. Располагая двумя стволами, «робинзоны» разделили патроны поровну.

Кадр № 31

Потом островитяне подкрепили силы коньяком из фляжки с финской геральдикой и подогретыми на костре консервами. Хлеб в облатке из фольги тоже их добыча.

И девушка вспомнила:

— Правильно говорят, что в поединке с судьбой человек не бывает одинок: на помощь приходит случай.

— На двоих нам нужны два случая, Линда, — отвечивал лейтенант. — Очередь — за бревном!

— С парой весел? Амбициозный Иван!.. Где ты родился?

— В городе Ржеве.

— Не слышала о таком.

— Может, еще услышишь, приедешь... — Скибин изобразил тост без слов.

— К кому?

— Ко мне!

Линда почему-то не рассмеялась — смутилась.

Кадр № 32

Надпись на экране:

Краснознаменный балтийский флот и защитники города Таллина на суше нанесли врагу большой урон, отвлекая его силы от главной цели — Ленинграда. Однако возможности для дальнейшей обороны эстонской столицы в августе 1941 года были исчерпаны...

Кадр № 33

Непредсказуема балтийская погода!

Солнце садилось при ясном небе, а утром моросит дождь.

Двое в палатке приуныли.

Скибин удрученно надломил буханку:

— Хлеб у финнов дерьмовый — безвкусный.

— Немецкой выпечки, — откликнулась Линда. — Фольга с печатью вермахта. Но все же лучше сухаря, которым кормят русского солдата!

— Говори правильно, — насупился лейтенант. — В РККА нет «солдат»: есть красноармейцы и краснофлотцы.

— Хрен редьки не слаще, — в тон отозвалась девушка. Добавив потом: — Моя бабушка-лютеранка, а Мартин Лютер говорил: мир полон бесов. Во главе с князем тьмы. Приходится учитывать.

Взяв полную консервную банку, санитарка принялась чистить ее изнутри пеплом костра.

— Гадать, — бесам уступать. Моя бабушка знает толк в магии. Ее за маленький рост так и зовут — «маленькой доброй ведьмой». У вас гадают — в СССР?

— «У нас», Линда.

— У нас.

— В деревнях.

— О, фольварк — энциклопедия жизни! Историки ничего про жизнь не знают, фольварк знает

все. Народ не обведешь вокруг пальца... Хочешь, научу тебя гадать по пеплу?

— Разве Гитлер не обвел народ вокруг кукиша? — хмыкнул, не приняв предложения, Скибин.

— С помощью историков, Иван. Они сравнили Гитлера с Фридрихом Великим, с Бисмарком. Выходило, что фюрер ниспослан Германии! Так был сделан шаг — к обожествлению, шаг — в пропасть.

Линда продолжала колдовать с банкой, вращая ее над тлеющими углями.

Глянув затем внутрь, на осыпь пепла по стенкам жестяного сосуда, ободрилась:

— Судьба на нашей стороне! Духи обещают помощь.

— Значит, флот уже в море, — лейтенант был во власти своих дум. — Ты веди наблюдение, а я обойду остров с юга.

Кадр № 34

Надпись на экране:

26 августа 1941 года Ставка Главного командования РККА отдала приказ об эвакуации защитников города Таллина и прорыве Балтийского флота в Кронштадт.

Войска грузились на транспорты.

Кильватерную колонну флота возглавил крейсер «Киров».

Кадр № 35

Скибин осматривает местность в трофейный бинокль.

На южном склоне заметно больше шхер, бухточек. Гуще кустарник, но ни «бревен», ни хоть одного сгнившего, поваленного ветром, рассеченного молнией дерева нет.

И вдруг... лодка! Привязанная к лиственнице у кромки берега.

(Вот и не верь гаданиям...).

Скибин протер глаза от волнения: чья ни на есть посудина, он, военнослужащий, может конфисковать ее по законам войны.

Неподалеку шалаш. Верно, рыбацкий.

Лейтенант вынул «Вальтер» из куртки, но — тотчас убрал: пугать-то людей зачем?..

Кадр № 36

Каменный склон шуршит осыпью, на что шалаш реагирует. Вылез наружу парень. Плечистый увалень в крестьянских портах и в клетчатой рубаше. Скулы обузились, стоило «рыбаку» увидеть незнакомого человека.

Тот же приветливо обратился к нему:

– Здравствуй! Кто будешь?

– Патрак, – выдавил из себя эстонец.

– Кто?

– Их бин патрак.

– Батрак?

– Я! Я!..

Немецкое «да», – ибо в сознании местных чужаком становился отныне германец: русские ушли...

– Их бин русский офицер, – представился Скибин. – Моряк.

Краем глаза засек: из шалаша глянула женщина – с всклокоченной копной волос на голове.

Чем двое тут занимались, вопрос отпал: им не до улова...

Дождь прекратился, и Скибин поманил женщину к себе. «Патрак» же стоял столбом. Любовница старше годами и смелее. На шелковой кофте национальный орнамент, на ногах кожаные рабочие ботинки. Не жена ли хозяина, на которого батрачит увалень?..

Женщина приблизилась.

– Русский знаешь? – спросил ее Скибин.

Кивнула. Но и озадачилась – при виде куртки финского покроя.

– Я капитан судна. Его разбомбили немцы, – объяснил Скибин и указал на парня: – Переведи ему!

Продолжил, в расчете на перевод, ведя взглядом:

– Как вас зовут?

– Я – Эви, он – Энн, – не без заминки произнесла женщина.

– Легко запомнить, но и спутать легко! Я – Скибин. Лейтенант.

– Скиба? – переспросила эстонка.

– Скибин. Мне нужна лодка. С веслами. Со мной раненый матрос. Лодка на двух человек!

– Лодка для два человека?

– Да. Ты мне – лодку, – моряк обратился к батраку, – я тебе – нож. Классный нож, Энн!

Но сколь ни эффектно блеснуло лезвие, парень откуда-то из-за спины извлек финку. С пластмассовой наборной рукояткой.

– У матросов нет вопросов, – буркнул лейтенант.

Не пленили эстонца и часы – командирские, со звездой на циферблате. Зачем – если паучья свастика подмяла под себя полмира?

– Что, звезда не нравится? Знай сам и другим скажи: Красная Армия вернется, скоро вернется! Переведи! – приказал женщине.

Оставался «Вальтер».

Эта штука парню по сердцу! Но рука повисла в воздухе...

Дураков нет – читалось во взгляде Скибина. Вынув из рукоятки обойму – женщине:

– Объясни, что это аванс. Лодка здесь – «Вальтер» его. Завтра, на восходе солнца.

Парень, выслушав перевод, кивнул.

Скибин козырнул обоим, прощаясь. Эстонцы ответили поклонами.

Кадр № 37

– Линда, будет у нас лодка!!

– Ива-а-анн!

Санитарка повисла на командире – в порыве чувств!

Кадр № 38

Везение отметили коньяком из фляжки.

– Пусть лучшее, что было, не уйдет, – провозгласил Скибин, – а худшее не повторится!

– Даже наша встреча? – переспросила – глаза в глаза – девушка.

– Нет, Линда! Что-то мне говорит, что мы с тобой встретились не для того, чтобы расстаться.

– Да. Не для того.

Они смотрели, как любовались друг другом. Как зная и вспомнив теперь легенду – о двух половинках целого, которые долго блуждают среди звезд, чтобы, наконец, встретиться, соединиться. И солнце «играет» на небе в такой момент...

Первое не лирическое отступление

«Бог с нами, Бог управляет всем.»

Ибо Он и Создатель всего сущего». Люди зовут это промыслом Божиим, а оно есть не что иное, как Его повседневная забота о нас – принимающая вид стечения обстоятельств, случая. Отцу ли не заботиться о детях? Ему ли самоустраниться? Такое немислимо. Создавший все и управляет всем.

Кадр № 39

Линда смеялась, когда, пользуясь трофейным бритвенным прибором, Скибин стал бриться:

– Ты «Барбаросса», Иван! У тебя рыжая борода.

– Барбаросса? – фыркнул тот.

– В переводе с немецкого: «огненно-рыжая борода». Такая была у Фридриха. Первого из династии Штауфенов. Он был крестоносец, верующий человек. А Гитлер, обращаясь к солдатам, говорит: «Я освобождаю вас от химеры совести!» Вор у вора дубинку украл – когда безбожники делили Польшу.

– Не понял про вора, – отер щеку лейтенант. – Кто с кем делил? Начнем с альфы и омеги.

– Это невозможно: альфа есть – начало, омега – конец.

– Меня учили морскому делу, а не философии!

– Натюрлих! Когда Гитлер вступил в Польшу, Сталин не остался в стороне...

Скибин потупился, но ненадолго:

– Мы в Латвию, в Эстонию пришли не как захватчики...

– Как «освободители». От кого?

– От власти помещиков и капиталистов. Мы взяли под защиту белорусов, украинцев, живущих в Прибалтике!..

– Ты забыл – литовцев. Там ведь тоже бедные люди «томились под властью помещиков и капиталистов». Но по договору, подписанному Рибентропом и Молотовым, Литва вошла в «сферу интересов» Германии. Так это называлось. И одних «братьев-славян» освободили, а на других сделали закрытые глаза.

– Не забудь, что мы думали и о братьях на Дунае! Протянули руки бессарабам!

— Потом финнам, да?.. Ты порезался!.. Где политика, там кровь, и не будем о ней. Дай мне заняться твоей щекой!..

Кадр № 40

Ближе к вечеру двое коротали время за карманными шахматами.

— Ты разве не видишь угрозу шаха? — Линда указала на фигуры.

— Вижу, но прикроюсь «офицером».

— Эта фигура называется «слон». В Индии, где придумали шахматы, не было «офицеров».

— А ты можешь потерять туру.

— «Ладью». Ее защитит конь, — Линда сделала ход. — Тебе же грозит мат.

— Ты не даешь мне сосредоточиться! Каша в твоих мозгах хуже гурьевской, — Скибин отвлекся от игры. — Выходит, Сталин такой же агрессор, как и Гитлер! Но на Красную Армию смотрит теперь весь мир...

— Гитлер, Иван, это политический лунатик. Мой отец говорит о нем: «лунатик-головорез»... Ты его речи слышал: «Я решил...», «Я хочу...», «Я нападу...» Но уже в Древнем Риме существовал — сенат. Цезарь сделал попытку встать над ним — его убили. При Чингисхане, при Гоге и Магоге не было сената. Но человечество выросло культурно, научилось самоуправлению. И все — насмарку?! Лунатик ходит по крышам, по балконам — заглядывает в окна и решает: где, кого — зарезать прямо сейчас, не откладывая. «Я принял решение — напасть!..» — говорит, словно ему это разбить яйцо для яичницы. И «культурные» немцы, поджав хвосты, слушают, ликут: «Хайль! Хайль!» Но русский писатель Пешков «философствует» в том же духе!

— Горький? Алексей Максимович?

— Он тоже говорит: «Фабричная труба лучше колокольни церкви... Гуманизм изжил себя»... Ему вторит Ромен Роллан: «Гуманизм умер...» — Линда обхватила руками голову. — И это цвет мировой интеллигенции! Мы попали в наш век, Иванн, как в западню. Ока-

залось, что время ходит кругами, спиралями, петлями. Оно затянулось на нашем горле!..

Кадр № 41

Скибин забыл о шахматах:

— Давай упростим вопрос: почему вообще люди воюют?

— «Упростим...» Какой ты милый — добрый, хороший человек из никому неизвестного города Ржева. У войны столько причин, сколько у женщины поводов сомневаться: выходить ей замуж или нет. Война — это когда армия одной страны входит в другую страну. Согласен? Японская армия в тридцать первом году явочным порядком — вошла в Китай...

— В Маньчжурию, — поправил лейтенант.

— Потом в Китай. Протоколы Лиги наций не упоминают об этом! Германия в тридцать восьмом вошла в Австрию. Как Россия потом — в Финляндию... Может, ты когда-нибудь станешь историком? Тебе будет трудно понять: кто начал Вторую мировую войну? И Первую тоже! Знающие люди информировали моего отца: на одном из секретных совещаний фюрер был откровенен: «Война будет вестись не за победу национал-социализма и не против большевизма, хотя его следует уничтожить, а за господство в Европе». Только и всего. Сильный бей слабого! Историки напишут горы чепухи про «идейного борца» — с коммунизмом, с мировым еврейством. Гитлер «идейный борец»? Да он бандит с большой европейской дороги, которую сам называет «автобаном»...

Скибину было явно не по себе, что он медлит с ответом, но так и выходило — поддакнул.

Голос беженки из Германии пресекался от волнения.

— «Я должен торопиться, пока жив». С такими словами Гитлер обращается к народу, им же оболваненному... Ржев далеко от границы?

Скибин потемнел лицом:

— На что ты намекаешь? Я положу на стол комсомольский билет, если Гитлер дойдет до Смоленска.

Одно дело приграничные сражения на чужой для нас территории, а другое...

— «На чужой», — как эхом, отозвалась девушка, пряча в кончиках губ усмешку.

Второе не лирическое отступление

До Ржева немцы дошли. Взяли его и стали там — на несколько долгих лет войны.

Этот русский город не имеет статуса «города-героя», но лишь вследствие исторической несправедливости.

К примеру, немецкие историки Второй мировой называют Ржев «краеугольным камнем» восточного похода.

Камень для них или горчайшая глава Великой Отечественной для нас — есть нечто, не поддающееся объяснениям, но впрямь не имеющее аналогов в истории кровопролитных войн поздних эпох. Вершилось многомесячное, похожее на кровавый смерч, гуляющий по русской земле, действо!

Кому теперь только не ставят в вину ржевско-вяземскую неудачу Красной Армии! Сталину, Генеральному штабу во главе с Шапошниковым, главкому Западного направления Жукову, командующему Калининским фронтом Коневу... Все виноваты, и никто персонально не ответственен.

20 советских армий против 5—7 немецких — при каждом новом наступлении на Ржев с 42 по 43 год. И все напрасно, все прахом.

«По заснеженной Волге, — напишет об одном из таких бросков участник событий, — наши атаквали непрерывно, день ото дня, в светлое время коротких суток и ночью, бросая в бой все новые, все более крупные силы... Одна лобовая атака сменяла другую, танки тех и других шли на таран. И ломался лед, и стонала Волга, и кровь солдат заливала снег. И ужас застыл в глазах умирающих солдат, и черный дым от догорающих танков клубился над рекой».

Неправда, что в Ржев атакующие войска не вошли! Как в Севастополе, Сталинграде, Керчи, Новороссийске — бои кипели на ржевских окраинах, в самом городе шли рукопашные схватки...

Г.К. Жуков, Главком Северо-

Западного направления, пишет в мемуарах:

«Считаю, что нами в то время была допущена ошибка в оценке обстановки в районе Вязьмы. Мы переоценили возможности своих войск и недооценили противника. «Орешек» там оказался более крепким, чем мы предполагали...»

Теперь и у новых российских историков читаешь: немцы дрались с фанатизмом и невероятной энергией, отражая яростные атаки советских войск. «Армии просто истребляли друг друга».

(В. Шерстнев. «Командармы»).

Но понятное дело — советский боец, спасающий Родину от поработителей!

А вот — агрессор, немецкий солдат!

Его-то неистовый фанатизм чем объяснить?

Без зимней одежды, с застывающим в стволах ружейным маслом, с буксующими в грязи, в сугробах танками поддержки!

Да, фюрер обещал каждому поместье в России, да, они ощущали себя «юберменшами», «сверччеловеками», — как мы о них писали. Но с мыслью о поместье, о правильной форме арийского черепа, о верности фюреру захлебываться болотной жижей, идти на дно Волги, коченеть в сугробах?..

Сочтем ли мы ныне убедительными те пропагандистские клише?

«Смертельно усталые армии, обезумевшие в непрерывных боях, барахтались в бессмысленном самоуничтожении...»

Что-то тут с чем-то не сходится.

Найти ответ у поэтов — известных и безымянных? Когда-то сердцем они ближе к истине!..

«Я убит подо Ржевом,
В безымянном болоте,
В пятой роте на левом,
При жестоком налёте...
Фронт горел, не стихая,
Как на теле рубец.
Я убит и не знаю,
Наш ли Ржев наконец?...»

Александр Твардовский

«И я подо Ржевом убит,
В мёрзлую глину зарыт
В семнадцать ребяческих лет.
По директиве верховной убит
От марта двадцатого дня.
И мать не узнала того повеленья,
И мать не сыскала того погребенья.»

Лишь только к подножию старой берёзы
Несла ежедень свои слёзы.

О, Боже, за что же?»
(Солдатская память.)

Это — о мальчишках, которых брали в армию в Калининской области с 17 лет, о полках и дивизиях, стертых с лица земли...

«Директива» командования фронта от 20 марта 1942 года приказывала «перестать хныкать, оживить, ускорить темпы наступления!..»

Ржев не город-герой? Его не взяли, немцы сами ушли? Но помилуйте! Были сданы и Одесса, и Севастополь, и Новороссийск, и Керчь: лишь Тула устояла. В Сталинграде к зиме 42-го считанное число домов оказывало сопротивление, а город тянулся по правому берегу Волги на 60 километров...

Незабвенный Ржев, стань с полным на то правом в геройский ряд! Ты был осью Великой Отечественной войны в самые тяжкие ее моменты, самые, как мы ныне говорим, судьбоносные!

Сломайся ось, и крен отчаяния народного мог бы стать роковым, война покатила бы на восток, на восток — за Урал...

Кадр № 42

Панорама по морю, наблюдаемая через оптику с осями координат.

Линда не удержалась от возгласа:

— Красиво!

— С Балтийской эскадрой на горизонте будет еще красивей.

Скибину нравится НП на макушке острова, да и стереотруба — не бинокль.

— Финны, — говорит, — оптику тоже предпочитают немецкую!

— Швейцарские лучше, — откликнулась Линда. — Не был в Швейцарии?.. Меня ребенком туда возили... Почему люди сначала воюют, а потом ездят друг к другу в гости?

— И с этим разберемся, когда придем в Берлин. Я люблю путешествовать!.. А что твой фатер говорит о причинах войн?

— Считает, что оба утверждения справедливы, — Линда накрыла окуляры чехлом: — «Все течет, все меняется», и «ничего не меняется,

потому что течет из ниоткуда в никуда».

Кадр № 43

Они оставались на облюбованном наблюдательном пункте.

— Кончится война, приедешь ко мне в Эстонию? — спросила Линда.

— Почему же в Эстонию? Поведем «лунатика-головореза», и ты вернешься в свой Кенигсберг.

Кукольное личико девушки посуровело:

— Нет, Иван! Мне уже никогда не избавиться от кошмара воспоминаний... Хочешь, я расскажу тебе, что есть фашизм? Он горше войны, страшнее!.. Начинается, цум-байшпиль — для примера: с клочка бумаги. Ее приносит утром почтальон. Вручает с поклоном. Немцы говорят: вежливость есть масло, смазывающее колеса общественного механизма. Русские почтальоны вежливы?

— Да, но не слишком аккуратны.

— Ты расписался за повестку и должен явиться на пункт медицинской помощи. Но разве тебе требуется помощь? Ты здоров! Однако как армия, которая приходит туда, где ее не ждут, куда ее не приглашают, государство не спрашивает согласия граждан. На пункте помощи ты узнаешь — о пандемии. Где-то в Экваториальной Африке открылось — свиное бешенство. Ты даже понятия не имел, что негры едят свинину. Ну там бананы, орехи, думал ты. Еще более странно, что бешенство разнесли по миру — летающие рыбы. Падая на палубы пароходов... Мир, говорят тебе, бессилен перед пандемией: тысячи трупов. Но только не у нас, дайте вашу правую руку». Ты будешь протестовать?

— Н... не знаю. Я боюсь укулов!

— Укол — пустяк, хотя скоро ты почувствуешь слабость. Тебя однако предупредили: это пройдет! Как, впрочем, и сама человеческая жизнь — не правда ли?

— Я сказал бы, что сам приду, когда почувствую недомогание.

— Найн! — Линда сузила веки. — Тебе ответят, что тогда будет поздно, ты станешь ходячей

бациллой для других. Для поданных государства. Не уколешься — за решетку!

Понимая, к чему она клонит, Скибин накрыл ладонь рассказчицы своей ладонью:

— Ты о еврейских гетто, Линда? Я читал в газетах...

— Евреям Гитлер обещал рай на острове Мадагаскар. Это почти Экваториальная Африка — с ее свинарниками... Но не следует все сводить к «еврейскому вопросу». Генук — довольно! Ты мог бы получить другую повестку. Явиться на главный рынок, на «Спорт-палас» — в центре Берлина. Где тебе доведется встретить людей твоего круга. Кажется, они все тут, все до одного. Но нет! Кого-то из больших «полезных» людей оставят жить, а маленькие исчезнут. Как на войне исчезают маленькие страны... Тебе это станет ясно позже: ты вне жизни.

— Судьба коммунистов в Германии?

— Коммунистам предоставили выбор. Назвать Гитлера мессией, сдать повестки и вернуться домой. Или — промолчать и поехать в концлагерь. Тех, которые вернулись домой, было больше, Иван, — много больше!.. Потому что «выбор без выбора» — это и есть фашизм... Почему он страшной войны? Мой фатер прав. Он был в мясорубке под Верденом. На войне человек оказывается лицом к лицу со своей судьбой. Она решает, быть или не быть ему в живых. А повестка не дает шанса! Государство выше судьбы. Это его преступление перед Богом, но факт. Кто ничего не оставил человеку, тот именно ответит когда-то за все. Я не права?

— Ты ссылаешься на отца, — обронил лейтенант. — И сама же себе противоречишь: выходит, честные историки все же могут и понять, и объяснить мир, когда им не затыкают рот.

Третье не лирическое отступление

Оглядываясь на прошлое, много ли мы, свободные до поры среди свободных, знаем сегодня — о

фашизме?

Все или почти все?

Зоркости, бдительности, к которой призывал Юлиус Фучик, нам явно недостает.

Формы деспотии мимикрируют, как все сущее — цепкое, гибкое, верткое, приспособляющееся к условиям выживания.

Фашизм, власть сильных над слабыми, не исключение!

При том что он умеет маскироваться! Не гаркнет вороной: «Вот он я!» Почтальон принесет бумажку, из которой вы узнаете, что ваш дом, сад, огород вам... не принадлежат. Когда-то, где-то вы не зарегистрировали недвижимость, вы ее «зевнули».

Вы — в поссовет.

Но где он?! Ликвидирован — под предлогом борьбы с чиновничеством. Их-то и было два человека — с ворохом забот и бумаг. Но оба упразднены, уволены, вы «зевнули» и статейку в газете, набранную мелким шрифтом: «Зачем нам поссовет?» Подпись: «Житель поселка». (Которого не сыщешь днем с огнем).

Вы — в суд.

Тщетно! Судебные издержки лишь облегчат ваш кошелек. Криминальный паук — мастер паутины.

Опять же было сообщено — вы плохо читаете газеты, — что неподкупный судья, которым славился город, найден мертвым в своей квартире — с контрольным выстрелом в голову...

Вас для начала сживут с ваших соток, выселят из дома или сожгут его — прием отработанный.

Так закрываются заводы — с помощью «групп захвата», новых коричневорубашечников, оплаченных новыми владельцами. Так гибнут малые предприятия, малые фирмы — как маленькие государства, исчезающие в больших войнах.

Увлечись газетами, вы хватаетесь за голову (но — поздно! поздно!), читая про частные охранные структуры. Имеющие прав не меньше, а где и больше, чем милиция. Да ведь и та — криминализована.

Вас окончательно добьет ЖКХ, взвинчивая тарифы. Неплательщиков, объявленных бомжами, свезут со временем на стадион, в цирк! А те же убийцы-скинхеды останутся на свободе и еще покажут вам язык с телеэкрана: лох оставайся лохом.

Кончится тем, что вам вручат

новую бумажку — с именем кандидата. Идущего во власть на новых выборах. И самое невероятное, что вы за него проголосуете!

Ибо есть такое метафизическое понятие, как ход вещей. Не путать — с сутью. Таким вот «естественным ходом вещей» все фюреры всех времен приходят к неограниченной власти.

«Люди, я любил вас! Будьте бдительны!»

(«Репортаж с петлей на шее»)

Кадр № 44

Две лодки, одна на буксире у другой, идут к острову.

В стереотрубу Скибин узнает верзилу-батрака, сидящего на весах.

Кадр № 45

Лодочник, утирая потный лоб, стоит перед лейтенантом. Волнуется. Не обманет ли офицер?

Не обманул — расстался со своим «Вальтером». Еще и руку на прощанье пожал: мол, так, по-мужски, поступай, если дал слово.

Кадр № 46

Лодка огибает остров.

Скибин, взмахивая веслами, не жалеет сил...

...Линда, стоя у стереотрубы, приветствует командира поднятым кулаком: рот-фронт!

Кадр № 47

Но гребки замедляются, весла льнут к бортам!

В небе — самолеты.

Все те же ненавистные «Ю-88!» Сопровождаемые «мессершмиттами».

Явно сторожат русскую Балтийскую эскадру. Она не близко: скорость походного ордера устанавливается по самому тихоходному судну.

И «юнкерсы», взлетевшие с финских аэродромов, держат курс на запад.

Кадр № 48

Вот и краснозвездные «ястребки», как называли их тогда в сводках Информбюро!

«И-16», «Як-1» против «Ю-88» и «Ме-109».

Завязывается воздушный бой.

Кадр № 49

Потери с обеих сторон. Падающий самолет — фонтан брызг: бутоны парашютов редки. Пилот убит или ранен, когда и не успевает выпрыгнуть из объятай пламенем машины...

Тем обидней, что один из фашистов выпрыгнул из горящего «мессера».

Русские не расстреливали парашютистов — ни в воздухе, ни на земле.

Немец, натягивая стропы, тянет к острову.

Кадр № 50

Линда в смятении. Гаснущий шелк зацепился за макушку сосны. Повисшему над скалой парашютисту не дотянуться до ствола, до ветвей. Дергается, как кукла на ниточках кукловода. Обрезать стропы недолго, но высота значительна, внизу камни.

Как бы там ни было, это враг, и санитарке ничего не остается, как предупредить события. Она крутым зигзагом меж валунами спешит занять позицию.

Но и парашютист не бездействует. Выстрел его из браунинга не прицельный, предупредительный: дал знать, что он не безоружный мешок с костями...

Пуля же цокнула рикошетом так близко, что девушка испугалась. Выстрелила вверх из «Вальтера»...

И на тебе: пуля — в цель!

Тело пилота обмякло, подбородок ткнулся в грудь...

Кадр № 51

— Иван! Я убила человека!..

Санитарку трясло, когда она подбежала к Скибину. Он был занят тем, что заводил лодку в «чрево» рыбацкого бота. Мало ли кто еще наведается на остров!..

Санитарку утешил:

— Правильно сделала: фашисты не люди.

— Он первый в меня выстрелил!

— Это ему за то, что сшиб нашу «чайку», — Скибин глянул в небо, которое уже очистилось от самолетов. — Сукин сын!..

Кадр № 52

Вечером снова зарядил дождь.

Линду трясло, знобило. Не помогал и коньяк.

Скибин был рядом — в палатке, усталой еловым лапником.

— Обними меня — попросила девушка. — Мне холодно.

— Глотни еще, — советовал лейтенант, держа в руке фляжку.

— Там твой глоток, Ваня!

— Я дарю его тебе, Ли!

Двое плотнее сомкнулись на бивачном ложе.

— «Ли»? — выгнула бровь девушка. — «Ли-два» — это «Дуглас», самолет?..

— Ну, тогда «Лю»...

— Странно! Во время войны все ассоциируется с ней: люк, любовь ценой...

— Но не Любовь, — мотнул головой лейтенант. — И давай забудем о самолете, стрельбе, броне. Глаза твои, Ли, прострелили мое сердце навывлет! — Он скупой, по-мужски улыбнулся.

— А твои — мое!..

Она хотела что-то добавить, он мог бы, наверное, тоже, — но власти поцелуя не было сил противостоять.

Кадр № 53

Они лежали, обнявшись, забыв обо всем на свете! Звезды за пологом палатки светили ярче плавучих маяков...

— Мне иногда кажется, — шепотом произнесла женщина, — что наша Вселенная не единственная в космосе! У тебя нет такого чувства?

— Мне хватает и одной.

— Есть ее подобия, отражения. Как листы под копиркой... на пишущей машинке. Не копии, что было бы скучно! Там, в зазеркалье, лучше, чем у нас! Так же, но лучше.

— Выходит, мы существуем и здесь и там?

— У тебя философский склад ума! Мы уподоблены, задублированы, как все земное...

— И войны тоже?

— Нет! — Линда приподнялась на локте. — Люди воюют, потому что они — несчастны. Понимаешь?.. Гитлер хотел быть художником, но его не приняли в

академию, Сталин учился на священника, но его исключили из семинарии... Война — зло, творимое злыми, обиженными на мир людьми... Счастливые не воюют: зачем?! Им нечего делить...

— Тсс!! — Скибин приложил палец к губам.

Он первый услышал шорох!

Кто-то тяжело брел или даже полз к гроту.

Кадр № 54

В руке у лейтенанта — нож.

Зверя не тронь, он сам уйдет от людей.

Но из приоткрытого в ночь ударил — электрический свет!

Луч карманного фонаря!!

Приказ «не двигаться», произнесенный на чужом, жестком языке, не требовал перевода.

«Летчик! Летчик-парашютист!» — мелькнуло в сознании островитян. Всяк бы догадался на их месте: слез с сосны, прыгнул вниз. Убитым, когда прозвучал выстрел, — притворился...

— Штиль, ни хт штиммрехт!

Луч высветил на куртках лежащих аббревиатуры.

— Зи ист финн?

— Я! — «подтвердила» по-немецки Линда.

— Фрау?

— Фрейлин. Их бин доктор.

В руке летчика был браунинг: Линде не пришло тогда на ум, когда немец повис «убитым», что оружие должно было выпасть из его руки.

— Шпрехен зи дойч? — спросил незванный гость, целясь лучом в мужчину.

Скибин мотнул отрицательно головой.

— Найн, — подтвердила Линда.

— Вер ист шютце?

Санитарка дала ответ с нарочито плаксивой ноткой в голосе, взывающей к состраданию.

Но у летуна свои проблемы: ногу он подвернул, если не сломал. И вышло, что с докторшей-финкой ему крупно повезло.

Та попросила не светить в лица «союзников», и немец, не расставаясь с оружием, подчинился...

Кадр № 55

Нож рассек штанину летного комбинезона.

Скибин лежал недвижно, сочтя за лучшее не вмешиваться в действия медсестры.

Немец с мученическим выражением на лице назвался: лейтенант люфтваффе Иоганн Вайс.

Ткнув браунинг за поясной ремень, он извлек из внутреннего кармана комбинезона портсигар. Предложил «финну», успевшему принять сидячее положение. Через Линду — справился, есть ли у того спички, зажигалка?

На внутренней стороне крышки портсигара был выгравирован морской якорь.

— Вас ист дас? — подал наконец голос «финн».

Линда, переведя фразу-ухмылку «гостя», пояснила: мечтал стать моряком, но стал летчиком.

Мужчины, обменявшись солидарными взглядами, закурили.

Кадр № 56

Краснознаменный Балтийский флот покидает Таллиннский рейд.

Десятки вымпелов полощутся на ветру.

Транспортные суда — в составе ордера.

Кадр № 57

Рассветная полоска, бледна, но чистое небо обещает погожий день.

Немец светил, не жалея батарейки, Линда осматривает ногу. Стоило ей посильней надавить на кость, — перелом? ушиб? — как фонарик выпал из руки светившего.

От боли летчик запрокинулся на спину!

Скибин мог бы и раньше завладеть браунингом, но — сдержался. Нового однако искушения не снес: обезоружил люфтваффовца.

Кадр № 58

Двое вышли из грота.

— Раны у него нет, — шепотом говорила Линда. — Он притворился убитым — на сосне: хитрец!.. Но и я ему продула уши: в вас, говорю, стрелял русский диверсант. Которого ты позже отправил к праотцам...

— Умница.

— Мы с тобой «корректировщики огня». А ему нужна шина для ноги: перелом! Две доски или палки...

— Найду. Скажи, на острове прячется второй русский, а в моем «Вальтере» кончились патроны.

— Поверит?

— Куда ему деться?!

Кадр № 59

С лица летчика ручьем стекал пот. Придя в себя, он оценивал ситуацию заново...

Линда, действуя ножом, готовила жгуты для шины.

Скибин принес, что искал, но, сунувшись в палатку, отвел полу куртки и неосторожно — обнажил брючный ремень.

От глаз немца не укрылась пряжка — с тиснутым на ней якорем и пятиконечной звездой!

Он потянулся незаметным движением к поясу, но — тотчас понял, что оружие «на той стороне»...

Кадр № 60

Линда — Скибину, выйдя из палатки:

— Просит вернуть браунинг!

— Тяни время! Я работаю «с рацией».

Жестом указал на НП, на замаскированную ветками стереотрубу.

Кадр № 61

Глянув позже в окуляры, лейтенант восторженно замер: ЭСКАД-РА!!!

Вымпелы еще за горизонтом, но время терять нельзя.

Кадр № 62

— Линда, корабли!! — крикнул теперь уже громко, по-русски, лейтенант. — Скажи немцу, что в обмен на браунинг мы оставляем ему рацию. Даровым бывает только сыр в мышеловке!

Вынув из рюкзака передатчик, моряк сунул его внутрь, в палатку.

— Он умеет?.. — пробормотала вопросительно Линда.

— Обращение с рацией входит в курс летной подготовки. Вызовет своих, и они пришлют за ним гидроплан. Уходим! — Козырнул на

прощание летчику: — Ауфвидерзееен!

Тот откликнулся фразой по-немецки.

— Что он? — вырвалось у Скибина.

— «Здоровье геноссе Сталина»! — сказал.

— Данке, но на мою взаимность к фюреру пусть не рассчитывает. Терпеть не могу лунатиков-головорезов!

Линде оставалось спешно обласкаться в спасательный жилет...

Кадр № 63

Корабли в виду!

Ордер — в сопровождении эсминцев.

Воздушное прикрытие отсутствует — до поры...

Кадр № 64

Двое отчалили от берега, держа курс в открытое море.

Шлюпку или моторку спустить на воду нетрудно, но лишь бы их заметили.

— Нас видят!! — возликовала, привстав, девушка. Руки ее взметнулись вверх.

Эсmineц сигналил фонарем.

Скибин, не оглядываясь, греб.

Кадр № 65

Торопился: усвоил поневоле за истекшие сутки — «точка на карте» в условиях войны всегда горячая.

Вот и они — меченные черными крестами бомбовозы и штурмовики. Последних русские прозвали «лаптежниками» — за неубирающиеся, в обтекателях, шасси. Бомб этот самолет нес мало, но был устойчив в пикировании, и смертоносный его груз редко летел мимо цели.

Моторка, спущенная с эсминца, шла ходко. Но море уже дыбилось водяными столбами! Бомбы, пулеметные очереди...

Корабельные зенитные установки не слишком эффективны...

Кадр № 66

И Скибин кричит Линде, видя заходящий на них штурмовик:

— За борт!! В стороны!

Это единственный шанс к спасению — снаряд «лаптежника» разносит лодку в щепы.

Кадр № 67

Линда держится на воде лишь благодаря спасжилету. Наглотавшись воды, рада ухватиться за соломинку, чтобы справиться с кашлем.

Но вместо соломинки... МИНА!
— Отплывай! — не трогай ее! — инстинктивно вскрикивает лейтенант.

Кадр № 68

Но что это?!

Шар под ливнем свинца, выпущенного из пулеметов «лаптежника», запрыгал на воде большим поплавком: детонаторы, брызнули по сторонам... щепками!

Кадр № 69

Линда обомлела от счастья. На корпусе мины, ниже ватерлинии, читалось слово: «УЧЕБНАЯ».

Подгрести, повиснуть на расщепленных «детонаторах» было делом минуты...

В небе появились красноезвездные «ястребки».

На их фюзеляжах якоря, обведенные красным кругом: морская ПВО.

Не приняв боя, немцы жмутся к финскому берегу.

Кадр № 70

Двое лежали на дне моторки, казалось бы, бездыханно.

Но забарахлил мотор, оборвался звук, и Линда повернулась лицом к Скибину — открыл глаза.

— Бог есть, Иван... — пробормотала чуть слышно.

— Есть, — откликнулся лейтенант. — И, может, наш мир из самых лучших у него, Ли?..

— Как знать?..

Мотор кашлянул и завелся.

На борту эсминца, который вырос в размерах, над порядковым номером виднелось имя корабля: «ВЕРНЫЙ».

ВРАСКАЯ Надежда Степановна, докт. философии.

Венгеров. Источ.

ВРЕВСКАЯ баронесса Анастасия Сергеевна (урожд. Ланская), авт. воспоминаний.

Жена бар. П.Вревского, убитого под Севастополем в 1855 году. Ее «Воспоминания» в «Рус. Архиве». 1871, № 1.

Венгеров. Сл.; Источ.

ВРОНСКАЯ Алисия Францевна (псевд.; наст. фам. Янушкевич; 1897 — 1992), авт. воспоминаний.

Балерина. С 1917 г. — в эмиграции. «Почему я захотела танцевать?»: Воспоминания Алисии Вронской, б. балерины Мариинск. театра // Русская мысль. 1990. 5, 12 окт; 19 окт. (1900-е гг. — 1930. Семья автора. Уроки музыки. Экзамены в СПб. консерватории. Поступление в СПб. театральное училище (1906). Окончание училища и поступление в Мариинский театр (1914). Отъезд автора с матерью за границу в связи со смертью брата автора (1917). Работа в парижском театре Опера Комик. Участие в труппе А.П.Павловой. Организация собственной труппы «Балет Алисии Вронской» -- портр. РРЭВД. 3.

ВРУБЕЛЬ Анна Александровна (1855 — 1929), авт. воспоминаний.

Педагог, сестра художника М.А.Врубеля. Ее «Воспоминания» в кн. «Врубель». Изд. 2-е. Л., 1976. С.145-154.

ИДРДВ. Т.3. Ч.3. № 6053.

ВСЕВОЛОДСКАЯ О. В. (псевд.; наст. имя Фридерикс Ольга Владимировна), переводчица, беллетристка.

Сотр. газ. «Нижегородский Листок» (1890-1900) — О.В.; авт. кн. «Рассказы». Изд. в пользу Нижегород. народ. театра. Н-Новгород., 1901. Авт. сб. пов. и рассказ. «Помощь переселенцам» (Тобольск, 1894). Пер. драму О.Фелье «Загадочная женщина (Сфинкс)» М., 1900; «Маленький лорд» СПб., 1900.

Масанов; Венгеров. Источ.; Здобнов.

ВСЕВОЛОЖСКАЯ Анна Сергеевна (См. Голицына, А.С.)

ВУЛИХ Г.

Вместе с Е.Гордон (см) пер. кн. И.Блоха «Половая жизнь нашего времени и ее отношение к современной культуре». СПб., 1911.

ВУЛЬФ Павла Леонтьевна (1878 — 1961), авт. воспоминаний.

Актриса. «В старом и новом те-

атре: Воспоминания». М., 1962.; выдержки из ее воспоминаний в кн. «Современники о Комиссаржевской». В кн. «О Комиссаржевской». М., 1965. С.179-274.

ИДРДВ. Т.4. Ч.4. № 7718, 8041. Личн. арх. фонды. 3.

ВУЛЬФСОН Э.С.

Пер. с англ. кн. Г.О.Арнольда-Форстера «Гражданин и Отечество». М., 1907 (Рец.: «Вестн. Воспит.», 1908, № 6); авт. кн. «Персы в прошлом и настоящем». М., 1909; «Черногория и черногорцы». М., 1909; «Эсты, их жизнь и нравы». М., 1908; «Как живут сарты». М., 1908; «Босния и Герцоговина». М., 1910.

ВУРГАФТ Елизавета Давыдовна (1875 — ?), переводчица.

Врач. Пер. кн. Анри Купяна «Причудливые животные». Изд. А.Ф.Маркса. СПб., 1904.

Венгеров, Источ.

ВЫГОДСКАЯ Анна Павловна, авт. воспоминаний.

В эмиграции жила в Латвии. «История одной жизни. Воспоминания». Рига, 1938 (1870 — конец XIX в. Детство в г. Бобруйске Минской губ. и в г. Закрошима Варшавской губ. Учение в общей народной школе Закрошима, затем в частно пансионе писателя А.Паперны в Плоцке. Юность и гимназич. Годы Вильны (1880-1885). Физико-математич. факультет Высших женских (Бестужевских) курсов. Возвращение в Вильну. Обучение переплетному делу) — портр.

Книга рус. зарубежья; ЛЗР; РРЭВД. 3.

ВЫГОДСКАЯ Эмма Иосифовна (1899 — 1949), писательница, переводчица.

Род. в Гомеле в семье врача. После гимназии училась на историко-филологич. фак-те Московск. ун-та. Работу в лит. начала как переводчица. Пер. ром англ. писателя Р.Тресолна «Филантропы в рваных штанах» (1924), потом пер. книги Э.Синклера, Вайяна Кутюрье, Анри Барбюса и др. Сотр. в дет. журн. «Чиж», «Костер». Авт. прикл. книг для детей, основанных на докум. материале: «Приключения Марка Твена» (1930); «История Эдварда Деккера» (1936), «Опасный беглец» (1948). Авт. пов. о Сервантесе и голландском литераторе Мультиатули.

КЛЭ; Дет. писатели; Пенза литературная.

ВЫДРИНА А.

Авт. кн. «К крестьянскому вопросу в Ирландии». М., 1910.

(Продолжение на стр. 69)

Лукас Кларк меняет профессию

Бегвиз терял силы. Еще пару часов назад он со свирепой радостью срывал крыши с домов и как спички ломал толстые стволы деревьев. Теперь же у него хватало пороха лишь на ветви да на легкие прибрежные жилища-временки. О том, чтобы всерьез попытаться взять приступом противостормовые комплексы, уже не могло быть и речи. Он мог только злобно и тоскливо завывать, подобно бездомной собаке, и бессильно разбиваться о могучие стены.

Погода на Земле портилась год от года, и в сезон ураганов Филиппины, равно как и многие другие тропические регионы, превращались в крошечный ад. Многие постройки уже не выдерживали натиска взбесившейся атмосферы. Количество жертв все росло, пока американские инженеры не предложили идею противостормовых комплексов, чьи стены и даже окна были не по зубам любому тропическому циклону, а, кроме того, были сейсмоустойчивыми. Естественно, поначалу ими оснастили Гавайи и страны Карибского бассейна, но несколько лет назад такие убежища появились и на Филиппинах. Местные представители обеспеченного класса могли себе позволить превратить собственные дома в подобные мини-комплексы. Суперсовременные отели экстра-класса также были построены по спецтехнологии. Однако большинству простых смертных, как местных, так и приезжих, подобная роскошь была недоступна, и они вынуждены были спасаться от бегвизов в общественных укрытиях.

В одном из таких строений у окна из толстого бронестекла сидел Лукас Кларк и наблюдал за медленно угасающим буйством стихии. Эта командировка на Филиппины должна стать для него последней в «Аветус корпорейшн». Наконец-то у него появились деньги на «Предназначение», и будь он проклят, если задержится в этой компании хоть один лишний день!

Все, хватит! Лукас более чем достаточно времени потратил на нелюбимую работу торгового представителя. И «нелюбимую» — это еще мягко сказано. Порой он свою работу просто ненавидел. «Торговый представитель» звучит красиво, но на самом деле... Постоянно пресмыкаться перед VIP клиентами, чтобы те, ни дай бог, не перешли к конкурентам, всячески их убажывать и непрерывно льстить. От такого количества патоки, которое ему приходилось им скармливать, у любого мог бы развиться сахарный диабет. А Вонг Тои, с его капризами и мерзким характером, стал для Лукаса подлинным кошмаром. Нет, больше этого не будет. Торну Аветусу придется искать другой язык для вылизывания клиентских задниц, потому что он, Лукас, уходит. Разумеется, планы свои он держал в тайне от руководства компании — им ни к чему было знать, что они в любой момент могут его лишиться — с Торна Аветуса станется доставить ему массу неприятностей. И не из вредности. Глава компании — деловой человек. Лукас, как торговый представитель, вполне устраивает Аветуса, так что если он сможет оттянуть его уход, сделает это без колебаний. Но он ничего не узнает до тех пор, пока на его стол не ляжет заявление об уходе.

Осталось только понять, куда. Чем он должен заниматься в жизни. Пока ему не было это известно, но Кларк был уверен, что его истинное призвание лежит далеко от сферы деятельности «Аветус корпорейшн». И ответ на этот вопрос он получит весьма скоро — как только сделает свой взнос в «Предназначение». Цены у них, конечно — ого-го, но результат все окупит. В «Предназначении» никогда не ошибаются. Вспомнить хотя бы Джефру Андерсон. Кем она была? Заурядной секретаршей. Одному Богу известно, где она взяла деньги на взнос. Но это и неважно. Важно то, что в «Предназначении» нашли в ней задатки гениального психолога. Прошло два года — и у нее уже обширная практика, и готовится к изданию первая книга, кажет-

Дмитрий Владимирович Лазарев родился в Свердловске в 1976 году. Получил высшее техническое образование (механико-машиностроительный факультет УПИ). Работает на заводе «Промавтоматика» начальником конструкторского отдела. С сентября 2004 года является членом КЛФ «Радиант». Первая публикация в ноябре 2005 г. В ноябре 2006 года повесть «Жара» была опубликована в журнале «Уральский следопыт». Романы «Ледяная смерть», «Нашествие» и «Возрождение» вышли в серии «Фантастический боевик» издательства «Альфа книга».

ся, о проблемах семьи и брака. Теперь она счастлива, как никогда. Не чудо ли? И ведь подобных примеров множество.

Лукас понятия не имел, как они там, в «Предназначении», добиваются таких результатов, но ему было все равно, потому что это работало. Если бы каждый с самого начала знал, чем ему должно заниматься, насколько лучше была бы жизнь! Все проблемы человечества оттого, что большая его часть, сама того не зная, занимается не своим делом, и поэтому не достигают тех результатов, которых могли бы достичь. Все ошибки, иногда приводящие к катастрофам, идут из-за того, что люди работают просто в том месте, которое подвернулось, или кто-то посоветовал, или... Да мало ли способов свернуть на чужую дорогу? А вот найти СВОЮ...

Природа не ошибается. На свет появляются люди с определенными задатками, и они должны их реализовывать. А иначе корабль под названием «Человечество» далеко не уплывет. Весь прогресс идет от тех, кто нашел свое призвание. Но таких меньшинство. В противном случае цивилизация достигла бы уже невысказанных высот. И люди были бы счастливы, ибо по-настоящему счастлив может быть лишь тот, кто идет своей дорогой.

Эта проблема стояла всегда, и, как полагали, решения для нее не будет. Ошибались. Двадцать лет назад, откуда ни возьмись, появилось «Предназначение». Спасение для человечества? Если бы! Их услуги баснословно дороги и по карману лишь немногим. Вся жизнь копить на взнос, чтобы накануне смерти узнать, что прожил свои годы зря? Увольте! Деньги... Проклятые деньги! Вновь, как и всегда, они решали все... Многие души готовы были заложить, лишь бы накопить на взнос, но только ни в один ломбард подобный товар не примут.

У Лукаса Кларка была мечта — узнать свое призвание, пока еще есть время что-нибудь изменить в своей жизни. Двадцать лет он посвятил реализации этой мечты — пахал, унижался, сидел на работе ночами, только бы УЗНАТЬ. И вот — свершилось. И ведь в сорок лет еще не поздно все поменять. Нет, не поздно. Как только он получит комиссионные за эту сделку с Вонгом, сразу же сделает взнос в Нью-Йоркском офисе «Предназначения». Сделает и не пожалеет о потраченном полумиллионе — это плата за свободу, за счастье. Только дождаться, пока уляжется этот проклятый бегвиз, и — вперед, навстречу новой жизни.

Конец его размышлениям положило неожиданное происшествие — внезапный яростный порыв агонизирующего бегвиза подхватил кусок кровельного железа и швырнул его прямо в окно, у которого стоял Кларк. Бронестекло выдержало, но Лукас непроизвольно отскочил и витиевато выругался. Сзади кто-то хихикнул. Кларк обернулся.

— Простите, — на чистом английском произнес невысокий мужчина европейской внешности. — Услышал родную речь и не удержался. — Он протянул руку. — Шон Локвуд из Бостона.

Лукас ответил на рукопожатие и представился.

— Может, выпьем, земляк? — предложил новый знакомый и подмигнул. — Я знаю, где здесь бар. Все равно делать нечего.

* * *

— А ты уверен, что хочешь это знать? — чуть заплетаясь языком поинтересовался Локвуд.

— Что?

— Ну это... свое призвание?

— Смеешься? — Кларк удивленно воззрился на своего собутыльника. — Конечно, хочу! Я ж тебе рассказывал, как меня работа достала. Хочу делать то, для чего рожден.

— А ты уверен, что тебе это понравится?

— То есть?

Локвуд пощелкал у него перед носом пальцами:

— Лукас, не тормози! Включи мозг! Вот прикинь: ты сам недавно говорил, что природа не ошибается. Выживание человечества все диктует. Думаешь, многим дано стать разными там артистами, художниками, учеными? Или, скажем, банкирами, космонавтами, спортсменами... Список этих интересных или престижных профессий можно продолжать долго. Все мы в детстве мечтали стать кем-то особенным. Но не всем же быть такими! Кто-то должен и тачку возить.

— И ты думаешь, этот кто-то — я?

— А почему бы, собственно, и нет? Простая теория вероятности. На одного хорошего писателя приходится несколько тысяч дворников. Или вот представь, вскрываешь ты этот конверт из «Предназначения», а там — «Поздравляем — в вас сокрыт талант великого слесаря-сантехника!» Как тебе такой расклад? Особенно за полмиллиона баксов?

Лукаса передернуло, и он залпом опрокинул в себя очередную стопку виски.

— Умеешь ты испортить настроение!

— Эх, ты — «испортить настроение!» Я тебя хочу от ошибки удержать. И деньги сэкономить.

Кларк недобро зыркнул на него.

— Нет, ты хочешь украсть мою мечту! А если не украсть, то обгадить! Ты просто завидуешь!

— Дурак ты! — беззлобно ответил Локвуд, тоже прикладываясь к стопке. — Лучше подумай, что ты будешь делать, если случится так, как я говорю?

Лукас ненадолго задумался.

— Тогда и решу. Главное — УЗНАТЬ, а там... — Он махнул рукой. — Короче, я рискну. Кто не рискует, тот не пьет шампанское!

— Ненавижу шампанское, — буркнул Локвуд, наливая себе из бутылки. — Вот виски — это да!

* * *

Лукас Кларк сидел в своей квартире на Лексингтон-авеню и смотрел на конверт, который лежал на журнальном столике. Смотрел с опаской, словно там мог быть паук «черная вдова» или порошок сибирской язвы. Хотя чего уж теперь? Он перешел свой Рубикон десять дней назад, когда перевел пятьсот тысяч на счет компании «Предназначение». А вот сейчас не

мог заставить себя взять конверт и распечатать его, словно каждая из его рук стала вдруг весить по две тонны.

Его пальцы осторожно коснулись гладкой бумаги конверта и тут же отдернулись, словно от ожога. То, что находится внутри, может навсегда перевернуть его жизнь. «Нет, не может, — внезапно понял он с ошеломляющей четкостью, — а наверняка перевернет». От этой мысли страх стал сильнее. За ней следом пришла другая: «А так ли уж плоха моя нынешняя стабильность? Зачем все разрушать? Зачем шагать в пропасть с надежной скалы? Ведь меня никто с нее не гонит».

«Не гонит, это верно, — тут же ответил он себе. — Но уверен ли ты, что это — скала, а не болото, которое с каждым годом затягивает все сильнее? И ведь с каждым годом все меньше шансов вырваться из него. Вот в этом конверте лежит такой шанс. Мечта, оплаченная очень большими деньгами. Так что нет смысла сейчас поворачивать назад. К тому же там — лишь информация, а что с ней делать, решать тебе и только тебе. Никто не заставляет тебя ломать свою жизнь, если то, что внутри, отличается от твоих ожиданий. Но ты, по крайней мере, теперь будешь ЗНАТЬ и сможешь принять решение с открытыми глазами. А мало кто в этой жизни может делать выбор на таких благоприятных условиях — имея полную информацию. Пользуйся!»

Аргументы были железными и сломили сопротивление его консервативного и трусливого «Я». Глубоко вдохнув, словно собираясь нырять, Лукас Кларк взял со столика конверт и поспешно вскрыл его, боясь, что пару секунд спустя решимость может его покинуть. Сложенный листок бумаги содержал текст внутри, так что еще несколько мгновений неведения у него оставалось. Неведения и шансов закрыть глаза и вернуться в болото. Но решение было уже принято, и Кларк намеревался довести все до конца.

«Что там может быть такого? — уговаривал он себя, в то время как непослушные пальцы разворачивали сложенный вчетверо лист бумаги. — Все будет нормально. Нет, даже лучше — все будет просто отлич...»

Он осекся на середине этого мысленного заклинания, успокоительной мантры, потому что глаза, наконец, добрались до информации, содержащейся на листке. А после этого он мог лишь стоять и хватать воздух ртом, словно рыба, выброшенная на берег. Ни на что другое сил уже не было. Лицо Кларка медленно заливала восковая бледность. ТАКОГО он не ожидал и понятия не имел, что теперь с этим делать.

* * *

Два года спустя.

Малкольм Беренджер пребывал на седьмом небе. Отец был прав — судьбы мира и величайшие сделки вершатся не в высоких кабинетах, а на таких вот фуршетах в очень узком кругу за бокалом шампанского. Он не мог удержаться, и, пока шел к лифтам под руку с супругой и в сопровождении охранников, лицо его расплывалось в широкой улыбке. Дело сделано — он

подошел к вершинам власти так близко, как никогда не удавалось отцу. Тот мог бы гордиться сыном. Осталось сделать лишь один шаг.

— Ты был великолепен, дорогой, — произнесла Присцилла, прижимаясь к нему.

— Я знаю, — Малкольм снисходительно улыбнулся. Хорошо иметь рядом такую женщину, в которой, как в увеличительном стекле, отражается его успех и которая не устает им восхищаться. Правда, делает она это потому, что ей нравится греться в лучах его могущества, власти и богатства, но какая разница? Главное — пока он на вершине, она его не предаст. — Ты не устала, дорогая?

— Нисколько. А что?

— Как что? Идем праздновать!

Присцилла обвила его шею руками и поцеловала. В этот момент Беренджеру было не до того, чтобы смотреть по сторонам. Да и зачем? На это есть охранники. От крайне приятной процедуры его отвлекли только странные звуки, сопровождавшие легкое шипение открывшихся дверей лифта. Они напоминали негромкие хлопки. Затем последовали звуки падения тел.

Встревоженный, он оторвался от губ жены и в ужасе воззрился на распростертые мертвые тела охранников. А из дверей лифта в лицо Малкольму смотрело дуло пистолета с глушителем. Он не смог разглядеть лицо киллера, да и не пытался — зрение сфокусировалось на оружии, а черты убийцы расплывались.

«Вот и все, — успел подумать Беренджер, прежде чем две пули оборвали его жизнь. — Я не смог сделать этот шаг». Вот она, вся его власть: этот черный кружочек, от которого не могли оторваться глаза предпринимателя, в пару секунд спустит в канализацию все его свершения и успехи, поставит крест на всем. Когда супруг рухнул на пол, Присцилла не успела даже вскрикнуть — мгновение спустя пуля проделала маленькое отверстие прямо посередине ее красивого лба, и она упала на тело мужа.

* * *

Не замеченный никем, Лукас Кларк покинул здание. Он всегда грамотно готовил пути отхода, благодаря чему ни разу еще не оказывался в опасной ситуации. Он улыбался, и прохожие, попадавшие навстречу, невольно улыбались в ответ — настолько заразительной была его искренняя улыбка счастливого человека. Черт побери, Кларку нравилась его работа, и делал он ее хорошо.

Лукас не опасался, что информация о его необычном призвании покинет стены «Предназначения». Они гарантировали полную анонимность и держали свое слово. Еще бы, за полмиллиона долларов!

Он сел в свой «БМВ» и не спеша тронулся с места. Контракт на Беренджера был весьма крупным, и киллер теперь мог себе позволить небольшие каникулы где-нибудь в теплых краях.

Улыбка не покидала лица Кларка — он был действительно счастлив.

Марина РУБЛЕВА, Николай ИЛЬЕНКО,
фото авторов

Шевалевский сад камней

«И будет сад камней...» Под таким названием вышла в Уральском следопыте (№ 8 за 2003 г.) статья Светланы Титовой об известном краеведе города Каменска - Уральского Владимире Петровиче Шевалева.

В ней такие строки: «...А Шевалев последние годы потихоньку-потихоньку «высаживает» свой каменный сад во дворе Центра туризма. Задумка проста: привезти и установить десять – пятнадцать самых что ни на есть уральских камней...»

Некоторые экспонаты музея появились еще в 1997 году. Первый был доставлен с реки Исток. Это известняк, которому около 420 миллионов лет, с окаменевшими раковинами древних ракушек – брахиопод этого же возраста. А затем дело застопорилось из-за отсутствия денег.

Летом 2005 года удалось доставить в музей железную руду и боксит. И теперь на входе, на главной аллее, стоят две руды. Эти памятные знаки символизируют полезные ископаемые, которые имеют особое значение для нашего города. Железной руде он обязан своим рождением в 1701 году. Руда привезена из За-

Боксит (Соколовское месторождение) и горка из уральских камней

каменного рудника Каменского месторождения, которое активно обрабатывалось в тридцатые годы XX века, и находилось на берегу реки Каменки.

Боксит – это алюминиевая руда. Ей город обязан своим развитием в 30–40 годы прошлого века. Образцы боксита прибыли с Соколовского месторождения,

Найден новый экспонат. Диорит на месте находки

Воспитанники кружка «Юные камнерезы» ведут подготовительные работы для сооружения горки

которое находится возле села Колчедан, отрабатывалось в годы Великой Отечественной войны для производства алюминия на Уральском алюминиевом заводе.

Торжественное открытие первых экспонатов музея Владимир Петрович провел в сентябре 2005 года. Это был его последний вклад в сад камней.

Однако хорошее дело не поухло с его кончиной. В 2006 году в конкурсе социальных проектов Центр туризма выиграл грант. Вот тут-то и началась настоящая работа по поиску и доставке камней. Часть экспонатов была намечена ранее, еще при жизни Владимира Петровича, да и друзья его поделились своей информацией.

Мы дружно обсуждали маршруты предстоящих поездок, выбирали камни, намечали пути подъезда к ним. Разведав дорогу, совершали первую поездку. Так удалось привезти еще 17 образцов. На стене здания оформили

информационную доску. Сейчас на территории Центра туризма находится 23 экспоната.

№ 1 — известняк, привезенный с реки Исток, с окрестностей деревни Барабаново, возраст породы около 420 млн лет.

№ 2 и 6 — известняки, привезенные с реки Исеть, Каменского месторождения известняков, возраст около 300–320 млн лет.

Известняки как известняки, очень похожи друг на друга, но если внимательно присмотреться — все разные. Один темно-серый, брекчвидный, с обломками черных кремней. Брекчия — это горная порода, состоящая из угловатых, не окатанных обломков, сцементированных между собой. Другой интересен тем, что в нем наблюдаются окаменелые раковины древних ракушек — брахиопод, живших 300–320 миллионов лет назад. Два темно-серых известняка с тонкой сеткой трещин, заполненных кальцитом, почти одинаковые,

Шаровая отдельность диорита.
С. Клевакино

Мельничный жернов.
С. Новоисетское

«Юные камнерезы» на мраморной аллее

но все же разные. Один сильно трещиноват, а другой не очень, и в нем встречаются кристаллы кальцита двух цветов: молочно-белые и светло-коричневые. Известняки относятся к осадочным горным породам, которые образуются из окаменевшего ила на дне моря.

Далее экскурсанты переходят на мраморную аллею и осматривают метаморфические горные породы. Сложный геологический термин «метаморфизм» переводится как «изменение». У нас можно познакомиться с несколькими разновидностями мрамора: мрамор светло-серого цвета из окрестностей города Полевского, серый мелкозернистый мрамор с карьера у деревни Походиловой Каменского района, и розовый крупнозернистый нижнетагильский мрамор. Мрамор образуется из известняка и состоит из кальцита.

Следующий экспонат — мельничный жернов, давно лежал на поле у села Новоисетского. Там в

конце XIX века добывали жерновой камень (песчаник) для производства жерновов. В нашей коллекции это единственное изделие из камня. Песчаник крупнозернистый, коричневатого цвета, сверху с примазками железной руды.

Далее группой экспонатов представлены граниты. В коллекции три их разновидности: розовый крупнозернистый гранит рапакиви (розовый цвет ему придают кристаллы полевого шпата) и два серых. О месте нахождения этих гранитов нельзя сказать точнее, чем просто Урал. К нам они попали с камнерезной фабрики.

Рядом — экспонаты из окрестностей села Клевакино. Это аргиллиты. Аргиллит — осадочная горная порода, образовавшаяся из глины. В образце под номером 15 можно наблюдать слои разного цвета (темно-зеленого, темно-коричневого, красновато-коричневого), которые смяты в складки. В данном случае породу можно уже

назвать яшмой. Другие аргиллиты менее изменены и имеют коричневый цвет, но они тоже перемяты и, кроме того, раздроблены кварцевыми прожилками. Эту породу В.П. Шевалев предложил называть по месту находки — клевакинитом. Но пока название не прижилось, по-научному она называется аргиллит окремненный, ожелезненный и омарганцованный по трещинам. Порода описана в отчетах геологов при разведке Клевакинского марганцевого месторождения еще в шестидесятые годы, но В.П.Шевалев первый обратил внимание на её декоративные свойства. Порода имеет красивый коричнево-оранжевый оттенок, и гидроокислы марганца образуют в ней интересные, причудливые рисунки.

В окрестностях села Клевакино найдена и доставлена магматическая горная порода — диорит. Она темно-зеленого цвета, мелкозернистая, массивная. Образец под номером 18 интересен тем, что это шаровая отдельность диорита, которая образуется при выветривании этой горной породы. На карьере такие отдельности встречаются различного размера.

Самый крупный экспонат коллекции — порфирит, привезенный из окрестностей села Бекленищево. Это магматическая горная порода — древняя вулканическая лава. Время, когда в нашем районе встречались вулканы, длилось около 300—340 миллионов лет тому назад. Возле села Покровское, считают ученые, был вулкан Покровский. Его лава растеклась на десятки километров вокруг. На реке Исети в этом месте отмечаются пороги Ревун — памятник природы областного значения. Река здесь бурлит и пенится, а скалы возвышаются над ней на 40 метров.

На красивом месте, в центре клумбы, радует глаз горка из уральских камней, созданная с помощью детских объединений нашего центра. Пока она около 1,5 метра, но в дальнейшем «подрастет». В ней можно разглядеть известняк, кальцит, пирит, мрамор,

песчаник, змеевик, яшму и другие породы.

Торжественное открытие выставки «Сад камней» состоялось 2 ноября 2006 года.

На памятной доске надпись:
 «Сей необычный сад камней
 Природой создан и руками
 Неравнодушных к ней людей
 И пусть всех радует веками».
 Николай Ильенко.

Сад заложен В.П. Шевалевым. Продолжен: М.В. Рублевой, Н.И. Ильенко.

На территории «Центра туризма» есть еще место для камней. Значит, саду расти и расти.

Приглашаем желающих посетить экспозицию «Сад камней».

Известная пословица гласит: «Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать».

Выставка работает на территории Центра детского и юношеского туризма и экскурсий с мая по ноябрь. Экспонаты располагаются под открытым небом.

Вход свободный.

Сеть специализированных магазинов "GPS plus":

Екатеринбург, ул. Малышева, 85а, тел.: (343) 216-11-78
 Екатеринбург, ул. Восточная, 230, тел.: (343) 356-50-39
 Пермь, ул. Соловьева, 12, тел.: (342) 215-51-46
 Тюмень, ул. Семакова, 20, тел.: (3452) 24-22-98
 Уфа, ул. Р.Зорге, 9/3, тел.: (347) 277-79-32

www.gpsplus.ru

№	Точка маршрута	широта	долгота
1	г. Екатеринбург, УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ, редакция	N56°50'144"	E60°35'382"
2	Выезд из Екатеринбурга	N56°56'825 "	E60°36'387"
3	Разъезд на Н. Тагил на старую трассу	N56°59'178"	E60°36'139"
4	д. Пьянково	N57°21'209"	E60°38'887"
5	перекресток на Реж и на Невьянск	N57°23'052"	E60°36'288"
6	Поворот на Шайдуриху	N57°23'156"	E60°33'873"
7	Съезд на базу	N57°22'199"	E60°33'162"
8	База Аятское	N57°22'201"	E60°33'004"

Используя GPS-приемник, вы можете проложить маршрут до интересного места, которое мы вам рекомендуем посетить. Введите в память прибора координаты предлагаемых путевых точек и постройте маршрут поездки в аятское охотхозяйство, чтобы увидеть живописные пейзажи и узнать много интересного об уральской природе

Итак, «Уральский следопыт» отправился в Аятское охотничье хозяйство. Проводниками по лесным угодьям были охотовед Виктор Кондаков и Сергей Багданов, егерь с 18-летним стажем. Они показали место тока и рассказали о том, как происходят птичьи свадьбы.

В Аятское на ток

Что такое тетеревиный ток

Сам по себе ток – уникальное действо. – Ранней весной тетерева-петухи начинают токовать. Места для токов птицы выбирают на озимых полях или парах, опушках леса, лесных полянах, полуткрытых лесных болотах, косогорах и других открытых местах.

Поскольку на место тока мы пришли засветло, хорошо осмотреться

не успели. Можно было разглядеть только небольшую в диаметре поляну, со всех сторон окруженную невысокими деревьями.

Виктор Николаевич объяснил, что первые тока бывают крайне непродолжительными и малочисленными по количеству токующих петухов. В это время косачи обычно токут, сидя на деревьях, при

этом молодые петухи не принимают участия в токовании, а только наблюдают за поющими старыми петухами.

Но постепенно все большее количество птиц начинает токовать. Петухи перемещаются на землю, собираются большими группами и образуют так называемые токовища. Тетеревиные токовища из года в год бывают в одних и тех же местах, поэтому охотники заранее, до начала токов, устраивают в таких местах скрадок или по-другому — шалаш.

Как правило, начиная с 7:00 — 7:10, токовик начинает зазывать петухов, которые, извещают о своем прибытии громким хлопанием крыльев. К восьми часам все тетерева собираются, и начинается самое интересное. Прилетев на ток и сев вблизи шалаша, косач внимательно прислушивается и издает своеобразный звук, который можно передать слогами «чу-фишш». Такой звук охотники называют чуфыканьем. Чуфыкнув несколько раз подряд и подпрыгнув вверх с громким хлопанием крыльев, тетерев переходит на переливчатое бормотание, напоминающее усиленное воркование голубя.

Подзадоривая друг друга, тетерева поют все громче, становятся все азартнее, чаще чуфыкают и подлетают, приближаясь друг

к другу. Вскоре между поющими петухами завязываются ожесточенные драки, черныши яростно насканивают друг на друга, во все стороны летят перья, слышится треск ударяющихся крыльев. Вот уж точно, тетерева токует, щепки летят...зрелище яркое и захватывающее.

Глухарь, птица певчая...

Глухарь начинает токовать, — чертить, оставляя на снегу черты от маховых перьев, обозначая таким образом место тока, примерно в середине марта. Весной, когда дни становятся теплее, глухарь опускается на снег и исполняет так называемые танцы — опускает крылья и расчерчивает снежный покров кругами, зигзагами, и при этом токует — поет песню.

Можно сказать, что песня глухаря — это щелканье и скирканье. Скирканье длится 3-4 секунды и звучит всегда одинаково, на щелканье же отражается состояние глухаря: начиная песню, глухарь щелкает редко и отрывисто, его щелканье напоминает звук «тек». По мере того, как глухарь возбуждается, щелканье учащается: теперь оно звучит как ряд звуков «теке-теке-теке»; звуки учащаются и, наконец, щелканье заканчивается двойным щелчком «те-тек». В это время глухарь разворачивает

веером хвост и готовится к скирканью.

Во время тока, когда он исполняет свою песню, — сначала щелкающие, потом скрежущие звуки, у него набухают брови. Они становятся ярко алыми, в то время, когда птица издает скрежущие звуки, она глохнет — оттого и зовется глухарем — у него закрываются ушные проходы, кровь подкачивает к голове.

— Абсолютно ничего не слышит, хоть пали рядом с ним из ружья. Две-три секунды попоет, замолчит, оглядится и опять запоет, — в ответ на наши недоуменные взгляды говорит Виктор Кондаков.

Только чуть засветлело, птицы начинают токовать. Сначала издают щелкающие звуки, потом точат. Глухари могут петь до десяти утра, но к этому времени в лесу возле тока уже стоит настоящий птичий гвал. Глухаря можно просто не слышать.

Самка глухаря гнездится буквально в радиусе до двух километров от места тока, поэтому почти вся жизнь птиц в весенне-летний период привязана примерно к одному району леса. Вот, видишь, в каких участках дичь поднимается, выбирай центр, — там ток. Кроме того, делаются специальные учеты, чертятся маршруты. Такая вот наука — отыскать глухариный ток.

Электронный оракул

В подъезде было темно — какая-то зараза вывинтила последнюю лампочку. Гена ругнулся и начал долгое восхождение на четвертый этаж. Потом еще с минуту он возился с замком, — не слушались закованные руки, — стараясь при этом не наделать шума и избежать объяснений с мамой. Она могла учуять, что сынуля хлебнул портвешка.

— Это ты, сынок? — подала мама голос из спальни, когда Гена наконец-то очутился в квартире. Она, как обычно, уже улеглась и, подобно всем мамам, не спала, поджидая блудного сына.

— Я, — откликнулся тот, мысленно матеря задубевшие и никак не желающие слезать с ног ботинки.

— Там на сковородке вермишель с котлетами. Разогрей себе.

Гена уютно устроился на диване перед телевизором, отогреваясь душой и телом.

«В рекордно короткие сроки сдана в эксплуатацию домна...»

Шла программа «Время», из-за поясной разности начинающаяся на час позже, чем в Москве. Гена не спеша ковырял котлету, дожидаясь, когда начнут показывать новую серию «Знакоков». Звук он приглушил до минимума, чтобы мама в соседней комнате могла, наконец, заснуть спокойно.

«Дз-з-з...» Со стороны телевизора раздался не то треск, не то звонок зуммера, перешедший в тонкий писк. Гена поднял глаза на экран.

«...Жевательная резинка без сахара освежает дыхание и предохраняет от кариеса!»

Что за черт! Вместо передового сталевара с экрана глядела довольная рожа какого-то типа, смачно двигающего челюстями. Гена закашлялся, поперхнувшись котлетой.

«Кетчуп, приготовленный из отборных помидоров и специй...» — доложил бодрый телеголос. Звук явно стал громче. Ничего не понимая, Гена поднялся с дивана и защелкал переключателем каналов.

«Трудовая вахта в честь съезда...» На пятом, местном, канале мирно продолжалось «Время». Щелк,

щелк. Двенадцатый канал, вторая московская программа — опять родные доярки и механизаторы. Щелк. Первый канал. «Продвинутое пиво!» — не унимался спятивший телевизор. И, чтобы окончательно добить обалдевшего хозяина, выдал нечто совсем из ряда вон. Девчонка, лет шестнадцати-семнадцати, глядя бесстыжими зенками прямо в честные Генины глаза, заявила: «Я выбираю безопасный секс». Гена нервно приглушил звук: еще мама, не дай бог, услышит. А ламповый негодник не думал успокаиваться.

Бах! Трах! Теперь по экрану гоняли ненашенские автомобили и гремели выстрелы. «Форды» или «крайслеры», бес их там разберет, сшибали ограждения и перепрыгивали бетонные парапеты. Визжали тормоза. Дымилась резина покрышек.

Бац! Хрясь! Крепкий мужичок, с плечами пошире их с мамой шкафа, лихо дробил скулы более хлипких, но настырных негодяев, норовящих треснуть его по черепу то монтировкой, то обрезком стальной трубы, а то просто ногой, в немыслимом каратешном подскоке. «Голливудский боевик?» — не верил глазам Гена. Вместо «Времени!» На первом! Телебезумие продолжалось.

Однако то, что затем позволил себе черно-белый чиненый-перечиненый, паяный-перепаяный «Темп», вообразивший себя «Панасоником» и забывший, что он находится не где-нибудь на перекрестке Бродвея и 45-й стрит, а в советской квартире, не лезло уже ни в какие ворота. Намахавшись вволю кулаками, «шкаф» очутился в ночном клубе. Там гремел музон и радостно скакала растленная западная молодежь. «Шкаф» с ходу подцепил потрясную герлу с нахально выпирающими из разреза платья грудями. И вот они уже у нее (или у него) в спальне и, не смущаясь присутствием советского студента, ложатся на кровать и начинают... Великий боже! Гена опасно покосился на дверь — не хватало еще, чтобы маме вздумалось вдруг заглянуть сюда и увидеть это безобразие, от которого он, признаемся честно, не в силах был оторвать глаз.

«Дз-з»...

Сергей Валентинович Щипанов родился в 1954 г. в Душанбе.

Геолог, кандидат геолого-минералогических наук. Работал в горах Южного Тянь-Шаня и на Памире. Автор ряда научных статей и очерков.

В 2001 г. переехал в Россию. Проживает на Северном Кавказе, в пригороде Майкопа.

Писать фантастику начал сравнительно недавно. В 2006 г. опубликованы рассказы «Электронный оракул» («Порог», №3, 2006) и «Первый» (написан в соавторстве с И.А. Горноставевым, занял второе место на конкурсе московского КЛФ, напечатан в альманахе «Безымянная звезда», №10, 2006). Предпочтение отдаёт традиционной НФ и мистическим историям.

Сладострастные стоны прекратились, и опомнившийся ящик затянул родное: «Наша служба и опасна и трудна».

* * *

С утра голова у Гены была занята исключительно вчерашними телевыкидонами. Встал он в половине десятого — занятия в институте начинались с двух — и сразу же включил телевизор. Тот вел себя смирно, ничего крамольного не показывал, и увиденное накануне стало казаться Гене собственной выдумкой. Он ощутил потребность срочно обсудить все это с кем-нибудь и позвонил приятелю.

Толик долго не мог понять, чего от него хотят, затем решил: Гена его по-дурачки разыгрывает.

— Старик, ты чего, а? С утра мне лапшу вешаешь. Хочешь сказать, что тебя так с двух стаканов развезло, или ты потом еще добавил? Какие боевики? Какое пиво? Вчера после «Времени» сразу «Знатоков» показывали, — сердито пробасил в трубку Толик. — Деточка, — продолжил он участливо, — ты, случаем, головкой не приложился об фонарный столб? А то ведь вчера на улице скользко было. Ляг лучше, поспи.

Внутренне Гена был готов к такой реакции приятеля — вчерашнее явление в эфире могло иметь, так сказать, только локальный характер. Предположить, что это передавалось на всю страну или хотя бы на весь их город, было чистым идиотизмом. Действительно: какое, на фиг, пиво?! На первом канале! Во время «Времени»! А «безопасный секс» и этот еще, как его, кепчуг, что ли. И голливудский мордобой, вкуче с ... интимом крупным планом. Этого не могло быть, потому что быть не могло. Но ведь было — не приснилось же ему на самом-то деле!

«Дз-з»...

«Зубная пата с тройным эффектом защищает всю семью», — телевизор, до сих пор вещавший голосом Николая Дроздова о каких-то зверюшках, прибавил звук и принялся за старое. Шоколадные батончики, полные орехов, сменялись пылесосами от западных фирм, радостно улыбающиеся тети тыкали в экран коробками со стиральным порошком, нарезали очаровательной формы дольками копченую колбасу, щедро поливали майонезом салаты. Гена кинулся в коридор к телефону и набрал номер Зямы — тот жил в одном с ним микрорайоне. Толика он не решился беспокоить. Зяма поднял трубку только после пятого гудка. Все это время Гена поглядывал в комнату — на экране телевизора продолжалась шоколадно-стиральная вакханалия.

— Зяма, — взмолился Гена, — включи телик, первый канал.

— Чего? — удивился Зяма.

— Ну, я тебя прошу. Там такое показывают!

— Чего такое? Ну, включен он у меня, «В мире животных» идет. И что?

— Нет, ничего. Извини.

— Совсем ты там уже чеканулся...

Гена положил трубку и вернулся к обезумевшему экрану.

«Реклама», — мелькнула заставка. «Сам вижу», — огрызнулся студент. Конечно, реклама: копченая колбаса, майонез, батончики с орехами. А в магазинах шаром покати. Кости, под названием «суповой набор», чтобы купить, чуть не полдня нужно в очереди стоять. Телебезумие тем временем набирало обороты.

«Вы смотрите новости на первом». «Смотрим», — подтвердил Гена и осторожно, опасаясь, как бы не закружилась голова, присел на краешек дивана.

«Президент подписал указ о досрочных выборах губернатора...» Ну, конечно. Президент. Указ о выборах губернатора. Бред. Бред сивой кобылы. И самое невероятное в этом безумии то, что там фигурировал, шутка сказать, президент России. А почему, кстати, не Союза? Все, что Гена слышал сейчас своими ушами, было не просто невероятным, но даже и опасным, с точки зрения рядового советского гражданина.

«Забастовка авиадиспетчеров... Арест террориста... Заявление лидера Думской оппозиции...»

«Дз-з...»

«...Эти симпатичные животные...» — экранное сумасшествие прекратилось. Гена чуть не плакал от сознания собственной беспомощности, неспособности дать увиденному и услышанному хоть какое-то, мало-мальски разумное объяснение. Он понял, что свихнется, если не разгадает эту загадку.

«Запад, — пришла ему в голову спасительная мысль, и Гена ухватился за эту хрупкую соломинку. — Передача из-за «бугра», вроде «Голоса Америки», только телевизионная, и враждебная пропаганда, имеющая цель сломать его, Генины, мозги. Передача узким лучом направленного действия со спутника. А что, технически вроде бы осуществимо...»

Гена немного успокоился. Хаос, царивший в его голове, собрался, наконец, в логическую картину. Электронный идиотизм получил материалистическое толкование.

«Так, понятно: закордонная пропаганда, — размышлял Гена, — только почему бы им просто не показать прелести их, западного, образа жизни, например. Не потолковать о тяжелом житье-бытье советских колхозников. Не передать выступление какого-нибудь окопавшегося у них диссидента, а? Зачем такая фантазмагория? Ну, да ладно, им виднее, как свести с ума нашего телезрителя. Что же ему со всем этим делать? А ничего. Первое: никому не распространяться насчет увиденного — все равно не поверят, и наживешь еще неприятностей. Второе: смотреть самому по мере возможности, потому что интересно. Третье... Ладно, хватит и двух пунктов. Вот только мама — увидит когда-нибудь и подумает, что вдвоем с сыном синхронно повредилась головой. Впрочем, мама так выматывается на работе, что ей не до телеглупостей. А, кроме того, он всегда сможет ее успокоить, объяснив, что это просто шутки. Ми-

лые шутки западных дяденек, желающих повеселить простых советских людей».

* * *

— Гуляй, народ, от рубля и выше! — объявил Толик, ставя на стол бутылки болгарского «Старого замка». Хорошее вино и не слишком бьет по тощему студенческому карману. Они устроились впятером на своем любимом месте у окна. Сегодня в институте выдали «стёпу» и появился повод устроить небольшой кутеж. Гена, Толик и Зяма, прихватив двух девчонок с их курса, Риту и Тому, заявили после занятий в кафешку — обычное место студенческих увеселений. За последние две недели у Гены это была первая вылазка с приятелями. Совсем затянул его хитрый телеящик, выдавая регулярно порцию, минут на 30 — 40, «западной фантастики». Конечно, фантастики, а чего же еще? Разве может существовать в реальном мире такая Россия, где есть президент, губернаторы, террористы, забастовки, реклама пива и бог еще знает что? Где крутят по телевизору боевики, эротику и «ужастики». Где коммунисты — страшно подумать! — находятся в оппозиции правительству. Кроме России в том призрачном мире существовали также Грузия, Украина и другие наши республики, только почему-то отдельно, и у них имелись, насколько Гена мог судить по отрывкам «новостей», свои президенты. Но больше всего там было рекламы. Она оглушала, вываливая на голову студента десятки наименований женских колготок, бульонных кубиков, гигиенических прокладок и холодильников. Противозачаточные средства сменялись антипригарными сковородками, а «лучшее в мире пиво» уживалось рядом с цифровой видеокамерой (что еще за штукавина такая?). Во всем этом явно присутствовал элемент садизма. Разве не издевательство, скажите на милость, предлагать человеку посетить меховой салон и приобрести кожаное пальто или норковую шубу с 15% скидкой, в то время как он ломает голову, где бы раздобыть 150 рэ на покупку джинсов у барыги? Маме реклама тоже не понравилась.

«Нет, ты только погляди, что делается! — возмутилась она, оторвавшись, как-то на пять минут от бесконечного вязания, — чего у них там, в Москве, только нет! А здесь крутись как хочешь...»

Девушки достали из сумочек сигареты и шоколадку «Сказки Пушкина» — ничего, сойдет на закуску под сухое. Кафешка имела то преимущество, что именовалась «баром» и здесь разрешалось курить. Забулькало в стаканы вино. Толик рассказал дежурный анекдот. Тома с Ритой прыснули, слегка сконфуженные — анекдоты Толик подразделял на смешные и приличные. Этот был смешной.

— Кто их только сочиняет, — спросила, жеманничая, Тома, хотя ей наверняка был известен ответ: анекдоты обычно берутся из жизни.

— У Андропова западные журналисты тоже спросили: «Кто там, у вас, сидит и сочиняет эти анекдоты», — вставил слово Зяма. Андропов ответил: «Кто сочиняет, тот и сидит».

Все дружно рассмеялись — шутка, хоть и старая, всегда хороша, если к месту.

— А Гена что нам расскажет, — спросила Рита, отправляя в рот кусочек шоколада. Толик подмигнул приятелю: давай, не подведи. Тот неожиданно для себя самого выдал:

— Сам не видел, врать не буду,

Но сосед рассказывал:

Буд-то бы из мавзолея

Кто-то фиг показывал.

Толик от смеха поперхнулся вином. Зяма смеялся молча, укоризненно качая головой: ай-ай-ай, кого затронул. Девчонки прикрыли ладошками рты, давась хохотом и одновременно оглядываясь по сторонам — не услышал бы кто, что здесь такое говорится. Толик, все еще не справившись со смехом, наклонился к Гениному уху.

— Старик, ты где это выкопал? Смотри, будешь там сидеть и сочинять.

Гена виновато улыбался и молчал. Его не беспокоило то, что он тронул «священную корову» — все свои, при них можно, — но он ненароком проговорился, нарушив наложенное самим табу. Владеть в одиночку подарком закордонных «друзей» Гене стало уже невмоготу. Переизбыток информации, пусть даже она и была чьей-то хитроумной выдумкой, распирал студента, грозя в один прекрасный момент вырваться наружу неконтролируемым потоком. Ему захотелось тут же выложить свои секреты. Вниманием приятелей тем временем завладел Толик. Развивая тему ожившего вдруг обитателя мавзолея, этот балагур принялся травить байки о привидениях, зомби и тому подобной чертовщине, хотя, сказать по правде, в его изложении выходцы с того света выглядели совсем не страшными. В общем, Гена так и не выбрал момент, чтобы поведать о своей «ужасной» тайне.

После посиделок он вызвался проводить домой Риту. Студент давно уже положил глаз на недуренькую собой однокурсницу, но, медлительный от природы, все ждал удобного случая завязать более тесные отношения. Теперь, похоже, такой случай представился. Действительно, почему бы и не с Ритой поделиться тем, что не давало ему покоя все последнее время? Рита, словно желая помочь своему воздыхателю, направила разговор в нужное русло, спросив:

— Гена, что сегодня по телевизору, не знаешь?

— Как всегда, туфта какая-нибудь. Кизяк это, а не телевидение. Вот ты триллер хоть один видела?

— Где уж нам, серым, — ядовито ответила Рита, уязвленная Гениным высокомерием. — Хоть бы объяснил, что это за зверь такой.

Студент смутился, поняв, что взял неверный тон.

— Извини, это я так, — пробормотал он. — Ну, триллер, в общем... что-то вроде детектива, только с «ужасами».

— Ка-ак страшно. И где ты таких ужасов нагляделся?

— У себя по телевизору. — Гена постарался вложиться в ответ максимум значительности.

— Он у тебя особенный какой-то? — снова съехидничала девушка.

— Да, — отрезал Гена.

Рита надула губки и замолчала — пусть пудрит мозги кому-нибудь другому. Но студент не сдавался.

— Хочешь сама посмотреть? Приходи завтра ко мне.

Рита попробовала обидеться еще больше: вообще-то наглость делать ей такое предложение — их взаимоотношения еще не достигли той стадии, чтобы... Хотя, с другой стороны... ей ведь и самой этого хотелось. «Симпатичный мальчик», на него многие девчонки с их курса заглядывались, неотесанный только, но это поправимо. Однако негоже с бухты-барухты принимать сомнительные приглашения.

— Еще чего, — бросила она в ответ и отвернулась, давая понять наглецу, что честные девушки не ходят в одиночку в гости к малознакомым... вернее, нет, знакомы-то они уже довольно долго, но... фу-ты, в общем, к в недостаточной степени близко знакомым мужчинам. Какой, однако, бывает сумбур в мыслях, когда и хочется, и колется!

— Рита, — взмолился ловелас-неудачник, — не вру я, ей-богу, не вру! Понимаешь, у меня по телевизору показывают такое ... ну, сама увидишь.

В ответ Рита только хмыкнула неопределенно.

— Не веришь — не надо, так просто приходи. Кофе попьем, послушаем музыку. У меня новый диск: Тухманов «По волнам моей памяти», слышала? Там классная вещь, из лирики вагантов.

Девушка еще минуту-другую поупиралась для вида, но ваганты ее убедили.

— Ладно, посмотрим. Если не просплю завтра...

— Приходи. — Гена торопливо объяснил, как найти его дом.

* * *

Она пришла. Чуть задержалась на пороге, когда он открыл ей дверь. Эффектная картинка: вязаный берет и длинный, в три оборота, бордовый шарф, «дутая» куртка, сумка через плечо, импортные сапожки; каштановые кудри по плечам, глаза и губы чуть тронуты косметикой. Хороша!

— Привет, — небрежно бросила Рита, перешагивая порог. — Насилу нашла — все дома тут на одно лицо.

— Привет. Проходи, — засуетился хозяин.

Проводив девушку в комнату и усадив на диване, Гена помчался на кухню; притащил чайник, банку растворимого кофе и вазочку с печеньями маминой выпечки. Пока он возился с чашками, Рита разглядывала пластинку с теми самыми вагантами.

— Один момент! — Гена галантно взял из ее рук пестрый конверт с дефицитным диском и направился к стоящей у стены радиоле.

Иглу проигрывателя он опустил сразу на дорожку с песенкой отправляющегося во Францию сту-

дента. Песня Рите понравилась, особенно то место, где бедовый малый обещает друзьям-подружкам вернуться, если не ухнет на смерть на хмельной пирушке. Пластинка продолжала крутиться дальше. Рита, отдавая дань кулинарному мастерству Гениной мамы, нет-нет поглядывала на телевизор — хозяин включил его сразу, приглушив только звук, дабы не мешал наслаждаться музыкой. Старина «Темп» пока что строго придерживался программы телепередач, демонстрируя обычную бодягу. Рита тактично молчала, но ее взгляды были полны едкой иронии. Гена нервничал, стараясь не подавать, однако, виду, и делал успокоительные жесты рукой: мол, будь спок, скоро увидишь. Пластинка закончилась, кофе тоже, а проклятый ящик явно не торопился с обещанными чудесами.

«Не подведи, малыш! — мысленно умолял его хозяин, косясь на часы — по времени было пора уже начинать. — Не опозорь перед девушкой. Не дай прослыть дешевым трепачом».

Политический обозреватель Жуков с экрана объяснял студентам, как вредно слушать западные «радиоголоса».

«Дз-з...»

«Роман миллионера и проститутки. Ричард Гир и Джулия Робертс в фильме «Красотка». Смотрите на первом!» — Телевизор внял-таки мольбам Гены.

Рита тихонько ойкнула и посмотрела на Гену — тот победно улыбался: ну, что, видала! Девушка встала с дивана и подошла к телевизору — нет ли здесь какого фокуса. Аппарат как аппарат, вроде никаких хитростей. Она даже заглянула сзади: там припорошенная пылью панель, в которую воткнут антенный шнур — и более ничего.

— Как ты это делаешь? — спросила она хозяина.

— Ничего я не делаю. Он сам. Примерно в одно и то же время, утром и вечером.

— И только у одного тебя это показывают?

— Похоже, что так.

— А что это такое?

— Ритуля, я не знаю! Сам обалдел в первый раз, две недели назад. Он мне вместо «Времени» как выдал: реклама, боевик какой-то, секс. Ну и пошло — каждый раз чего-нибудь такое выкинет..

Рита, озадаченная, молчала, глядя на экран. Там возник человек, кого-то ей напоминающий, и заговорил удивительно знакомым голосом.

— Хазанов, — неуверенно предположил Гена.

— Кто? — переспросила девушка.

— Гена Хазанов, который из кулинарного техника.

— Нет, что ты. Хазанов моложе. Но как похож, а? Может, родственник его? Папа?

«Изменившийся Хазанов» изобразил на лице застывшую глуповато-надутую маску и, стоя истуканом, заговорил «деревянным» голосом, запинаясь языком о каждое слово:

« ... в Париже это ейфелевая башня, кх, кх, в Риме — развалины Колизея, кх, кх, в хорошем состоянии...»

Хозяин и его гостя покатались со смеху и разом испуганно глянули друг на друга, поняв, кого изображает артист, так похожий на Хазанова.

— Брежнев, — озвучила догадку Рита. — Генка, не может этого быть!

— А я тебе что говорил! Конечно, не может.

«Папа-Хазанов» расстарался вовсю, веселя и удивляя. Он изображал и разных недотеп, и вождей, не щадя никого, издеваясь над сами-самыми «неприкасаемыми». Студенты надорвали животы от хохота, наслаждаясь буйством свободы, ворвавшейся в их мир заплесневелых догм. Они сидели рядышком на диване, и волосы девушки приятно щекотали Генино ухо. От гостя очень знакомо пахло — польские духи «Быть может», — определил студент. У мамы были такие же — он сам ей купил на Восьмое; дикую очередь отстоял. Гена осторожно просунул руку между спинкой дивана и спиной гостя. Мысли его скакали, исходящее от Риты тепло опьяняло почище портвейна. Но хорошее имеет свойство быстро кончатся.

«Дз-з...»

«Любовь, комсомол и весна!» — зазвучал бодрячковый голос, возвращая расшалившихся студентов в советскую действительность.

— Все? — разочарованно протянула Рита и посмотрела на часы. — Генка, мы же на лекции опоздаем!

— Успеем, — поспешил успокоить ее хозяин. — От нас маршрутка ходит — пять минут ехать.

Но Рита решительно освободилась от его неумелого полуобъятия.

— Все равно, давай собираться.

Эх, некому было объяснить простофиле-студенту, что ничего не следует делать наполовину!

Девушка встала и грациозно потянулась. Встретившись глазами с удрученным взглядом Гены, она мирительно улыбнулась и предложила:

— Давай покурим. Куда я сумку с сигаретами дела?

— Она на вешалке, в прихожей, — ответил Гена, поднимаясь.

За сумкой они отправились вместе. В тесной прихожей «хрущевки» было не разминуться, и Гена обнял, наконец-то, Риту по-настоящему. Потом они долго целовались, прислонившись к висающим на вешалке курткам.

* * *

Гена застал времена, когда ходили в гости «на телевизор». Он сам регулярно ходил к соседу Мишке, счастливому обладателю черно-белого чуда. По воскресеньям на единственном тогда местном канале шла двухчасовая передача для детей, весь репертуар которой ограничивался, так, во всяком случае, отложилось в памяти Гены, «Новым Гулливером», «Золотым ключиком» и «Василисой Прекрасной». Наступили новые времена, телевизором больше никого не

удивишь, и работали у них теперь аж три канала, но само телевидение осталось, по сути, таким же, как в Генином детстве. Если, конечно, не брать в расчет чисто технические достижения. Поэтому-то столь резким оказался контраст между привычным неторопливым и уныло-покорным телеэфиром и нагло врывающимися туда кусками динамичного, непредсказуемого, взрывного «западного» вещания, достигая в глазах Гены степени отличия какой-нибудь смиренной крестьянской лошадки от необъезженного мустанга. Ежедневные откровения слетевшего со всех своих электромагнитных катушек «Темпа» открыли ему некий искривленный мир, точнее — антимир, поскольку все знаки в нем поменялись на противоположные. Так, например, там считались положительными понятия: «бизнес», «рок-музыка», «секс». Там можно было покупать доллары и ездить в отпуск на Кипр. Польша в том мире была членом НАТО, а сам «агрессивный блок» превратился в «партнера во имя мира», и даже Израиль (подумать только!) числился в союзниках.

«Западная» версия происхождения таинственных телепередач казалась единственно правдоподобной и как будто объясняла все, но... слишком уж нашими были участвующие в них люди. Да, они одевались не так, использовали непривычные обороты речи и словечки типа «имидж», «приватизация», «дилер», а главное, говорили невероятные вещи и все же оставались узнаваемыми, как, скажем, популярный артист, снявшийся в непривычной роли. И еще там присутствовало нечто, мелькавшее в мыслях студента, но никак не дающееся ему.

Рита не разделяла неумной тяги Гены к телевизору. Роман их бурно развивался, а «закордонная» теледребедень являлась только помехой и быстро ей надоела. Интересно, конечно, но... есть куда более увлекательные занятия. Их утренние свидания и так были лимитированы по времени, а тут еще этот дурацкий ящик с его загадками.

— Генка, — Рита была настроена серьезно, — ты уделяешь своему телевизору внимания больше, чем мне.

Еле отдышавшись, они лежали на диване, прикрытые пледом, и Гена робко напомнил девушке, что сейчас должна начаться передача оттуда. Он поспешил отказаться от намерения включить телевизор, увидев, что любимая готова рассердиться, но это его не спасло. Рита представила себе, как, обнимая ее, возлюбленный будет думать о каких-то идиотских передачах, и обиделась по-настоящему. Она встала и начала быстро одеваться. Напрасно Гена бормотал слова извинения и просил остаться — ведь у них вагон времени.

— Мне пора, — отрезала Рита.

Она ушла, оставив хозяина наедине с его четвероногим другом «Темпом». Несколько минут Гена уныло слонялся по комнате, не находя, к чему приткнуться, затем машинально щелкнул клавишей «вкл.» телевизора. На экране появился вертящийся волчок с лошадкой.

«Что? Где? Когда?» — сообразил студент. — Значит «запад» уже закончил передачу. Или еще не начал?».

Но любимая им игра была какая-то странная: «знатоки» не те, и голос ведущего другой. Тот называл игроков «господами», а они его «господином ведущим».

«Да это же «их» передача! — только теперь дошло до покинутого влюбленного. — И нашу игру они туда затащили».

В новом изложении телеигра озадачила Гену. Он почти ничего не понимал: компьютеры, Интернет, сотовые телефоны. Про компьютеры он что-то слышал, а вот остальное... «Знатоки» с треском проиграли, что с досадой в голосе констатировал ведущий и начал скорбно-торжественную речь:

«В память о Владимире Ворошилове, которого нет уже с нами...»

«Ворошилов умер? Идиотская выдумка!» — Гена буквально на днях читал в газете интервью с популярным создателем «Что? Где? Когда?».

«... и сейчас, в двадцать первом веке...»

«О чем это он? В каком таком двадцать первом... Стоп!» Гена лихорадочно соображал, выстраивая логический ряд: постаревший Хазанов, умерший Ворошилов, двадцать первый век...

«Будущее! Они показывают придуманное будущее. Или не придуманное? И не они? Двадцать первый век, с ума сойти! Сколько мне тогда будет? За сорок...»

Начало нового века до сих пор казалось Гене событием невероятно далеким, и вот теперь третье тысячелетие загадочным образом вломилось к нему в дом.

«Выходит, в двадцать первом веке начнут у нас шелестеть в руках зеленые бумажки с портретами президентов. Разрешат ездить, кому куда вздумается, хоть на край света. Коммерцией займемся, станем пить «продвинутое пиво» и жевать эту дрянь без сахара».

Еще не известно, во что труднее поверить: в саму возможность заглянуть в будущее или в такой его вариант.

Будущее там или не будущее, однако настоящее пока никто не отменял — пора было двигать в институт. По дороге Гена успел поразмышлять о неразгаданных тайнах мироздания, об «окнах» в пространственно-времени и о крутых виражах на пути исторического развития.

В институте он, прежде всего, разыскал Риту. Любимая встретила студента далеко не ласковым взглядом, а он еще умудрился (вот балбес) подлить масла в огонь, заявив с ходу:

— Ритуль, я понял. Это будущее.

— Ты о чем? — Тон ее не предвещал ничего хорошего, на что Гена не соизволил обратить должного внимания.

— Эти передачи — они из будущего!

Глаза Риты полыхнули огнем праведного гнева. Какая женщина станет терпеть конкуренцию, да еще со

стороны какого-то электрического массовика-затейника.

— Вот оно что. Будущее... А у нас с тобой все в прошлом, понял!

* * *

Вечером мама надела на Гену с расспросами.

— Сына, ты чего такой? Неприятности в институте?

— Нет, все нормально, мам.

Мама внимательно посмотрела на лицо сына и следующим вопросом попала в «десятку»:

— Как ее зовут?

— Кого? — Гена в который раз поразился маминой проницательностью.

— Твою девушку. Так как: Света? Наташа?

— Ну, Рита.

— Поссорились? Обойдется. Пригласил бы ее к нам, познакомил.

Гена только неопределенно махнул рукой. Мама осталась возиться на кухне, а он отправился в комнату к искусителю-телевизору — тянуло его к экрану сильнее, чем курильщика к сигарете.

Оно уже началось. Показывали почему-то кинохронику: незнакомые чужие горы, ползущая по змеящейся между скал дороге колонна военных грузовиков и БТРов, разрывы мин и треск автоматных очередей, дым, огонь...

«Война, которую в течение десяти лет вел в Афганистане Советский Союз...»

Вон оно что. Война. У Гены неприятно засосало под ложечкой. В такое будущее верить как-то не хотелось. Экран вдруг подернулся пеленой и, мигнув на прощание, погас совсем. В электронных внутренностях аппарата затрещало, в комнате завоняло горелой изоляцией. Старина «Темп» не выдержал перегрузок...

Они его так и не починили. Вызванный на дом мастер, поковырявшись в перегоревшем телевизоре, заявил: сумма, которую им придется выложить за ремонт, такова, что проще купить новый. Так они и поступили. Маме посчастливилось относительно недорого, в кредит, приобрести цветную «Радугу», а черно-белого ветерана разобрали на запчасти. Новый телевизор вел себя благопристойно, никаких фокусов не выкидывал, разве что ремонтировать его приходилось чуть ли не каждый месяц. Окошко в будущее захлопнулось.

С Ритой Гена помирился. Девушка с неделю дулась на него, а потом простила. Впрочем, ссориться и мириться им случалось еще не единожды.

Впоследствии Гена часто вспоминал открывшиеся ему странные картины будущего и с тревогой ожидал некоего события, способного коренным образом повлиять на ход истории страны. И дождался — одним декабрьским вечером по программе «Время» передали короткое сообщение о «введении ограниченного контингента советских войск на территорию республики Афганистан, с целью оказания братской помощи ее народу». Исполнения остальных пророчеств домашнего оракула ему оставалось ждать не так уж и долго.

Унидент

Странные события в городе Н-ске начались, пожалуй, именно с ночи тридцатого сентября.

Ничто, как это обычно и бывает в предшествии событий столь загадочного характера, не указывало на приближение беды.

Город затихал. Гасли окна в квартирах домов.

На черном полотне небосклона уже вырисовывались бледные проплешины звезд.

Желтый глаз луны то удивленно выглядывал из-под печальных бровей облаков, то снова скрывался за ними, вызывая этим морганием тоскливый лай дворняг и приступы смутной тревоги у некоторых особо восприимчивых к атмосферным явлениям граждан.

Жители Н-ска, утомившись после долгой трудовой недели, ложились в свои кровати, и вместе со всеми в том числе в кровать лег и Ефрем Давидович Поранкин. Было это около одиннадцати часов, сразу после того, как он посмотрел итоговый выпуск новостей на общероссийском канале. Уснул он довольно скоро и даже уже успел поблаженствовать, созерцая начало удивительно приятного сновидения, где увиделось ему, что катит он по городу, сидя в шикарном автомобиле с открытым верхом, а граждане вокруг завистливо заглядываются в его сторону.

Однако завершения сна Поранкину увидеть было не суждено.

Уже он подъезжал к высокому, нарисованному воображением фантастическому зданию, возле которого заметил обворожительную юную незнакомку.

Уже смотрел он ей в самые глаза цвета июньского неба, уже улыбалась она ему призывно в ответ, как вдруг видение лопнуло, словно воздушный шарик, атакованный окурком хулигана, и Ефрем проснулся, чувствуя, как кто-то бесцеремонно прикоснулся к нему, пока он спал.

Надо сказать, что существовал Поранкин в однокомнатной квартире за номером 37 дома 12 на улице Дубной совершенно одиночно, а посему прикоснуться к нему, да еще среди ночи, под одеялом, ни у кого, естественно, никакой возможности не было.

Ощупав левый бок своего довольно массивного тела, где и ощущалось чужеродное вторжение, Ефрем Давидович не обнаружил ничего нового. Как и всегда, пальцы его нащупали лишь густой ворс упругой растительности, коей он обильно был покрыт и кою тайно считал своим неоспоримым достоинством, говорящим о том, что он — Поранкин воистину — настоящей мужчина.

Да еще на своем месте была выпуклая родинка размером с фасолевое зернышко, доставшаяся Ефрему в наследство от родителей. Но того, что могло бы прикоснуться к ней, не досмотревший сновидения не нашел.

Однако в то же самое время он с тревогой осознал, что лежать ему на кровати не совсем удобно и причиной тому является нечто застрявшее между его спиной и простынею. Это нечто неприятно упиралось в позвоночник, вызывая в голове какие-то совсем уж отвратительные ассоциации.

Поранкин полез исследовать помеху и, просунув руку под себя, ухватил упругий гладкий предмет, который к тому же был горячим на ощупь.

— Змея! — понял он.

Дикий страх сковал разбуженного. Он моментально взлетел с кровати, пытаясь отбросить тварь. Однако это у него не вышло.

Тварь не отлетела к шкафу, куда Ефрем ожесточенно её швырнул, а, описав полукруг за его спиной, свисла, покачиваясь, сзади, прямехонько между его дугообразных ног. И вместе с тем Поранкин совершенно четко ощутил, что то, от чего он только сейчас желал избавиться, является его собственной неотъемлемой частью.

— Боже! Что это?

Он судорожно нащупал выключатель и, когда комната озарилась слепящим электрическим светом, заглянул себе между ног, нагнувшись, как физкультурник при выполнении утренней гимнастики.

То, что он увидел, было чудовищно.

Это был его собственный хвост! Длинный, покрытый нежными ко-

Михаил Александрович Бочкарев родился в 1977 году в Москве. Окончил среднюю школу, поступил в ВПУ (высшее профессиональное училище) обучаться профессии радиомонтажника. Окончив, год работал продавцом музыкальных инструментов. В 2001 г. поступил в МГПУ (Московский городской педагогический университет). Работал охранником, копирайтером, продавал компьютеры, рекламу. С 1998 г. является бессменным лидером рок-группы «ЯДЫ». Впервые опубликовался в журнале «Веси» (Екатеринбург) — рассказ «Карьера».

роткими волосками, как у какой-нибудь дикой, безобразной обезьяны.

Он был настолько огромен, что половина его преспокойно лежала на паласе, а кончик упирался в драпированное кресло, на котором Поранкин всякий раз в минуты тоски и безделья читал детективные романы.

– Откуда он? – задался вопросом Ефрем и ответа не нашел.

Он аккуратно взял себя за выросший неизвестным образом атавистический отросток и поднес его к самому носу. С удивлением Ефрем Давидович отметил, что прикосновение к хвосту отзывается в организме приятной волной и есть в этом даже что-то эротическое.

Поранкин понюхал его и убедился, что конкретного запаха тот не имеет.

– Должно быть, я сплю! – решил Ефрем Давидович. На этом успокоившись, он выключил свет, лег в кровать и, закрыв глаза, умиротворился забвением.

Хвост Поранкин вытянул параллельно своим ногам, ибо так он совершенно не ощущался, и очень скоро вновь уснул.

Но, проснувшись утром, с удивлением и растерянностью Поранкин обнаружил, что хвост не исчез, а от этого в голову ему пришла догадка, что хвост реален и вовсе не навеян ему воображением.

Ефрем Давидович понял, что совершенно не способен что-либо предпринять в виду случившегося. Грустно он побрел по коридору в ванную, волоча за собой свое новобретение. Там он долго стоял под душем, и мокрый хвост его слегка пошевеливался в струях воды, как бельевая веревка, зацепившаяся за корягу в протоке реки.

Однако тут надо сообщить, что тем же утром хвосты у себя обнаружили совершенно все жители города Н-ска.

Одним из несчастных был давний друг Поранкина, Всеволод Пилотский. Он проснулся как раз в тот момент, когда Ефрем Давидович принимал душ в своей квартире.

По пробуждении Пилотский далеко не сразу узнал, что теперь он

хвостат. Он вылез из-под одеяла и первым делом побрел к холодильнику.

Хвост бесшумно тащился за ним.

Всеволод вскрыл бутылку минеральной воды Ессентуки-4 и жадно опустошил. Затем он воззрился в окно и увидел, что улица девственно пуста.

Ни одного прохожего Всеволод не заметил, однако время уже приближалось к двенадцати. Лишь изредка проносились одинокие автомобили по центральной трассе города, на которую и выходили окна квартиры Пилотского.

И только тут Всеволод, окончательно пробудившись, почувствовал какую-то перемену в себе. Что-то новое было у него в нижней области позвоночника, давая знать о себе слегка ощутимым грузом.

Он испуганно выгнул шею и увидел торчащий над резинкой трусов тощий, изогнутый, как водопроводный кран, хвост. Тот имел поперечные рыжие полоски и венчался наглой пушистой кисточкой.

Пилотскому стало страшно, и его состояние тут же передалось хвосту. Он задрожал, и кисточка на его конце, тревожно затряслась...

К этому моменту в городе уже порядка двадцати тысяч человек обнаружили у себя хвосты. Среди них был и глава городской управы Подсидельников Андрей Степанович, и начальник УВД Макар Артемьевич Сгнилюк и знаменитый на весь город хирург Навельский Владлен Тимофеевич, однажды произведший операцию, поразившую не только горожан, но и весь ученый мир.

В позапрошлом году он успешно разделил сиамских тройняшек, одному из которых сам сконструировал легкое из органической ткани, произведенной по его уникальной технологии.

Сам Навельский в момент, когда обнаружил у себя хвост (огромный, зеленого цвета, с характерным рисунком, имитирующим древнегреческий орнамент), решил, что над ним произвели шутку коллеги.

Подивившись мастерству, с коим хвост был приставлен к телу, и пос-

меявшись от души над оригинальным розыгрышем, хирург решил его, наконец, отцепить, и у него, естественно, этого не получилось.

Тогда пораженный невероятным фактом Владлен Тимофеевич, стараясь быть никем не замеченным, добрался до своего автомобиля и поехал в клинику, где, к его изумлению, никого совершенно не оказалось на рабочих местах.

Сделав себе рентген, Владлен Тимофеевич был удивлен до крайности. Все говорило о том, что хвост никак не мог вырасти за одну ночь. Научные факты утверждали, что он мог и должен был появиться на свет ровно в тот день, когда явился на свет сам Навельский.

Он взял на анализ часть ткани хвоста и, исследовав, убедился, что клетки его идентичны его собственным.

– Феноменально! – только и произнес хирург и упал без чувств.

В этот момент в клинику уже направлялись: глава городской управы Подсидельников – с одной стороны, а с другой – Поранкин Ефрем Давидович, который, к слову сказать, являлся самым яростным в городе активистом и самым горячим участником важнейших общественных событий. С ним был и его ближайший приятель Пилотский, позвонивший Поранкину на квартиру сразу же после обнаружения хвоста.

Они очутились у дверей районного центра медицины практически одновременно.

Подсидельников приехал на своем личном «Мерседесе», Поранкин же вместе с Пилотским добрались до клиники пешком по пустынному городу, сопровождаемые тайными взглядами сограждан, боящихся покинуть квартиры.

Имея при себе внезапный хвост, никто не осмеливался и шага сделать за дверь. Конечно же, каждый предполагал, что только он, только его семья поражена страшной мутацией, а потому ни один житель города не вышел ни на работу, ни в магазин, ни куда-либо еще.

Поранкин и Пилотский, подвывая хвосты ремнями, отчего одежда сзади подозрительно дыбилась,

рысцей добежали до входа клиники и скрылись в здании. Подсидельников, дождавшись еще несколько минут и убедившись, что никого больше нет, вылез из машины и насколько это было возможно быстро двинулся туда же, к главному входу.

Идти ему было весьма сложно из-за особенностей хвоста, которым одарила его прошедшая ночь. Достался ему совершенно невообразимых размеров экземпляр. Три метра в длину, ярко-желтый с черными пятнами поверху, да еще и раздвоенный на конце.

Хвост приходилось нести в руках, ибо волочить его по земле представлялось практически невозможным делом.

Андрею Степановичу, когда он шел, казалось, будто к нему на веревке подвязали тяжелое неподъемное бревно.

И к тому же, когда хвост полз по земле, это вызывало в нем неприятный жгучий зуд.

Когда он, усталый, запыхавшись, мокрый от пота, открыл дверь кабинета хирурга Навельского, он увидел трех своих согорожан, тычущих друг в друга хвостами, которые они держали в руках.

Все трое были крайне возбуждены и взволнованы. Они наперебой о чем-то спорили, а хирург — бледный, в криво сидящих на носу очках — кричал, вскидывая глаза к потолку:

— Эпидемия! Это эпидемия, я вам говорю!..

— И у вас?!.. — пораженно уставился на троицу городской начальник.

Троица нервно обернулась к Подсидельникову и, синхронно замолчав, уставилась на его протянутые в беспомощности руки с лежащим на них гигантским хвостом.

— Карантин! Немедленно! — изрек хирург и хотел было снова впасть в обморочное беспмятство, но ему не дали.

К вечеру стало доподлинно известно, что каждый житель города, включая детей и новорожденных младенцев, имеет теперь хвост и что самое удивительное — хвост уникальный!

В срочном порядке была организована медицинская комиссия, в задачу которой входило произвести хвостовой осмотр граждан. Из всех осмотренных за день несчастных не нашлось ни одного, чья вновь обретенная часть тела совпала бы своими характеристиками с другими.

У каждого имелись отличия.

Некоторые граждане вырастили совсем крохотные хвостики, которые при желании можно было бы спрятать, надев одежду посвободнее, у некоторых же, наоборот, хвосты оказались огромными, такими, что оставить их существование незамеченным не получилось бы никак.

Хирург Навельский на мольбы таких товарищей об ампутации неожиданной конечности ответил твердым отказом, заявив, что этот феномен для начала следует изучить со всей серьезностью.

Некоторые хвосты оказались поистине удивительны. Например, хвост владельца ресторана «Избушка» Левона Хламидзе представлял собой лопатообразный, похожий на китовый плавник отросток идеального серебристого цвета. Глядя в него, при желании можно было даже побриться.

У другого жителя города, Михаила Веньчикова, профессии неопределенной, хвост был тройным и каждый его сегмент имел свой собственный окрас — красный, белый и синий. Михаил очень быстро научился активно манипулировать своим новообретением, так что казалось, хвост имелся у него с самых ранних лет.

Веронике Степановне Лучкиной, работнице городского зоосада, судьба преподнесла шикарный меховой подарок. Мех её хвоста блестел и искрился на солнце огнями драгоценных бриллиантов, и Вероника Степановна, видя хвосты других женщин, нашла в своем несравнимом превосходстве. Она брезгливо взирала на жалкие, заурядные отростки горожанок, и вид её при этом был величественен и надменен.

Двадцатилетний студент городского университета финансов Иван Ракушкин обзавелся невиданным

шарообразным хвостом, который, как оказалось, имел уникальную способность к трансформации. Ему, как пластилину, можно было придать любую форму, и она сохранялась до тех пор, пока владелец хвоста сам, внутренним желанием её не отменял.

Но все-таки в большинстве своем хвосты, хоть и имели отличия, были вполне обыкновенными, выделяясь лишь формой, цветом и длиной.

К вечеру в кабинете градоначальника Подсидельникова состоялось экстренное совещание, на котором присутствовали все видные люди города.

Лихорадочно дымя сигарой в кресле возле окна, сидел предприниматель Компликов — владелец двух крупнейших предприятий Н-ска. Его тонкий, закрученный спиралью хвостик предательски дрожал, выдавая растерянность и беспомощность хозяина.

Напротив него, злобно вращая глазами, восседал глава горэнерго снабжения Виртухаев Юрий Кузьмич — его плоская антропоморфная аномалия, напоминающая попавшего под каток енота, все время спадала на пол, а он от этого жутко злился и ругался вполголоса скверными междометиями.

Тут же был и вездесущий Поранкин, который видным деятелем города вроде бы не был, но отчего-то всегда проявлялся на первом фланге животрепещущих событий. Рядом с ним притаился на стуле приятель Всеволод Пилотский. Они попали на собрание вдвоем по чистой случайности. Как люди, первыми проявившие инициативность в загадочной обстановке.

Врач Навельский, углубленный в толстенный том медицинской энциклопедии, шуршал страницами и тяжело вздыхал, всякий раз повторяя:

— Не понимаю! Не понимаю совершенно!..

Однако время шло, и нужно было что-то предпринимать.

Начальник УВД Сгнилюк, расхаживая перед собранием, нервно

шевелил своим серым длинным хвостом, похожим на многократно увеличенный крысиный, и, яростно жестикулируя, декламировал:

– Ситуация крайняя, господа! Вопиющая! Я подозреваю, что имеет место диверсия. Возможно, в ночь с тридцатого на первое террористы распылили некий газ и мы все.. Жители города.. Мы с вами.. попали под его действие!.. Нужно срочно сообщать в Москву. Немедленно!..

– Погоди ты с Москвой, – спокойно вздрогнул Подсидельников.

– А что? Что еще делать? Там специалисты. Авось разберутся...

– Свезут нас всех к чертовой матери в клинику и разберутся...

– Не надо драматизировать, товарищи, – попытался успокоить собрание окружной депутат Лоханкин, – у нас на дворе не сорок седьмой...

Хвост Лоханкина, жирный и короткий, похожий на батон стухшей докторской колбасы, грустно свисал со стула, на котором тот сидел.

– А вдруг и в Москве то же самое? – с ужасом предположил Сгнилюк.

– Исключено! Сейчас бы во всех теленовостях трубили, – отмахнулся активист Поранкин.

– А что, если это знак, – тихо предположил Пилотский.

Все посмотрели на него недоверчиво.

– Знак? – изумился Подсидельников. – Какой еще знак?

– Божественный, – пояснил Всеволод воодушевленно, – может, мы избранные?

– Избранные... – задумался глава города.

– Да! Может нам это дано, – вдохновенно демонстрируя свой изогнутый хвост, продолжал Пилотский, – как показатель того, что мы такое есть!

– То есть? Это как? – насторожился Сгнилюк.

– У всех ведь хвосты разные. Ни одного похожего нет! А о чем это говорит?

Навельский заинтересованно оторвался от чтения и уставился на оратора.

– О чем же? – спросил он.

– Хвост говорит о том, кто мы есть на самом деле! Показывает нашу внутреннюю суть! – выдал Всеволод.

В кабинете воцарилось молчание, и только было слышно, как дрожит тонкой пружиной хвостик предпринимателя Компликова.

– А ведь он прав! – воскликнул вдруг Подсидельников. – Как же я сам не понял! Совершенно прав! Каждому дан хвост по его заслуге.

И в подтверждение своих слов глава города горделиво скосился на выпирающий из-под его пиджака огромный, пятнистый подарок судьбы.

– Никуда ни о чем сообщать мы не станем. Но теперь перед нами стоит иная, более серьезная задача!..

* * *

Всю ночь высокое собрание корпело над разработкой таблицы хвостовой иерархии.

Хирург Навельский демонстрировал фотоснимки хвостов, выделяя особенности видов.

По всеобщему согласию было принято первое правило хвостовой градации: чем больше хвост, тем значительнее личность.

Возмутившегося при этом предпринимателя Компликова успокоили только вторым правилом – хвост, имеющий редкостно-отличительные характеристики, также может принадлежать только выдающемуся гражданину.

Пятнистость, характерный окрас, замысловатый орнамент – так же приписали к достоинствам индивида обладающего такого рода хвостом.

Отдельным пунктом собрание выделило хвостовую подвижность, температурные особенности и целостно-эстетический вид.

К утру положение о хвостах было готово, не хватало только самого главного.

– Я думаю, – заявил градоначальник, обводя взглядом изможденных за ночь совещателей, – что нам следует ввести более цивилизованное определение этому, так сказать... эээ... феномену.

– Вы о чем,? – удивился Навельский.

– Ну не назвать же нам данное богом преимущество уничижительным словом – хвост.

– Верно! – поддержал Сгнилюк, стегнув своим божественным подарком по паласу, как заправский пастух.

– Какие будут предложения, господа?

Воцарилось долгое молчание. Каждый из присутствующих глубоко задумался, погрузившись в тягучую тину размышлений всем существом, и нарушил эту вязкую тишину только радостный вскрик все того же Пилотского.

– Унидент! – пылая взором, изрек он.

– Как-как?

– Что за унидент? – возбужденно загудели голоса.

Все взгляды обратились к молодому приятелю Поранкина. Хвост Всеволода радостно ходил из стороны в сторону, и кисточка его нетерпеливо порхала за спиной юркой белкой.

– Уникальный идентификатор! Сокращенно – унидент! – пояснил он.

Собравшиеся переглянулись.

– А что, недурно, молодой человек, – похвалил Подсидельников. – Так тому и быть!

С этим собрание разошлось по домам, а ближе к вечеру на городской площади крайне взволнованному неожиданной хвостатостью народу руководство зачитало новое постановление – «О Унидентах».

И жизнь в Н-ске с этого момента изменилась кардинально...

* * *

В течение следующего месяца с высоких постов полетели вниз по номенклатурной лестнице индивиды, чьи хвосты не соответствовали требованиям нового постановления. Бизнесмены, владельцы предприятий и контор, имеющие среднестатистические униденты, также были низвергнуты общественностью, а на их места водворялись те, кому божественное проявление подарило хвосты более внушительных

размеров и отличительно выгодных окрасов.

Подсидельников, чей хвост, без сомнения, был самым выдающимся в городе, воодушевленный переменами и ажиотажем вокруг новых веяний, пустил в ход законопроект, следуя которому — всякий гражданин, чей хвост особенно уникален, имеет право на любую должность, соответствующую его униденту, а также обязан получать городскую субсидию в размере пяти минимальных окладов ежемесячно.

С позором был уволен директор трикотажной фабрики Н-ска Жмурафкин Петр Арнольдович, когда обнаружилось, что его хвост представляет собой жалкую, непримечательную закорючку, которую и хвостом-то назвать было бы смешно.

Его место занял молодой начинающий сотрудник Мормышкин, унидент которого имел длину два с половиной метра, а кончик его венчался шишкоподобной погремушкой, как у ядовитой змеи.

Расстановка сил в управленческом аппарате города также претерпевала изменения с каждым новым днем.

Старых, закаленных бюрократов сменяли новые, имея неоспоримые хвостовые преимущества.

Сметая своими мощными хвостами всех среднехвостовых конкурентов, к вершине успеха поднимались те, кто еще недавно был на самом дне социального признания.

Подсидельников уже и сам был не рад новому положению вещей. Теперь его сплошь окружали бездельники и откровенные идиоты, пролезшие в высшие эшелоны власти благодаря новым мерилам достоинств.

Экономика города отчего-то неумолимо шла на убыль. Повысился процент алкоголизма, а с ним уменьшилась и рождаемость.

Почти каждый день в городе обнаруживался новый, незарегистрированный до этого гражданин, чей хвост имел все прописанные в новом постановлении преимущества. И снова для такого обладателя исключительного унидента прихо-

дилось подыскивать местечко по теплее.

Но самое страшное событие произошло 17 декабря, спустя два с половиной месяца с тех пор, как граждане города обзавелись хвостами.

Утром в квартире Подсидельникова раздался телефонный звонок. Это был Сгнилюк, которого тоже неприятно коснулись перемены. Теперь он уже не был начальником УВД, а всего лишь состоял руководителем отдела тяжких преступлений.

Его место занял молодой хамоватый работник Выхухрев, в прошлом средней руки оперативник, которого небезосновательно подозревали во взяточничестве и прямых связях с преступными элементами.

Но его хвост — жирный, с изумрудной прожилкой и боковыми рельефными крылышками — беспрепятственно смахнул Сгнилюка с высокого поста.

Голос бывшего милицейского босса был встревожен. Говорил он отрывисто и неразборчиво, словно боялся, что телефон стоит на прослушке.

— Степаныч, — говорил тот сквозь шум помех, — срочно бери машину и дуй на площадь!

Подсидельников спросонья, изумленный такой фамильярностью, строго кашлянул в трубку.

— Ты что, пьян? Ты в своем уме? — грубо ответил он.

— Гони, говорю, на площадь, дурак! Тут такое...

Но вдруг связь оборвалась и из трубки поплыли жалобные гудки.

— Да что это с ним стало? Обнаглел, падла! — сотряс воздух разбуженный чиновник.

Однако что-то екнуло в сердце градоначальника нехорошим предчувствием, и он, водрузив на руки свой огромный унидент, побрел одеваться.

Центральная площадь Н-ска кишела людьми. Сотни хвостов нетерпеливо шевелились среди людской массы, будто в ожидании чего-то сверхъестественного. В воздухе зрело предчувствие перемен.

Зимний день выдался на редкость ясный. Ни облачка не было в небе, ни тучки, лишь дул порой, обжигая кожу, слабый, тревожный ветерок.

Подсидельников остановил свой «Мерседес», важно вылез из него и, торжественно неся перед своим носом хвост на руках, двинулся к трибуне.

Уже издали увидел он, что на почетном возвышении столпилось множество людей. Среди них были и чиновники, и милиция, и городская финансовая элита. Был там и активист Поранкин с неразлучным приятелем Пилотским. И оповестивший его Сгнилюк.

Были все.

И все они вертелись вокруг одного кого-то, но кого — Андрей Степанович разглядеть издали не сумел.

Взобравшись на трибуну, Подсидельников, распахивая столпотворение, протиснулся в центр, и глазам его открылся наконец тот, кто и был виновником людского безумства.

Окруженный сияющими взглядами горожан, на гранитном возвышении стоял человек в грязном полушубке с открытой нечесаной головой, и улыбка его сияла серебристым металлом в лучах солнца, как жемчужное кольцо на груди выцветшей древней старухи.

Но не это заставило душу Подсидельникова сжаться жалким комком, не ослепительно-отвратительная улыбка незнакомца окатила ледяным ужасом главу города. И не грязный его, вьющийся на ветру чуб.

Убил. Уничтожил. Да что там — стер с лица земли его — космического масштаба хвост неизвестного. Это был не хвост даже, а живое воплощение великой китайской стены. Ожившая и приросшая к человеческому телу бесконечная горная гряда. Антарктическая снежная глыба!

Сиял он всеми огнями и вился по трибуне драконом, словно танцевал тайный магический танец. И все смотрели на него восторженно и опьяненно. А из сотен раскрытых

ртов восходил к небу струйками белесый пар подобострастья.

И хвост струился по трибуне, и изгибался причудливо, и замирал, и вскидывался ввысь, и окрас его, как калейдоскоп, то и дело менял рисунки и цвета.

В сравнении с этим великолепием унидент Подсидельникова казался протезом, ущербной стоптанной деревяшкой против молодой мускулистой ноги фигуриста.

И он понял все. Понял все сразу. Из рук его выпал тяжелый, желтый, в черных пятнах хвост, в глаза градоначальнику ослепительно ударило начищенное морозным воздухом светило, и он, схватившись ладонью за сердце, повалился наземь.

Когда Андрей Степанович пришел в себя, то увидел первым делом лицо Сгнилюка — красное и напуганное. Лицо заморгало, разомкнув рот, произнесло:

— Жив

Но Подсидельников не ответил, а только, слабо приподняв руку, указал в сторону, где, купаясь в любви толпы, игрался хвостом омерзительный неизвестный и спросил слабо:

— Кто он? Откуда?..

— Да пес его знает, бродяга какой то... Шаболда без дома, без адреса...

— Боже...

— Так он теперь твое место занял. Народ избрал, — горько усмехнулся милицейский чин, — согласно постановлению...

* * *

Вечером того же дня, вослед уходящему на сон солнцу, шла по снежному ровному одеялу прочь от города сутулая фигура бывшего градоначальника. А за ним шли еще несколько фигур. И все они влачили за собой свои хвосты, как несут осужденные за тяжкие преступления опостылевшие им кандалы, и только по снегу тянулись за ними длинные, глубокие борозды, которые тут же заметала ледяной пылью нещадная, злая вьюга...

ВЫДРИНА-РУБИНСКАЯ Анна Ильинична, авт. воспоминаний.

Член Московского социал-демократического союза учащихся средней школы. «Воспоминания о рев. движении и социал-демократической организации учащихся г. Москвы в 1905-1908 гг.» — «Комс. летопись», 1927. № 5\6. С.67-84.

ИДРДВ. Т.4. Ч. 2. № 3372.

ВЫРУБОВА Анна Александровна (урожд. Танеева; 1884 — 1964), автор мемуаров.

Дочь А.С.Танеева, обер-гофмейстера и главноуправляющего канцелярией имп. Николая 11. Фрейлина и ближайшая подруга императрицы Александры Федоровны. В 1917 была арестована Временным правительством, посажена в тюрьму Свеаборгской крепости в Гельсингфорсе. В 1920 или в 1919 бежала с матерью из Петграда в Финляндию. До 1939 г. жила в Выборге и Гельсингфорсе. В 1939 бежала в Швецию, но через несколько месяцев вернулась в Финляндию. С трудом передвигалась. Выжить помогло рекомендательное письмо маршала Маннергейма. Последние годы жила в Хельсинки. Тайно постриглась в монахини, выполнив обет, данный перед побегом из России. Оставила воспоминания «Страницы из моей жизни». Берлин, 1923. В прилож.: письма А.А.Вырубовой к родителям; удостоверение, выданное А.А.Вырубовой Чрезвычайной следственной комиссией. «Страницы...» напечатаны также в изд. «Русская летопись (с 1917 года)». Кн.4. Париж, 1922 с прилож. писем Высочайших особ к А.А.Танеевой (Вырубовой). Ее заметки о государе императоре — «Государь император Николай 11 Александрович: Сб. памяти 100-летия со дня рождения». Нью-Йорк, 1968. Мемуары В., опубликованные в «Минувших днях», как выяснилось, не принадлежат ее перу, а написаны А.Н.Толстым совместно с П.Е.Щеголевым. «Дневники и воспоминания Анны Вырубовой». М., 1991. «Неопубликованные воспоминания» // Новый журнал. 1978. №№ 130-131. Написала книгу «Фрейлина Ее Величества. Интимный дневник и воспоминания» (Рига, 1923).

Книга рус. зарубежья; РРЭВД. 1; ЛЗР.

ВЫСОЦКАЯ Мария Николаевна, переводчица.

Член об-ва драматич. писателей. Переводила с франц. (1880-е гг.). Венгеров. Источ.

ВЫСОЦКАЯ Станислава (1878 — 1941), авт. воспоминаний.

Польская актриса, режиссер, педагог. «Мои воспоминания» пер. с польск. в кн. «Станиславский». М., 1963. С.255-260. ИДРДВ. Т.4. Ч.4. № 8256.

ВЫСТАВКИНА Екатерина Владимировна (урожд. Бровцына; по второму мужу Галлоп; 1877 — 1957), прозаик, переводчица.

Жила в Москве и за границей. Сotr. в журн. «Рус. бог-во», «Рус. мысль», «Жен.

(Продолжение в следующем номере)

дело», «Семья и школа» и др. Автор произв. для взрослых и детей, посв. преимущ. тем воспитания и положению женщины в семье и обществе. Наиболее значит. произв. В. — ром. «Амазонка», публикации которого содейств. В.Г.Короленко. Как поэтесса-переводчица В. участв. в сб. «Поэзия Армении с древнейших времен до наших дней в перев. рус. поэтов...» (М., 1916). Фант. пьеса В. «Красный колпачок» удост. премии на конкурсе дет. пьес. После 1917 заним. гл. обр. переводами. Пер. с нем. кн. Д.Тарда «Преступник и преступление» под ред. М.Н.Гернета и с предисл. Н.Н.Полянского. М., 1906. Жила в эмиграции, в Берлине, переиздала там свой ром. «Амазонка» (1923) — рец.: Василевский И. // Накануне. Лит. неделя. 1923. № 51, 6 мая. С.7-8.

Рус. писатели; Масанов; Гуль. 1; Алексеев А.Д.; ЛЗР.

ВЫШЕГРАДСКАЯ (Вышнеградская) Софья Ивановна (?), поэтесса (1905).

Упом. в кн.: Мороз Д.П. Читая прошлой страницы. Минск. 1989. С.97.

Венгеров. Источ.

ВЭР-ЧИСТЯКОВА Е.

(См. Чистякова Е.)

ВЯЗЕМСКАЯ Вера Федоровна (урожд. кн. Гагарина; 1790 — 1886), авт. воспоминаний.

Жена П.А.Вяземского, поэта, лит. критика, друга А.С.Пушкина. «Рассказы о Пушкине, записанные П.И.Бартеневым» (в соавт. с П.А.Вяземским). — «Пушкин в воспоминаниях современников» В 2 тт. М., 1985. Т.2. С.177-184.

ИДРДВ. Т.5. Ч.1. № 64.

ВЯЗЕМСКАЯ Любовь Орестовна (1869 — ?), авт. воспоминаний.

Начальница частной женской гимназии (Л.О.Вяземской). «А.Ф.Гатлих как организатор средней школы» — в подборке воспоминаний «Памяти А.Ф.Гатлиха». — «Математическое образование», 1913. № 3. С.112-116.

ИДРДВ. Т.4. Ч.3. № 4854.

ВЯЗЕМСКАЯ Мария Аркадьевна (урожд. Столыпина, по первому мужу Бек; 1819 — 1889), авт. дневника и путевых заметок.

Княгиня, жена историка, литератора и дипломата П.П.Вяземского. Дневниковые записи, письма и путевые заметки В., а также письма к ней П.А.Вяземского, В.А.Жуковского, Е.Н.Карамзиной (см), Д.А. и Н.А.Столыпиных, С.Д.Шереметева и др. — в ЦГАЛИ.

ВЯЛОВА Л.Н., авт. воспоминаний.

Учительница нач. школы в Костроме. «Страничка воспоминаний» в кн. «М.Горький на родине». Горький. 1937. С.331-332.

ИДРДВ. Т.5. Ч.1. № 1218.

ВЯТСКАЯ Софья

(См. Мановская, Софья)

A black and white photograph of an astronaut in a white spacesuit working on the exterior of a space station. The astronaut is positioned in the center, facing away from the camera, with their arms raised as they work on a complex structure of metal beams and equipment. The background is the dark void of space, with the curved horizon of the Earth visible at the bottom. The lighting is bright, highlighting the intricate details of the station's structure and the astronaut's suit.

Сергей КАЗАНЦЕВ,
член Федерации космонавтики СССР с 1987 года

Далекое - близкое

РЕКА ВРЕМЕНИ

Первый, второй...

Кажется, у В.Каверина вычитал такую мысль: все помнят, что Блерио первым перелетел Ла-Манш, но никто не знает, кто был вторым пилотом, повторившим этот путь. А ведь второму пришлось ничуть не легче... Так ли это?

Всё понятно с первенством в спорте: прибежал на одну сотую секунды позже — занимай ступеньку пониже на пьедестале почёта, ты — второй; набрал в сумме баллов на одну десятую больше, чем остальные, — ты победил, ты — первый. Первый в спорте всегда хоть чуточку, да сильнее второго. Если второй прибавит усилий, он может стать первым.

Но есть рекорды, где слово «первый» отдано раз и навсегда одному человеку: первый апостол, первый император, первый изобретатель, скажем, велосипеда, радио и т.д., первый пилот, первый космонавт, причем последнее звание — неоспоримо. В подобных категориях, в отличие от спортивных рекордов, второй уже никогда не сможет стать первым — до него подвиг совершён, достижение зафиксировано. В самом чистом виде такое первенство, на мой взгляд, проявляется в самой молодой сфере человеческих рекордов — в космонавтике.

Как-то раз, выступая перед школьниками с лекцией по истории космонавтики (моя специализация в ФК СССР), чтобы расшевелить подростков, я устроил им мини-викторину. «Кто, — спрашиваю, — первым взлетел на ракете?». «Гагарин!» — кричат. «Нет, — срезаю, — китаец! А кто первым поднялся в космос?». «Гагарин», — отвечают уже менее уверенно. «Ну да! — говорю. — Цыган! А кто первыми облетели Луну и вернулись на Землю?». Тут уж только самые продвинутые выдвигают версию: «Американцы?». «Не всё им Масленица, — ворчу я. — Казашки!». И дети в шоке. Начинаю разяснять. 1) В 1500 году китайский мандарин (типа — губернатор) Ван Гу велел обвязать свой трон порохowymi ракетами, уже давно применявшимися в Китае для фейерверков, и попытался взлететь на небо. 47 ракет нехилого диаметра забросили первого ракетного пилота довольно высоко, заодно поджарив его до хрустящей корочки. 2) Геофизические ракеты в СССР еще в 1949 году поднимались далеко за пределы атмосферы, до 110 километров. 22 июля 1951 года на ракете Р-1В суборбитальный космический полёт совершили пёсики Цыган и Дезик, благополучно после этого приземлившись. 3) В сентябре 1968 года наша автоматическая межпланетная станция (АМС) «Зонд-5» облетела Луну, имея на борту нескольких казахстанских черепашек, они успешно выдержали дальний рейс и вернулись в родную степь живыми. Напомню, что американские астронавты облетели Луну тремя месяцами позднее, на корабле «Аполлон-8», причем, как они признали сами, по орбите, которую еще в 30-е годы рассчитал российский уче-

ный Юрий Кондратюк (настоящее имя — Александр Шаргей, во время Гражданской войны он был призван в Белую армию, ранен в бою и, чтобы спастись, взял солдатскую книжку убитого красноармейца, под его именем жил дальше, выучился и стал одним из пионеров отечественной космонавтики).

Первенство Юрия Гагарина в космических полётах американцы пытались оспорить. Нет, не в пользу своего астронавта, — удавшиеся пилотируемые запуски были у всего мира на виду. Пропагандисты из США утверждали, что до Гагарина русские осуществили несколько ракетных стартов, окончившихся катастрофами. В зарубежной печати назывались конкретные фамилии погибших и покалеченных советских космонавтов, якобы пытавшихся штурмовать космос до Гагарина: Лодовский, Бондаренко, Ильюшин. Первая фамилия оказалась сплошным вымыслом. Валентин Бондаренко действительно состоял в первом отряде космонавтов СССР и погиб при пожаре в барокамере на земле за две недели до гагаринского полёта. Сын знаменитого советского авиаконструктора Ильюшина даже не был записан в отряд космонавтов, но, находясь на лечении после неудачного испытательного полета на новом самолете, попал на костылях в поле зрения недобросовестных западных журналистов, которые тут же раструбили на весь свет о его участии в несчастливом космическом старте. И всё же действительно существует субъект, который выходил на околоземную орбиту на корабле «Восток» до Юрия Алексеевича, звали его Иван Иванович. Это был манекен, облепленный датчиками, усаженный в реальное кресло пилота реального космического корабля «Восток», каковых было запущено до официально названного «Востока-1» аж пять, с собачками на борту, а два последних и с макетами человека. Кстати, когда запускали «Ивана Ивановича», как называли его испытатели космодрома Байконур, кто-то спохватился: а вдруг первыми к приземлившемуся спускаемому аппарату подбегут не спасатели, а простые люди, они увидят «хладный труп» и разнесут слух о «катастрофе». Тогда нашли простейший выход — под прозрачное забрало шлема космического скафандра засунули наспех вырванную картонку с корявой надписью: «Манекен».

Американцы изо всех сил, надрываясь, пытались опередить русских в космической гонке в конце 1950-х — начале 1960-х годов. Но им пришлось довольствоваться лишь вторыми ролями (не удивительно, что в этом состоянии обиды они обрушили на всю планету мощную пропагандистскую кампанию, дискредитирующую космические достижения СССР). А я считаю, им здорово повезло, что они шли вслед за нами вто-

Об авторе: Сергей Иванович Казанцев — член редакционного совета журнала «Уральский следопыт», в штате редакции работал с 1987 г. ответственным секретарём, а после безвременной смерти В.И. Бугрова — зав. отделом фантастики. За материалы по истории отечественной космонавтики, опубликованные в «Уральском следопыте», награждён медалью имени Ю.А. Гагарина ФК СССР.

рыми. Второму (поспорю с писателем Вениамином Кавериным) всегда легче, чем первому. И в плане материальном — можно улучшить конструкцию, с которой помучался первопроходец, и в плане психологическом — первый доказал, что совершённое им — в рамках человеческих сил.

К примеру, перед полётом Гагарина наши теоретики космоса всерьёз задумались над проблемой: а не сойдет ли первый космонавт с ума, когда перед ним откроется картина необъятной Вселенной, какую никто из землян еще не пытался воспринять своим слабеньким мозгом. Теория — теорией, а практики из ЦК КПСС, курирующие космическую программу (одним из главных среди них был Л.И. Брежнев), тут же уловили главную опасность: сошедший с ума пилот «Востока», уподобясь камикадзе, может ведь направить пятитонный корабль и на Кремль! Чтобы исключить такую возможность, придумали кодовый замок на ручном управлении — кнопки с цифрами, как домофон. Набрать шифр на замке сумасшедший якобы не сможет. Для утверждения этого шифра была создана специальная правительственная комиссия. Один из ее членов, тренер космонавтов, летчик-испытатель Марк Галлай позже признался в своей книге: он, зная, что при аварийной ситуации (а только тогда на первом «Востоке» могло потребоваться ручное управление) счет идет даже не на секунды, а на десятки доли секунды, понял, что может случиться ужасное, пока космонавт вскрывает конверт с шифром... И он вечером перед стартом тайком подошел к Гагарину и прошептал: «Юра, код замка — 125». Гагарин молча улыбнулся. Галлай только позднее понял смысл его улыбки: до этого его страшного нарушения государственной тайны все остальные члены комиссии по шифрованию поодиночке называли Гагарину три спасительные цифры.

Так вот, американцы, разрабатывавшие подобную «защиту от дурака», увидев, что первый в мире космонавт остался в здравом уме, отказались от этой системы в своих космических кораблях. Понятно, им, вторым, было легче!

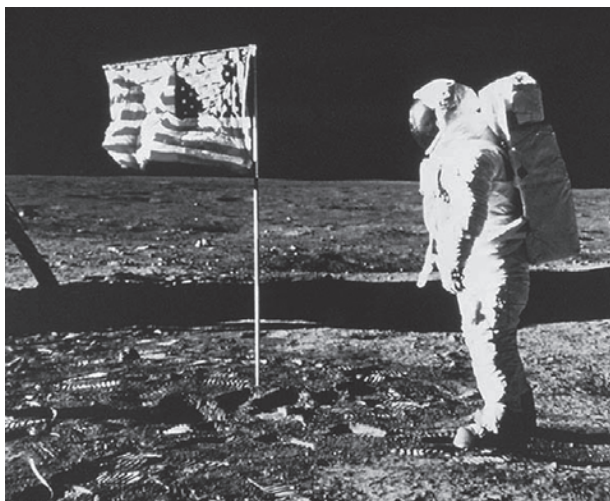
Аналогичный пример можно привести в связи с первым выходом в открытый космос. Когда этот подвиг совершил 18 марта 1965 года Алексей Леонов, выплыв в космическое пространство из шлюзовой камеры корабля «Восход-2», у него возникла тяжелая проблема с возвращением в кабину: шлюзовая камера стала ловушкой, не пропускающей космонавта в залубеневшем скафандре к люку, за которым ждал его напарник — Павел Беляев. Ситуация создалась критическая, почти смертельная. Много позже, уже во времена гласности, журналисты раскопали секретную инструкцию командиру корабля Беляеву: в случае, если Леонов не сможет вернуться в кабину, застрелить его из табельного «Макарова», чтобы недолго мучался. Когда об этом прямо спросили Леонова, тот факт существования подобного приказа не опроверг, а почти подтвердил, заявив: «Паша никогда бы этого не сделал!». Леонову тогда удалось с невероятными

усилиями извернуться в капкане шлюза и протиснуться в кабину. В частной беседе Алексей Архипович признался мне, что после этого сапоги его скафандра были залиты потом до колен...

Так вот, американцы (вторые!) учли и этот опыт. Их астронавты совершили первый выход в открытый космос уже без шлюза: в июне того же 1965 года, то есть опять же через три месяца, Эдвард Уайт просто открыл боковую дверцу-люк корабля «Джемини-4» и вылез в вакуум прямо с сиденья, как вышел бы на Земле из автомобиля.

Американцы бились за первенство в освоении космоса только до запуска первого спутника, а после этого пошли вслед за русскими по проторенной ими дороге, сэкономив при этом немало умственных усилий и материальных средств. Запуск первого спутника был самым престижным достижением в космической биографии любой страны. И США здесь едва не опередили СССР. Наши руководители космической программы планировали вывести на орбиту первый в истории Земли искусственный спутник к празднику — 40-летию Октябрьской революции, т.е. к 7 ноября 1957 года. Но разведка доложила, что американцы также готовят нам «подарочек» к главному советскому юбилею — вот-вот взлетит их спутник. Наш Главный конструктор С.П. Королёв нашёл остроумный способ опередить заокеанских конкурентов. Уже прошли испытания баллистические ракеты, способные доставить атомную бомбу через космос в другое полушарие Земли. Не секрет, что космическая программа СССР имела ярко выраженный милитаристский акцент, а Королёв, напротив, мечтал о скорейшем гражданском освоении околоземного пространства. Он предложил использовать военную ракету, зарядив ее вместо бомбы «штатским» спутником. Вот почему наш Первый спутник, выведенный на орбиту 4 октября 1957 года, имел параметры атомной боеголовки — более полуметра диаметром. Первый спутник США, запущенный 1 февраля 1958 года (через 4 месяца), был размером с апельсин, его так и называли создатели: «Апельсинчик», хотя официально он вошел в историю с именем «Эксплорер». Правда, в нашем Первом, оболочка которого представляла собой макет атомной боеголовки, разместился в центре пустой сферы только один прибор — двухчастотный радиопередатчик, провозгласивший на всю планету своим знаменитым «Бип-бип!» открытие космической эры человечества. Кстати, сделан был этот передатчик в Свердловске-Екатеринбурге, на 626-м радиозаводе (вошедшем ныне в состав НПО автоматики), под руководством академика Н.А. Семихатова и главного конструктора В.А. Внучко. Первый спутник находился на орбите до 4 января 1958 г. и возродился в 1997 году, когда в честь 40-летия космической эры с борта орбитального комплекса «Мир» был отправлен в околоземное плавание точный макет ИСЗ № 1.

Американцы опередили нас на следующем этапе — они первыми высадились на Луне. При этом первым земным аппаратом, достигшим поверхнос-

ти вечной спутницы нашей планеты, была советская «Луна-2», 14 сентября 1959 года (т.е. за 10 лет до «Аполлона-11») попавшая в Луну, как пуля в «яблочко», (а «Луна-1» промахнулась). Однако и здесь мы могли быть «впереди планеты всей»: лунная программа СССР планировала пилотируемый полёт на 1968 год, и первым человеком, ступившим на Луну, мог стать тот же Алексей Леонов. Увы, увы, никак не хотела взлетать «лунная» ракета-носитель Н-1; в 1966-м умер «романтик межпланетных сообщений» С.П. Королёв, а новое руководство космического ведомства выдвинуло в духе того времени приземлённый лозунг: «Космос — на службу народному хозяйству», не приветствуя полёты дальше околоземной орбиты; в начале 1968-го разбился Гагарин — один из центральных участников лунной программы, в итоге эта программа была свёрнута, а потом и вовсе закрыта. Американцы же объявили высадку на Луну, как у нас сказали бы сегодня, приоритетным национальным проектом, выделив на его обеспечение 20 миллиардов долларов (в расценках начала 60-х годов — это безумно много). Чуть ли не вся страна работала «на Луну» — и вот результат: 20 июля 1969 года командир корабля «Аполлон-11» Нил Армстронг отпечатал первый человеческий след на скользкой лунной поверхности, — как оказалось, лунная пыль состоит из миллионов стекловидных микроскопических шариков, на которых нога астронавта скользит, как на льду.

После этого советское «космическое» руководство заявило, что, мол, не больно-то и хотелось, ничего интересного на Луне нет, СССР будет изучать Луну автоматическими аппаратами. И через год после экспедиции «Аполлона-11», в сентябре 1970-го, станция «Луна-16» притащила на Землю образцы лунного грунта, подобные тем, что собирали американцы в 1969-м. А в ноябре по Луне поехал «Луноход-1», окончательно заменив собой живого россиянина: до сих пор Россия не послала человека на Луну. Правда, в последнее время наметилось будущее сотрудничество РФ и США в подготовке новых лунных пилотируемых экспедиций, но все равно придется подождать еще лет десять, не менее. Надо также отметить, что в ходе прошлого активного исследования Луны СССР

и США честно обменивались результатами своих изысканий, в частности, первыми образцами лунных пород обменялись сразу же. Не случайно, а явно по уговору американские астронавты и советские автоматические станции «прилунились» всегда в разных местах, чтобы расширить «селенографию» исследований. Так что старая байка о том, что американцы украли с Луны наш «Луноход», лишена оснований, астронавтов США там и близко не было. Да и зачем им наша «кастрюлька», когда в одно время с работой «Лунохода» американцы разъезжали по Луне на «луноmobile» «Ровер».

...Вернёмся, однако, к теме, заявленной в начале моего исторического обзора. Я все-таки соглашусь с писателем Кавериным в том, что вторых тоже знать необходимо. Посмотрим, как выглядит рейтинг «первый, второй» в рамках всемирной истории.

Итак, первый искусственный спутник Земли — наш. Второй — тоже наш, запущен 3 ноября 1957 года с собакой Лайкой на борту. Таким образом, первый орбитальный космический полёт земного живого существа — также за нами. (Вторым животным в космосе стал макака Сэм, который совершил, правда, суборбитальный полёт 4 декабря 1959 года на макете корабля «Меркурий» США). Американский «Эксплорер» стал третьей «железякой» за пределами нашей планеты. Причем, именно железякой, мёртвым металлическим шариком, не снабжённым ни одним прибором.

Первый космонавт, неоспоримо, — наш, Юрий Гагарин. Вторым, через три недели, поднялся в космос астронавт США Алан Шепард, но он не сделал ни одного оборота вокруг земного «шарика», совершив суборбитальный полёт. Три витка вокруг Земли 20 февраля 1962 года сделал Джон Гленн на «Меркурии-6», но и тут не побил рекорд Германа Титова, который до этого, 6-7 августа 1961 года, на «Востоке-2» накрутил 17 орбитальных витков. (К слову, А. Шепард, которого все-таки можно считать первым астронавтом США, через 10 лет после своего «ненастоящего» полёта побывал на Луне в составе экипажа «Аполлона-14»; нашему «первому», Юрию Гагарину, который мечтал о лунной прогулке и был включен в состав советского лунного отряда, так не повезло...)

О первых выходах в открытый космос нашего А. Леонова и американца Э. Уайта я уже рассказал. О первом облёте Луны на «Аполлоне-8» — тоже. (А сейчас не удержусь и сделаю небольшое лирическое отступление. Меня восхищает дисциплинированность бригадного генерала ВВС США Томаса Стаффорда, командира корабля «Аполлон-10», который при очередном пристрелочном облёте Луны опускался уже в лунном модуле почти к самой ее поверхности. Чуть шевельни ручкой управления — и сел. И ты — первый человек на Луне. А победителей не судят. Я бы не смог удержаться. А он — смог.)

Вторым землянином, ступившим на Луну, был напарник Н. Армстронга по экипажу «Аполлона-11» Эдвин Олдрин. В данном случае первого и второго разделяли всего несколько минут. Считаю, что в этом

подвиге они равнозначимы, как сиамские близнецы, оба одновременно подвергались одинаковой неизвестности и опасности. Поэтому предлагаю всем настоящим и будущим историкам освоения космоса человечеством не разрывать эти два имени.

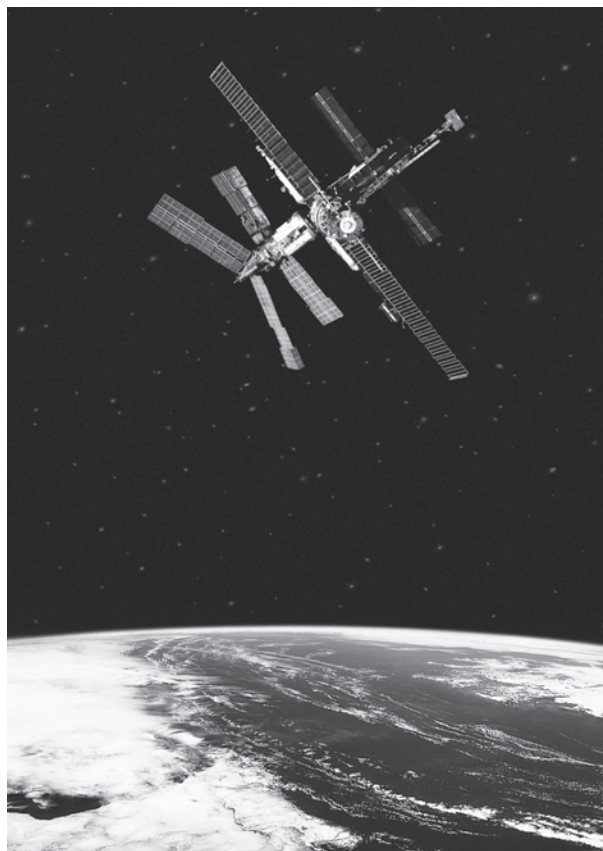
Первая женщина в космосе — наша, Валентина Терешкова («Восток-6», 16-19 июня 1963 г.). Вторая — тоже наша, Светлана Савицкая («Союз Т-7» — станция «Салют-7», 19-27 августа 1982 г.). У американцев «первая» была уже третьей в мире — Салли Райд (шаттл «Челленджер», 18-24 июня 1983 г., т.е. ровно через 20 лет после полёта Терешковой).

К слову, первой космонавткой планеты могла стать наша землячка Ирина Соловьева, выпускница УПИ, дублёр Терешковой. Правительственная комиссия выбрала Валечку, очевидно, за знаковые черты биографии: из ивановских ткачих, комсомольский секретарь, короче — «красавица, комсомолка»... но не спортсменка, увы, по сравнению с мастером спорта международного класса по парашюту Соловьевой. В результате полёт первой «Чайки» протекал совершенно ненормально, очень болезненно, с тошнотой и рыданиями. Известна историческая фраза С.П. Королёва, в сердцах брошенная после посадки «Востока-6»: «Ну, бабам в космосе делать нечего!». Больше из первого женского отряда космонавтов никто не летал. Но расформировали его только в 1968-м, уже после того, как Соловьева готовилась стать командиром несостоявшегося «Восхода-3» с выходом в открытый космос, затем тренировалась вместе с так и не летавшими четырьмя коллегами-подругами для работы на орбитальной станции «Салют»...

А первой женщиной, осуществившей выход в открытый космос, стала С. Савицкая во время своего второго полёта на станцию «Салют-7» в июле 1984 года. У американцев же в сентябре этого года полетела вторая женщина-астронавт — Джудит Резник, на «челноке» «Дискавери», а первый в США женский выход в космос из «Челленджера» совершила в октябре 1984-го Кэтрин Салливан. Потом американцы намного обогнали нас по числу космических героинь. Зато наша третья и пока последняя россиянка-космонавтка Елена Кондакова дольше всех в мире из женщин находилась на орбите — 169 суток на борту станции «Мир» в 1994 году.

Первая пилотируемая орбитальная станция — наша, «Салют», запущенный в космос 19 апреля 1971 года и принявший первый экипаж в июне на 24 суток. Первый экипаж американской орбитальной станции «Скайлэб» работал 28 суток в мае-июне 1973 года, т.е. двумя годами позднее, но это ни о чем не говорит, т.к. американцы запустили свою «космическую лабораторию» только после того, как завершили лунную программу полётом «Аполлона-17» в декабре 1972-го.

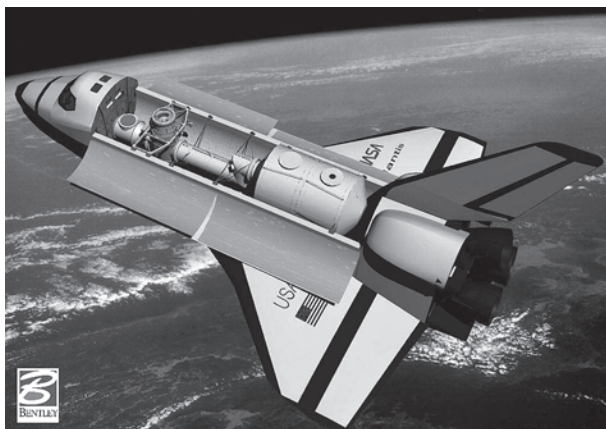
Интересно, что о единственном эпизоде работы экипажа на второй нашей станции — «Салют-3» (запуск № 2 не удался) известно немного: полёт был строго засекречен, т.к. проходил по военной програм-

ме. Говорят, сама наша вторая станция имела совсем иной облик, по сравнению с первой, разрабатывалась в другом конструкторском бюро, предназначалась для активного участия в «звёздных войнах» и даже в официальных документах называлась по-другому — «Алмаз» (в американской версии — «Скайфорте-ресс» — «космическая крепость»). Всего два экипажа в 1976-77 годах приняла станция «Салют-5» («Алмаз-2»). Все остальные «Салюты» (4, 6, 7), а также «Мир» были «гражданскими», принадлежали не военным, а «научникам». А что же «Алмазы»? Признаюсь, я даже в личных беседах с космонавтами так и не смог выяснить, что с ними случилось: признан ли был проект неудачным, а может, перезасекреченные до беспредела, они всё ещё летают над планетой, нацелив лазерные пушки туда, куда надо. Не знаю, военная тайна.

У американцев второй станции как таковой просто не было. По одной простой причине: они начали запускать регулярно космические «челноки», в которых грузовой отсек периодически превращался в орбитальную научную лабораторию. А размеры грузового отсека «шаттла» таковы, что туда можно положить нашу станцию «Салют», и створки люка при этом спокойно закроются. (Это ещё к слову о том, смогут ли американцы в случае «звёздной войны» снимать с орбиты все наши военные спутники, включая автоматические «Алмазы». Ещё в 1984 году экипаж «Дискавери» впервые снял с орбиты и увёз для ремонта на Землю два американских спутника связи.)

Первая мягкая посадка автоматической межпланетной станции на Луну — наша («Луна-9», 3 февраля 1966 г.; американский «Сервейор» — 1 июня 1966 г.).

Аналогично на Венеру — наша («Венера-7», 15 декабря 1970 г.). Американцы на планету любви и не свалились, сразу избрав приоритетом достижение «военной» планеты — Марса. Не тут-то было: первая мягкая посадка на Марс — наша! Это сделала АМС «Марс-3» 2 декабря 1971 года. Американские «Викинг-1» и «Викинг-2» «примарсилась» уже в начале 1976 года, зато первыми транслировали на Землю цветные панорамы оранжевой пустыни «красной планеты», чем немало разочаровали романтиков-землян, страстно желавших положительного ответа на сакраментальный вопрос: «Есть ли жизнь на Марсе?». Увы, такое же разочарование принесли однопланетникам россияне, первыми предъявившие мировой общественности фотоснимки поверхности Венеры, которые сделали АМС «Венера-9» и «Венера-10» в октябре 1975 года. Надежды фантастов найти на младшей соседке «парк юрского периода» с динозаврами не оправдались. Настоящим лицом сияющей на земном небосклоне голубой красавицы оказались голые, раскаленные до 200 градусов камни.

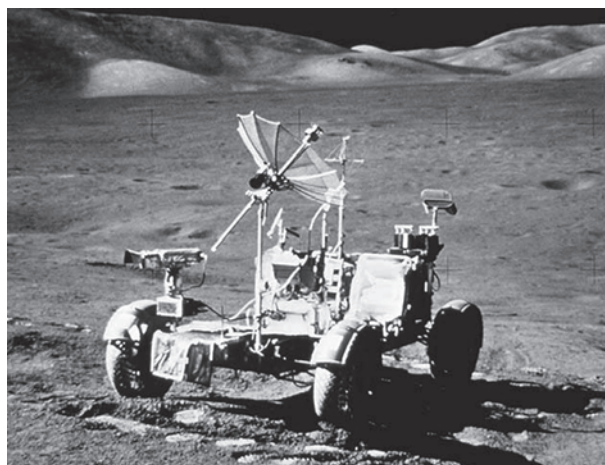
Американцы были первыми в неприцельном «забрасывании» автоматических зондов в дальний космос. Стартовавшие с околоземной орбиты в 1972-73 годах «Пионер-10» и «Пионер-11», в 1977 году «Вояджер-2» и «Вояджер-1» (именно в такой последовательности: «В-2» 20 августа, «В-1» 5 сентября) уже давно выскочили за пределы Солнечной системы, пройдя мимо пояса астероидов, Юпитера, Сатурна, Урана, Нептуна и Плутона и передав немножко информации об этих планетах и их спутниках. Теперь они летят в межзвёздной пустоте, а их запускатели надеются, что эти творения рук человеческих когда-нибудь выловят инопланетяне и поймут, что на Земле есть высший разум (и в корне ошибутся?).

Американцы первыми в мире начали запускать в космос корабли многоразового использования — «спейс шаттлы» — «космические челноки» (первый запуск — 12 апреля 1981 года, в день 20-летия полёта Ю.А. Гагарина, символично! — МТКК «Колумбия», экипаж: Джон Янг, Роберт Криппен). Не слишком много раз удалось им использовать каждый «челнок», а некоторые даже слишком немного. Сегодня сами американцы признают, что оказалась более выгодной российская схема доставки людей и грузов на около-

земную орбиту посредством одноразовых кораблей «Союз» (пассажирский) и «Прогресс» (грузовой). На них-то они в последние годы катаются и отправляют посылки на международную космическую станцию (МКС) «Альфа» чаще, чем на своих «шаттлах».

А между прочим, идея космического «челнока» родилась в России, еще Сергей Королёв в молодости не только спроектировал, но и построил, испытал в воздушном полёте (1940 г., лётчик В.П. Фёдоров) модель ракетоплана, предназначенного для полёта в космос и возвращения на Землю. Кто знает, не начнись Великая война, заставившая Главного конструктора заниматься разработками исключительно военных ракет, может, мы сегодня летали бы на орбиту в космические санатории на ракетопланах конструкции Королёва. (Хотя... именно сегодня пришлось бы соблюсти как минимум два условия: либо 20 миллионов долларов, которые платят Роскосмосу иностранные туристы, либо возврат к социалистическим профсоюзам с их бесплатными путевками в санатории...) Темой дипломной работы полковника Ю.А. Гагарина в Военно-воздушной академии имени Жуковского был как раз многоразовый космический корабль. Как позже выяснилось, первый космонавт внёс свою лепту в разработку российского аналога американского «спейс шаттла» (круто заворачивается: нашей копии американской копии нашего изобретения). А всего лишь через год после старта «Колумбии», 4 июня 1982 г., замаскированный в сообщениях печати под спутник «Космос-1374», совершил первый орбитальный полёт советский ракетоплан «Бор-4» — прообраз будущего корабля «Буран».

К слову, в начале 2008 года в СМИ разразилась мировая сенсация: западные немцы-частники купили для своего музея наш «Буран», причём не где-нибудь, а в Бахрейне, где несчастный корабль долго простоял заброшенным после какой-то международной выставки (типа — русских жаба задавила платить большие «бабки» за его вывоз). Посмотрев телевизионные кадры, специалисты успокоились: характерные очертания авиационных двигателей от Ту-154 на корме космического корабля показывали, что этот экземпляр — хотя и «шаттл», но никак не «спейс», в космосе он не бывал, а использовался для отработки планиро-

вания и посадки уже в условиях земной атмосферы. Т.е. — макет.

Похоже, именно на этом аналоге «Бурана» с четырьмя турбореактивными двигателями слетали, не поднимаясь в космос, 10 ноября 1985 года лётчик-космонавт СССР, Герой Советского Союза Игорь Волк и Ромас Станкявичус — члены отряда космонавтов, готовящихся для космических полётов на «Буране». Отряду этому не повезло: в течение года он потерял половину своего состава — двое лётчиков разбились, один космонавт умер. Возможно, эта трагедия явилась основной причиной замораживания программы — летать-то на «Буране» стало некому...

Настоящий космический «Бурани» после своего первого полёта (беспилотного) 15 ноября 1988 года бережно хранился на космодроме Байконур, пока не погиб 12 мая 2002 года при обрушении кровли монтажно-испытательного корпуса. Второй же корабль, не летавший и не успевший получить официальное имя и называемый создателями и воспитателями ласково: «Птичка», выставлен для всеобщего, прежде всего — детского удовольствия на берегу Москвы-реки возле парка имени Горького.

...Итак, вторые в космонавтике нередко оказываются в более выгодном положении, чем первые, — как лыжник, идущий по свежей лыжне вторым. И всё же вторым быть обидно, потому западные ревнивцы не оставляют попыток найти альтернативные подвигу Гагарина варианты. Не так давно на весь мир разнеслась сенсационная информация: американский крейсер выловил в Атлантическом океане капсулу спускаемого аппарата космического корабля неизвестной конструкции. Внутри оказались трое измождённых мужчин... в форме немецких Люфтваффе времен Второй Мировой войны. Гитлеровские космонавты рассказали, что были запущены в космос в начале 1945 года, и... больше ничего не помнят. Эту явную «утку» подхватили и понесли по миру, как знамя, уфологи («специалисты по летающим тарелочкам» — НЛО, UFO в импортном варианте). Им-то сразу стало ясно: немцев похитили инопланетяне! А потом, вволю над ними поэкспериментировав, через шесть десятков лет, стерев память, вернули на Землю. Недобрую службу сослужили представители «лженауки» авторам этой провокации, скомпрометировав ее в зародыше. «Утка» была в очередной раз нацелена на оспаривание первенства нашей страны в запуске человека в космос.

Но ведь не бывает дыма без огня. Что-то, имевшее место в истории, должно было стоять за этой выдуманной. Внятных объяснений в разнообразных комментариях этой новости не последовало. Рискну предложить свою версию. Всем известно из истории Второй Мировой войны, что, начиная еще с 1943 года, Гитлер бомбил Англию ракетами Фау-2 (V-2). В это же время в фашистской Италии вовсю применяли новое оружие уничтожения надводных кораблей противника — человеко-торпеды; в Японии развёртывалось массовое применение пилотов-камикадзе. Предполагаю, что в гитлеровских Люфтваффе родилась идея: для повы-

шения точности попадания ракет пристроить к Фау-2 кабину пилота-камикадзе. Очевидно, был сформирован специальный отряд пилотов ракет. Очевидно, какие-то документы о его деятельности сохранились и были найдены. Всё остальное — вымысел.

В заключение для полноты космического рейтинга «первый, второй» приведу порядок вступления стран мира в строй космических держав. Список будет короткий, так как, по международным правилам, страну можно причислить к «космическим» только в том случае, если она использует собственную ракету-носитель. Все остальные — туристы. Итак:

1. СССР-Россия — 04.10.1957 (первый спутник «ПС-1», ракета-носитель «Спутник»), 12.04.1961 (первый космонавт — Юрий Гагарин, ракета-носитель «Восток», корабль «Восток-1»);

2. США — 01.02.1958 (первый спутник «Эксплорер», ракета-носитель «Авангард»), 20.02.1962 (первый астронавт — официально — Джон Гленн, ракета-носитель «Атлас» /«Тор-Дельта»(?) /, корабль «Меркурий»/«Френдшип-7»);

3. Франция — 26.11.1965 (первый спутник «Астерикс-1», собственная ракета-носитель «Диамант», с космодрома в Алжире. Первый космонавт — Жану-Лу Жак Мари Кретьен, корабль «Союз Т-6», 24.06.1982);

4. Япония — 11.02.1970 (первый спутник «Осуми», собственная ракета-носитель. Первый космонавт — Тохиро Акияма, корабль «Союз ТМ-11», 02.12.1990);

5. Китай — 24.04.1970 (первый спутник «Чайна-1», собственная ракета-носитель «Великий поход»), 15.10.2003 (первый космонавт — Ян Ливэй, собственная ракета-носитель, корабль «Шень Чжоу-5». По этому параметру Китай можно считать третьей в мире космической державой после России и США, запустившей своего космонавта на своей ракете и в своем корабле);

6. Великобритания — 28.10.1971 (первый спутник «Просперо», собственная ракета-носитель. Первый космонавт (женщина) — Хелен Патриция Шарман, корабль «Союз ТМ-12», 18.05.1991);

7. Индия — 18.07.1980 (первый спутник «Рохини», собственная ракета-носитель. Первый космонавт — Ракеш Шарма, корабль «Союз Т-11», 03.04.1984).

Пока — всё. По данным печати еще 1980-х годов, Израиль начинал разработку собственной ракеты-носителя, но, видимо, помешали перманентные войны. Из сообщений СМИ последнего времени: Бразилия произвела успешный запуск собственной ракеты на высоту более 400 километров — это уже открытый космос. Не исключено, что в ближайшее время Бразилия станет 8-й космической державой.

Между тем, сегодня считают себя «космическими» еще 26 государств, чьи граждане летали на космических кораблях СССР-России и США. Это (в хронологическом порядке): Чехословацкая Советская Социалистическая Республика (Владимир Ремек, «Союз-28», 02.03.1978), Польша (Мирослав Герма-

шевский, «Союз-30», 27.06.1978), Германская Демократическая Республика (Зигмунд Йен, «Союз-31», 26.08.1978), Болгария (Георгий Иванов, «Союз-33», 10.04.1979), Венгрия (Берталан Фаркаш, «Союз-36», 26.05.1980), Вьетнам (Фам Туан, «Союз-37», 23.07.1980), Куба (Арнальдо Тамайо Мендес, «Союз-38», 18.09.1980), Монголия (Жугдэрдемидийн Гуррагча, «Союз-39», 22.03.1981), Румыния (Думитру Прунариу, «Союз-40», 14.05.1981), Федеративная Республика Германия (Ульф Мербольд, «Колумбия», 28.11.1983), Канада (Жозеф Гарно, «Челленджер», 05.10.1984), Саудовская Аравия (Султан Салман аль-Сауд, «Дискавери», 17.06.1985), Нидерланды (Вубо Йоханнес Оккелс, «Челленджер», 30.10.1985), Мексика (Родольфо Нери Вела, «Атлантис», 27.11.1985), Сирия (Мухаммед Ахмед Фарис, «Союз ТМ-3», 22.07.1987), Афганистан (Абдул Ахад Моманд, «Союз ТМ-6», 29.08.1988), Казахстан (Токтар Аубакиров, «Союз ТМ-13», 02.10.1991), Австрия (Франц Фибек, «Союз ТМ-13», 02.10.1991), Бельгия (Дирк Фраймут, «Атлантис», 24.03.1992), Швейцария (Клод Николлье, «Атлантис», 31.07.1992), Италия (Франко Малерба, «Атлантис», 31.07.1992), Украина (Леонид Каденюк, «Колумбия», 19.11.1997), Испания (Педро Дуке, «Дискавери», 29.10.1998), Словакия (Иван Белла, «Союз ТМ-29», 20.02.1999), ЮАР (Марк Шатлуорт, «Союз ТМ-34», 25.04.2002), Израиль (Илан Рамон, «Колумбия», 16.01.2003).

У берегов «Пермского моря»

Министерство развития торговли и предпринимательства Пермского края в рамках программы по развитию внутреннего туризма на Урале пригласило представителей администраций Башкотостана, Челябинской, Свердловской областей, Пермского края на тур по достопримечательностям Северо-восточного региона Пермского края. Участником этой туристической поездки стал и «Уральский следопыт».

Экспедиции по Уралу

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

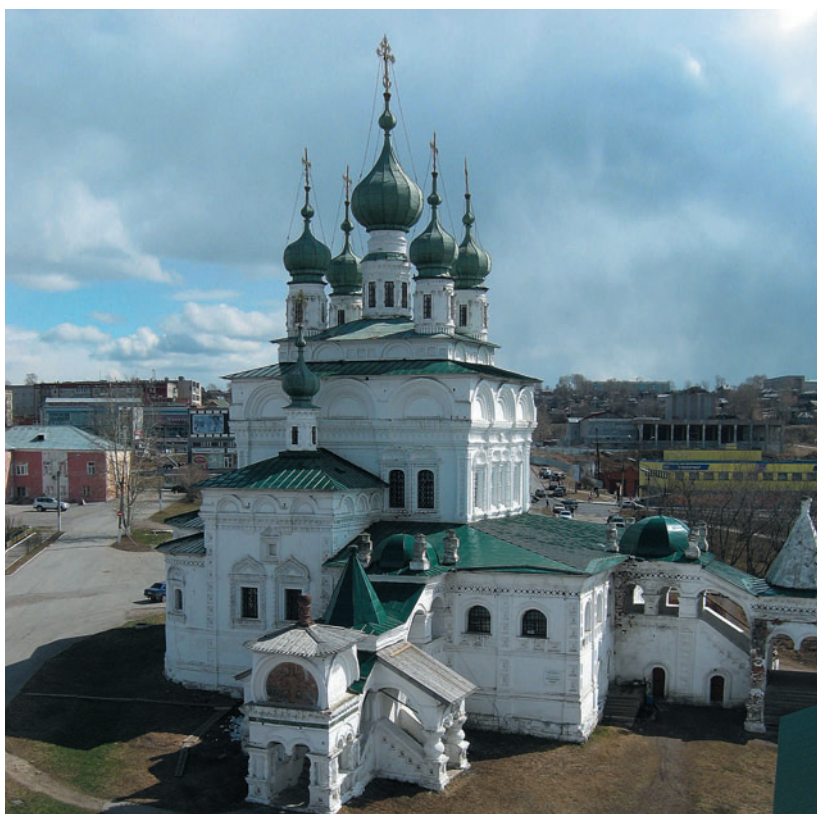
Основная цель – консолидировать усилия уральских регионов на развитие внутреннего и въездного туризма и формирования привлекательного имиджа Урала для увеличения количества туристов, приезжающих на Урал.

Жители Пермского края говорят, что если Урал – опорный край и стеновой хребет страны, то Прикамье, наверняка ее сердце. Регион богат историко-культурным наследием и традициями. И наша поездка по Пермскому краю в очередной раз подтвердила это.

«Соликамск городок – Москвы уголок»

Город был основан в 1430 г. и назывался в старину Усолье Камское или Соль Камская. На соли вырос Соликамск, солью живет и сейчас. Видимо поэтому знакомство с городом для нас начиналось с экскурсии в действующую шахту по добычи калийных удобрений – на «Дно Камского моря».

Несмотря на сложную историческую судьбу, Соликамск сохранил свой неповторимый облик, его центральный архитектурный ансамбль уникален. Он включает в себя редчайший по декоратив-

ной отделке Крестовоздвиженский зимний собор, заложенный в 1698 г. Тогда же был освящен главный храм города – пятиглавый летний Троицкий собор с двумя крыльцами, построенный на деньги, пожертвованные Царицей Софьей Алексеевной Романовой.

Денег хватило на строительство соборной колокольни высотой 60 м. Увидели мы и Свято-Троицкий мужской монастырь, в котором в советские времена располагались камеры предварительного заключения.

Нас провели между стен Дома воеводы. Это здание - уникальный памятник архитектуры федерального значения, самое древнее каменное сооружение, было построено в 1688 г. В его толстых стенах проложены внутренние ходы, устроены бойницы. Так, при опасности, воеводская резиденция превращалась в крепость.

Чердынь – колыбель Пермского края

Первое, что ощущают те, кто впервые оказался в бывшей столице всех североуральских земель Перми Великой Чердыни, – необыкновенную древность и загадочность этого города. И нам посчастливилось самим в этом убедиться. Здесь где легенды обретают черты реальности, прошлое сливается с настоящим, и находятся самые древние и ценные памятники культуры Прикамья.

Усолье — столица Строгановых

Изначально город назывался “Новое Усолье” и связано это, конечно же, с производством соли. Это наиболее “строгановский” город во всем Прикамье, неразрывно связанный с историей этой купеческой, а позднее дворянской династии. До наших дней сохранился Строгановский ансамбль, в который входят три постройки: Спасо-Преображенский храм, колокольня и палаты Строгановых. Все они возникли в 20-е годы XVIII века и являются одним из лучших произведений строгановской архитектуры. Мы посетили палаты Строгановых. Этот дворец - одна из крупнейших палатных построек в России, официальная резиденция Строгановых, в которой они, впрочем, никогда не жили постоянно. Дворец был возведен вместе с церковью в начале XVIII века. Сейчас в нём размещается музей, в котором создан комфортабельный зал, где проходят камерные концерты, и можно посмотреть фильм о достопримечательностях Усолья.

Рядом находится усадьба Голицыных (1815–1818). Здесь представлены экспозиции музея по истории Усолья.

